

Лариса Воронцова

Атлантида

Глава 1

Ночь прошла, но то ли оттого, что солнце в это время года так и не сошло с горизонта, то ли от дум, одолевавших правителя Атлантиды Хроноса, ему не удалось уснуть. Ложе, приготовленное слугами для сна, осталось нетронутым.

Он сидел в кресле у окна и задумчиво смотрел на спящую Аталлу. Из окна его опочивальни с высоты белокаменного дворца ему открывался весь главный остров Атлантиды. В столичном городе все было устроено мудро и красиво. Дворец Хроноса располагался в самом центре Аталлы, он был опоясан лентами суши и воды, чередовавшимися друг друга. Как на ладони был виден первый пояс, начинающийся сразу же за безмятежной синей гладью канала и покачивающимися на воде остроносыми пирогами. С высоты своего дворца он отчетливо видел добротные дома с причудливыми террасами и арками из красного и белого камня в зелени садов. Казалось, он ощущает терпкий запах плодов, обременяющих своей тяжестью кроны деревьев в широких, тенистых аллеях. В этих каменных домах с балконами, увитыми густой зеленью винограда, с просторными террасами и раскидистыми садами жили знатные граждане Атлантиды - люди высокого ума и обширных знаний.

Первый пояс Аталлы имел наибольшую поверхность из всех прочих поясов, составивших единое целое главного города Атлантиды. Сюда с восходом солнца прибывали беспечные студенты. Здесь в специальных школах молодые люди изучали философию, геометрию, астрономию, медицину, оккультизм, архитектуру и многие

другие мудреные науки. В праздное время атланты могли провести свое время в амфитеатре, где представлялись спектакли.

На первом поясе располагался также и порт для приема воздушных кораблей, бороздивших небо в перелетах между семью островами Атлантиды, и силовой кристалл, укрытый под сводами огромного пирамидального сооружения с прозрачными стенами. Даже самые юные атланты знали, что этот кристалл, появившийся на первом поясе Аталлы еще в то время, когда Сыны Небес запросто ходили по земле, чудесным образом вбирает в себя энергию вселенной, а от этой энергии питаются все воздушные корабли.

На удаленных от сердца Аталлы поясах обитал мастеровой люд и земледельцы. Их дома, не столь причудливых, как на первом поясе, и совершенных форм, способных порадовать глаз даже самого утонченного человека, были, тем не менее, просторны и удобны, устройство жизни каждого дома всегда соответствовало нуждам и вкусам его обитателей.

Когда наступала пора солнцу по ночам уходить за горизонт, натягивая над Атлантидой тончайшее покрывало с яркими бликами далеких звезд, и в природе наступало похолодание, дома атлантов, тем не менее, были теплы: горячие источники, бывшие повсюду, исправно гнали свое тепло по искусно устроенным аквадукам. Летом же живительную влагу многоликим садам горожан и зеленеющим полям земледельцев тем же самым способом давали тоже источники, но только с холодной водой.

Невзирая на отделенность поясов цветущей и благодатной земли широкими каналами вод, сообщение между ними никогда не замирало. Каждый пояс имел свой порт, через который любой желающий с какой-то своей надобностью мог в одной из лодок, без конца снующих по глади каналов, попасть в порт следующего пояса, и даже,

если бы вдруг возникла у кого такая охота, через порт последнего пояса выйти в открытый океан. Таким устройством столичного города было всегда. Хронос знал, что человек не мог бы сам придумать и соорудить столь замысловатое чередование суши и воды, - этот грандиозный план даровали Боги, кои в начале жизни его страны жили среди атлантов. Именно они научили первых атлантов премудростям наук, раскрыв им многие тайны природы, они же оставили и всем последующим поколениям атлантов великие знания. Никто не знал, когда Боги покинули эту землю, но, как утверждал Верховный жрец - хранитель истории и великих тайн, - произошло это после того, как все меньше света становилось в душах простых людей.

Верховный жрец... Да, именно он стал еще одной причиной тяжелого беспокойства и бессонницы правителя Хроноса. Он неотрывно смотрел на Аталлу, переплетенную полосами суши и воды, и вспоминал свой разговор со святейшим Микаром.

В день 9 чичкан месяца шуль Верховный жрец прислал ему свое послание, встревожившее Хроноса. Верховный жрец очень редко обращался к правителю Атлантиды с письменными посланиями. Поэтому Хронос с легким внутренним напряжением принял пергамент из рук служителя храма Верховного жреца, высокого желтолицего человека в просторной одежде. Хронос нетерпеливо сорвал сургучную печать свитка и погрузился в чтение.

Верховный жрец Атлантиды сообщал Хроносу о том, что им нужно увидеться, ибо при встрече жрец намерен передать правителю важное известие, касаемое ближайшего будущего его страны. Сообщение до крайности встревожило Хроноса, он вдруг почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. За всю историю его правления Верховный жрец лишь несколько раз, в самые ответственные моменты прибегал к беседам с ним в собственном доме.

Однажды случилась страшная засуха, земля оскудела и перестала питать своими соками сады и поля атлантов. Тогда Верховный жрец вмешался и дал свой мудрый совет в ту пору еще молодому правителю Хроносу. И тогда они встретились не в Высшем храме жрецов Атлантиды, как обычно, а в доме самого Микара.

Хроносу вдруг ярко вспомнил тот знойный день, когда он в сопровождении верных слуг прибыл к Микару. Хронос оставил своих людей томиться на солнце перед дворцом жреца, а сам вошел под покров террасы с колоннами из красного гладкого камня. В самом конце открывшейся его взору широкой галереи появился человек в просторных белоснежных одеждах, он, почтительно кланяясь правителю, пригласил его войти во дворец Верховного жреца. Тяжелые дубовые двери растворились перед ним и Хронос оказался в огромном зале со сводчатым куполообразным потолком. Украшенный лепными изображениями неведомых зверей и птиц потолок был так высок, что звук неторопливых шагов Хроноса, многократно умноженный и отраженный величественным куполом, громким эхом разносился вокруг.

И вот, наконец, в зале появился сам Микар. Небесная голубизна его пронизательных глаз особенно подчеркивала бледность лица.

Жрец неторопливым жестом руки, почти до запястья укрытой белоснежной тканью одеяния с едва заметным золотистым орнаментом, пригласил Хроноса сесть. Здесь, почти в самом центре зала, в темном ворсе огромного ковра тонули изогнутые витые ножки двух массивных кресел и небольшого стола. На столе стояли только прозрачные бокалы для питья, да узорчатый кувшин, фруктов, украшающих стол каждого дома, не было. Да и откуда же им было в тот год взяться. Нещадное солнце тогда палило и палило, истощая землю атлантов, не позволяя дождю пролиться на утомленную жаром

землю. Голод страшной темной тенью почти распростер свои крыла над страной.

Хронос помнил, как они молча смотрели друг на друга. Первым негромко заговорил Микар.

- Правитель Хронос, я пригласил тебя, чтобы говорить об опасности, нависшей над страной. А она велика. Если ты помнишь, на памяти живущих ныне не было такого истощения почвы. Природа всегда определяла, когда ей питать эту благодатную землю живой влагой. Отныне циклы изменились, и людям придется самим позаботиться о своей земле.

Микар погрузился в недолгое молчание, по привычке, обдумывая все уже сказанное им и все, что еще предстоит ему сказать.

- О святейший Микар, позволь спросить, как же люди должны заботиться об этом? - с глубоким почтением молвил Хронос.

Как показалось Хроносу, Микар немного снисходительно посмотрел на него. Хотя, возможно, только показалось.

- Великие книги Атлантиды, в коих хранятся великие знания, могущие сделать эту страну непобедимой для врагов и благодатной для каждого ее жителя, ответят на любой вопрос. Именно они дали атлантам различные умения - строительство домов, водных и воздушных кораблей, земледелие, ремесла, - а также письменность, многообразные науки. Эти знания милостиво оставлены нам всемогущими Богами. Тебе об этом известно. Доселе не было нужды заботиться об орошении полей и садов, а теперь есть. В старинных книгах говорится об этом и рассказывается, как миновать сию беду. Созови своих градостроителей, медеплавильщиков и других, кого сочтешь нужным в этом деле, пусть они день и ночь работают над тем, как же подать воды из источников в сады и поля.

- Ты сказал, что в древней книге сказано, как миновать беду. Не

подскажешь ли способа?

Микар едва заметно улыбнулся одними уголками тонких губ.

- Я знал, что ты спросишь об этом. Я дам тебе толкователя старинных книг, он всю свою жизнь изучал их мудрые вечные тайны, он поможет народу твоему одолеть беду и выжить.

От радости зажглись глаза Хроноса, до сего мига подернутые тревогой. Он преклонил колено пред Верховным жрецом и с благоговением прикоснулся губами к его белоснежному одеянию.

- Благодарность моя и моего народа безмерна, о святейший Микар!

Благодаря мудрому вмешательству Микара Атлантида обрела чудесную систему орошения полей и садов. Летом прозрачная ключевая вода, напористо перетекая по медным трубам, исправно питала землю, и почва, тучная и плодородная, вновь щедро давала плоды и растения. Не осталось больше бед в благополучной и процветающей стране Хроноса.

После той беседы с Верховным жрецом они встречались лишь несколько раз, да и то в присутствии других людей. Не было повода у Верховного жреца – представителя верховной власти Атлантиды – беседовать с правителем с глазу на глаз. И вот теперь вновь, при личной встрече Верховный жрец грозит ему каким-то известием. Чувство сильной обеспокоенности, охватившее его, подсказывало, что ему предстоит нелегкий разговор, быть может, много крат мрачнее, состоявшегося в пору начала его правления.

Тревога темной тенью легла на лицо Хроноса, свела почти к самой переносице тонкие линии бровей, изогнувшиеся над большими с искрами зелени серыми глазами. Он стоял у открытого окна, вбирая в грудь свежий ветер Атлантики, а в голове беспокойным роем вился сонм мрачных безрадостных дум.

Не было больше покоя Хроносу в его любимой стране. Доселе процветающая Атлантида с ее семью островами, с высокими науками и ремеслами, радостным и благодатным народом вдруг утратила свое благополучие, выразимое в согласии и благоразумии - этих извечных спутниках народа Атлантиды. Все чаще народное собрание на дворцовой площади разбирало жалобы обиженных земледельцев. Наделенные землей еще в незапамятные времена далеких предков атланты вдруг решались изменить установленный порядок в ущерб живущих рядом с ними. Пока что жалобщики угрюмо уступали народному собранию, громогласно бросившему каждому из них свой единодушный многоголосый ответ: да не будет так!. Но Хронос понимал, что уходящих в мрачном и тяжелом молчании недовольных становится все больше, а раз так, то возмущение и смута, доселе незнакомые его стране, станут расти. Потому-то в его душе поселились тревога и беспокойство. Хотя он и не мог устремить в будущее свой третий глаз, давно закрывшийся не только для него, но и для многих, но сердцем он чувствовал, что страшные, тяжелые времена наступают в его стране. Самое же тревожное для него было то, что он - владыка процветающей и благодатной страны с образованным и послушным народом, - не знал, как пережить смутные времена, что сделать для возвращения мира и радости своему народу.

Хронос, погруженный в тягостные думы, не услышал легких, почти летящих шагов за спиной, он вздрогнул от едва ощутимого прикосновения нежной руки и раздавшегося вслед за ним звонкого голоса:

- Отец, я искала тебя. Что случилось, почему ты грустишь?

Обернувшись, Хронос увидел изумрудное сияние глаз дочери, радость от встречи с отцом была перемешана в них с тревогой.

Лессира в это утро и вправду была встревожена. Слуга,

тяжело вздыхая, тихонько шепнул ей, что всю ночь царь, печальный и задумчивый, провел в кресле у окна. И что же она видит? Он встречает ее грустной улыбкой.

- Что случилось, отец? Скажи мне.

- Дочь моя, понапрасну себя ты беспокоишь такими мыслями, - Хронос с нежностью сжал руки дочери, - тебе известно, что управлять нашей большой страной непомерная по своей сложности задача. Обычные дела кладут тень заботы мне на чело.

- Но раньше ты никогда не выглядел таким встревоженным, - упорствовала в своих расспросах Лессира, - неужто раньше забот было меньше?

- Времена меняются, страна тоже должна меняться. Я и размышляю о том, что же должен изменить в нашей любимой стране.

- Отец, обещай мне, что не скроешь от меня перемен. Обещаешь? - настойчиво твердила Лессира, вглядываясь в улыбающиеся глаза отца.

- Обещаю ничего не скрыть от тебя, о всевидящая дочь моя, - с улыбкой на устах ответил царь, и шутливо поклонился дочери. - А теперь расскажи мне, что привело тебя ко мне в столь раннее время.

- Я пришла за разрешением... э-э... я хочу сегодня покинуть дворец... позволь мне совершить прогулку...

- Прогулку? Как обычно, на первом поясе?

- Нет, дальше... позволь мне посетить и другие поясы тоже.

- Кто тебя будет сопровождать?

- Назира.

Царь кивнул в знак своего согласия. Но в этот момент перед его взором вдруг предстали картины народных собраний, хмурые и недовольные атланты, не получившие разрешения на передел земли, и в сердце его пробрался холод. Он ясно ощутил, что время мира

и добра ушло безвозвратно, и теперь он уже не должен позволять своей дочери свободно, без охраны и лишь в сопровождении Назиры, перемещаться по столице. И тогда он произнес непривычные для себя слова, удивившие Лессиру:

- Хорошо, но только возьми с собой охрану.
- Охрану? Но зачем, отец?
- Так надо. Я же тебе сказал, времена меняются.

Лессира, ничего больше не спрашивая, наклонила голову и удалилась. Шаги ее вскоре отзвучали в воздухе.

Глава 2

Лессира - единственная дочь правителя Атлантиды - была независима и горда. По своему характеру решительная и твердая, она с самых своих ранних лет свободно повелевала приближенными, и никто из дворцового окружения не отваживался перечить Лессире. Быть может, причиной тому была трогательная привязанность Хроноса к своей дочери, который и сам стремился предупредить любые ее желания, и того же строго требовал от окружения. А может быть, всем хорошо известен был гордый нрав Лессире, непреклонность ее собственных суждений. Все ее желания и прихоти исполнялись, даже, скорее, не из-за страха вызвать гнев самого правителя, который сердился редко, чаще всего он лишь недовольно хмурил брови и укоризненно качал головой, сколько из-за страха попасть в немилость к самой Лессире.

То, что прекрасная девушка с огромными изумрудными глазами и тонким станом постепенно превратилась в крайне независимую и непреклонную особу, для многих приближенных к царю атлантов не стало большой неожиданностью. Однако никто из них и подумать не мог бы о том, что это прелестное создание вдруг вздумает проявлять пристальный интерес к делам государственным. Нередко во время бесед она присутствовала подле своего отца, сосредоточенно внимая каждому сказанному слову. Многие, кто бывал по каким-то важным делам в приемном зале дворца у Хроноса, поначалу не понимали, зачем же здесь Лессира. Но по истечении времени кто с немим одобрением (вот-де умная у правителя дочь, интересны ей

дела страны), кто с безразличием, а кто-то и с осуждением (зачем женщине брать в голову вещи, далекие от ее восприятия) все смирились с ее неизменным присутствием. Тем более, что сам Хронос не видел во вдруг проявившемся интересе своей дочери к делам родной земли ничего предосудительного, даже, скорее напротив, он был рад тому, что Лессира старается понять механизм государственного управления. Он в тайне лелеял надежду, что она, если на то будет воля Богов, возможно, станет первой в истории Атлантиды женщиной-правительницей. Впрочем, он понимал, что с таким, возможным, решением Верховного жреца, наделенного Богами властью провозглашать имя нового правителя, атлантам будет непросто согласиться.

Однажды в дружеской беседе с Хроносом архонт второго острова Атлантиды Синапериб, еще молодой, но уже умудренный жизненным опытом человек с высоким лбом мыслителя и живыми проницательными глазами, со свойственной ему неторопливостью и размеренностью высказывал свои мысли относительно некоторого переустройства в Атлантиде.

В вечерней прохладе Хронос и Синапериб непринужденно беседовали на террасе царского дворца у пиршественного стола, сервированного фруктами, засахаренными сладостями и вином. Правитель Хронос с легким радостным сердцем внимал словам Синапериба, чьи идеи и взгляды он ценил высоко. Синапериб из всех архонтов был, пожалуй, наиболее приближен к правителю, который любил подолгу беседовать с архонтом, обсуждать государственное устройство Атлантиды, ее историю, мечтать о далеком будущем своей великой страны.

На этот раз их разговор, плавно переходящий из одного русла в другое, коснулся роли женщины в управлении страной. Хронос, подталкиваемый желанием узнать мнение Синапериба насчет соб-

ственных тайных мыслей, сказал:

- А странно, что в Атлантиде нет и не было ни одного архонта-женщины. Ведь среди женщин Атлантиды есть немало заслуживающих всяческих похвал как в искусстве, так и в науках. Неужели бы какая-то из них, стань она архонтом, не справилась с управлением одним из островов?

- Нет, они несправедливы и глупы, - резко сказал Синапериб.

Хронос знал о том, что Синапериб в юности пережил страстное увлечение, посеявшее в его сердце лишь разочарование и печаль, он, на всю жизнь оставшийся одиноким, не жаловал больше женщин, при случае был готов высмеять каждого, кто преклонял свои колени пред ними. Хроносу это было ведомо, но он не оставлял надежды найти убедительные доводы и развеять заблуждение архонта. Правителю, питавшему к нему самые теплые дружеские чувства, хотелось увидеть однажды в глазах Синапериба свет любви, зажженный прекрасной женщиной.

- О Синапериб, ты не прав, - возразил Хронос. - Ты, единожды разочаровавшись в одной из них, готов отвергать все самое прекрасное и в тех, кто ни в чем не повинны пред тобою.

- Все они глупы, - упорно твердил архонт.

- Нет, ты не прав, - царь весело рассмеялся, запрокинув свою светловолосую голову. - Ты не прав, говорю я тебе, делая такое обобщение. Я знавал много женщин, которых можно счесть за образчики ума и яркого таланта.

- Ты, как и многие другие, ослепленные их внешним блеском, был обманут. Их свет слепит глаза, а внутри - пустота. И так всегда. Исключений нет.

Увлеченные спором они не заметили появления Лессиры на широкой мраморной лестнице. Она, гуляя в тени дворцового сада,

услыхала на террасе голоса. Лессира медленно ступая по белым каменным ступеням лестницы, поднимавшейся от сада к самой террасе, слышала весь разговор между Хороносом и архонтом.

- Так-то вы говорите о нас, о женщинах, - сказала Лессира, приближаясь к отцу и его гостю.

Синапериб встал и поклонился Лессире.

- Да, прекрасная Лессира, мы говорим о женщинах.

- Чем же тебе не угодили женщины, о архонт Синапериб? Почему же ты так насмешлив и зол?

- Синапериб считает женщин глупыми, - с улыбкой сказал Хоронос.

- Так он всех считает глупыми?

Наступила полная тишина, только птицы щебетали в листьях винограда. Синапериб молча смотрел на Лессиру, будто видел ее впервые. Он и не заметил, как она выросла, он все еще считал ее ребенком. И вот теперь она твердо смотрит ему в глаза и ждет ответа. Синапериб ответил, как всегда, без тени лукавства и лжи:

- За всю жизнь мне не пришлось увидеть исключение из сего правила.

С той поры Синапериб стал для Лессире неудобным человеком. Пусть ей, дочери правителя, он не причинил, да и не мог причинить никакого вреда, но его пренебрежительный тон, с которым он рассуждал о женщинах вообще, был оскорбителен лично для Лессире. Ведь она, Лессира - единственная дочь правителя Атлантиды, - женщина. В ее присутствии каждый должен быть почтителен и предупредителен. И плохо то, что отец позволяет своим подданным быть ближе, чем следовало бы. Его дело управлять и повелевать, а не беседовать за кубком виноградного вина с теми, кто должен склонять спину в почтительном поклоне.

Впрочем, спокойная и размеренная жизнь процветающей Атлантиды ни единого раза не дала Лессире повода усомниться в величии государственной власти. И потому сегодня она с удивлением восприняла слова отца о том, что в прогулке по Аталле ей следовало взять с собой охрану. Зачем охрану? Кого опасаться ей, дочери правителя страны? По своему обыкновению Лессира не стала перечить отцу, но поступить она была намерена по-своему.

Вернувшись в свои покои, она приказала Назире, своей верной служанке, собираться в дорогу. Назира за многие годы привыкла к своенравному характеру Лессире, научилась говорить с ней уважительно, но без подобострастия, привитого уже почти всем дворцовым слугам.

- Куда госпожа намерена отправиться сегодня?
- Недалеко. Прогуляемся с тобой по отдаленным поясам Аталлы.
- Вдвоем?
- Почему тебя это удивляет? Разве раньше мы с тобой не выходили из дворца вдвоем?

Лессира недовольно изогнула тонкие брови, а в изумрудных глазах появилось удивление.

- Осмелюсь напомнить госпоже, что времена настали смутные.
- Я не боюсь каких-то пахарей, недовольных своей жизнью. Что мне до них? Ты что ли их боишься? - грозно спросила Лессира.
- С моей госпожой мне нечего бояться.
- То-то же. Собирайся!
- Какое платье приготовить госпоже?

Лессира задумалась. Ей вдруг в голову пришла мысль одеться в обычное льняное платье, какие носят простые горожанки, чтобы никто ее не мог узнать. Так ей, оказавшись в самой гуще обыденной жизни Аталлы, легче будет наблюдать за тем, что происходит

на улицах и площадях столицы Атлантиды. Мысль эта понравилась Лессира. Она быстро сменила свой изысканный наряд на светлое льняное платье, которое принесла расторопная Назира, легкая короткая туника небрежными волнами ниспадала ей на плечи. В новом платье Лессира и вправду стала похожа на обычную жительницу Аталлы - дочь земледельца или ткача. Впрочем, ее высокое происхождение все-таки было бы заметно для пристального глаза, его выдавала гордая осанка, величественный взгляд, с каким Лессира по обыкновению смотрела на приближенных.

- Что ты так глядишь на меня, Назира? - нахмурив брови, спросила Лессира.

- Простите, госпожа, - молвила Назира, - но и в этом платье вы не похожи на простую горожанку.

- Почему? Что тебя смущает?

- Пожалуй, стоит убрать из волос ваш гребень с камнями.

- Хм, ты предлагаешь мне освободить волосы?

Лессира коснулась рукой волос, она редко давала им свободу, даже во дворце она не ходила простоволосая. И вот теперь Назира ей советует именно так выйти на люди. Но она ведь не желает сегодня быть узнанной кем бы то ни было, она хочет почувствовать себя обычным человеком, свободным от всех условностей ее высокого происхождения. Значит, так тому и быть.

- Да, ты права. Так будет лучше.

Они вышли из дворца, не встретив на своем пути никого. Шагая по белоснежной мраморной галерее, Лессира ощущала необыкновенную радость. Солнце косыми лучами устилало ее путь яркими бликами. Она шла грациозно и легко, неслышно ступая своими маленькими ногами, перехваченными двумя тончайшими полосками сандалий.

Лессира любила появляться в столице, ее восхищало собственное присутствие в Аталле. Она обожала этот город с широкими, мощенными красным и белым камнем площадями, величественными дворцами, утопающими в зелени эвкалиптовых рощ, тихими и спокойными улицами, крикливой и многоголосой рыночной площадью, соседствующей с самим морским портом Атлантиды, куда каждый день из чужих земель прибывают корабли атлантов с богатым товаром. Наблюдая жизнь Аталлы ее сердце пьянило ни с чем не сравнимое чувство собственной власти, она ощущала себя повелительницей мраморного великолепия столицы, ее тенистых аллей и садов. На улицах и площадях Аталлы, она, узнаваемая атлантами, гордо вскинув голову, несколько снисходительно принимала их почтительные поклоны и восхищенные взгляды.

Но сегодня, решив остаться незамеченной, она сознательно отказывалась от восхищения и почтения своих подданных, так тешивших ее самолюбие. Может быть, поэтому предчувствие необычных ощущений сегодня особенно волновали ее кровь.

Лессира в сопровождении своей служанки спустилась к самому каналу. Здесь начнется их путешествие в город. Лодка с белокрылым палантином, трепетавшим на ветру, едва заметно покачивалась на зыбкой прозрачной поверхности канала. Лессира остановилась на последней ступени мраморной лестницы, к самому краю которой льнула вода. Ей осталось сделать только шаг, опереться об руку кормчего, уже с поклоном протягивающего ее, ступить под прохладный полог палантина. Но появившиеся сомнения удерживали ее от этого. Она вдруг поняла, что раз уж она выбрала сегодня для себя образ простой горожанки, которая ни для чьего пристального взгляда не должна стать добычей, то эта лодка ей не подойдет - ей нужна другая, проще и неприметнее.

Она властным жестом отклонила руку кормчего, и, бросив несколько отрывочных слов, приказала ему взять другую лодку. Тот безропотно повиновался - быстрым взмахом весел отогнал лодку прочь. Не прошло и мгновения, как он осторожно уже причаливал к лестнице остроносой неприметной пирогой. Лессира, удовлетворенная его находкой, кивнула и подала руку. Кормчий почтительно осведомился, угодно ли будет госпоже пересечь какой-то из портов, или же она ограничится плаванием по одному лишь этому каналу. Лессира, немного морщась от яркого солнца, ответила, что хочет побывать на самом дальнем поясе Аталлы. Обнажив в широкой улыбке свои белые зубы, кормчий с готовностью погрузил весла в воду и сделал ими первый взмах. Лодка слегка качнулась и медленно заскользила по глади канала.

Глава 3

Дворец Верховного жреца бросал изогнутую тень на ступени широкой лестницы, круто вздымавшейся от аллеи могучих эвкалиптов. Хронос тяжело шагал по ровным и гладким ступеням, его пурпурная мантия, перекинута через плечо, медленно тянулась за ним. Каждый шаг по нагретой солнцем мраморной тверди давался ему с трудом, печаль и тоска неимоверной тяжестью лежали на сердце.

Наконец, он взошел на самую вершину дворцовой лестницы. Как когда-то давно, когда также с тяжелым сердцем шел к Верховному жрецу, он оставил свою свиту у дворца, перед колоннадой из красного гладкого камня, а сам направился к массивным дверям, венчающим широкую галерею, где, застыв в почтительном полупоклоне, его уже ждал служитель дворца Верховного жреца. Тот отворил дворцовую дверь и Хронос неторопливо ступил под его сень.

В жилище Верховного жреца ничего не изменилось, прошедшее время не наложило ни малейшего следа на внутреннее убранство. Подвластными времени оказались только люди. Хронос отметил про себя, как изменился облик Верховного жреца, с которым они после их давнишнего разговора встречались лишь несколько раз, да и то уже давно, морщины мелкой сетью легли на его одухотворенное лицо, голубые глаза поблекли и, казалось, потухли, теперь они с усталостью и отрешенностью смотрели на мир.

- Мир тебе и народу твоему, правитель Хронос, - неторопливо приветствовал Микар пришедшего.

- Зачем звал, о святейший Микар?

- Не торопи меня вопросами. Наш с тобой разговор будет длинен и труден. Скажи мне, что твой народ? Надеешься ли ты унять смуту?

- Недовольство растет. Земледельцы не хотят отступать.

- Они не отступят, - уверенно сказал Микар.

- Я надеюсь найти способ утихомирить их. Я найду его.

- Нет, не найдешь, - покачал головой Микар. – Они никого не станут слушать. Никого. Даже тебя.

Хронос молча смотрел на Верховного жреца. А тот спрятал глаза под седыми нахмуренными бровями. Казалось, он полностью углубился в свои мысли, но вскоре он заговорил вновь. Голос его зазвучал торжественно и громко, как если бы он стоял перед людной площадью.

- Я решил сказать тебе, о Хронос, всю правду.

Микар замолчал, устремив на Хроноса испытывающий взгляд.

- Данной мне Высшими Силами властью, - вновь заговорил Микар, - говорю тебе сегодня: трагические предсказания судьбы сей страны будут скоро воплощены в жизнь.

Сильнейшее волнение каменной глыбой сдавило грудь Хроноса, горячая волна прошла по его телу, иссушая все внутри.

- Трагические предсказания? О чем ты говоришь? – воскликнул Хронос.

- Есть такие предсказания в книгах древности. Сроков и времен не названо, но события уже ясно указывают на сие. Атлантида должна умереть, приближается сие трагическое время.

Меж них наступило гнетущее молчание. Первым нарушил его Хронос.

- Когда этому быть?

- Время близко.

- Но раз так, почему ты молчал до сих пор, о святейший Микар? – с болью в сердце вопрошал Хронос. - Почему не обмолвился об этом раньше?

- А разве ты что-то смог бы изменить? Разве сейчас, когда начались распри среди твоего народа, ты знаешь, как их потушить? Почему не уймешь земледельцев, недовольных своими наделами?

В воздухе вновь повисла тяжелая гнетущая тишина. Микар, успокоившись, вновь заговорил обычно, негромко и неторопливо.

- Впрочем, я не хочу тебя винить в этом, это было бы несправедливо. Ты один не сможешь изменить свой народ. Никто, даже Сыны Небес, мудрые Боги, не могут его изменить. Народ Атлантиды, избранный небесами и обласканный ими, теряет свет Богов. Богатство, благополучие, плодородная обильная земля, солнечное, доброе к ним небо избаловали атлантов. Они больше не хотят любви и мира, они жаждут множить свои богатства, отбирать у слабых их земли, воевать с другими народами и властвовать. В их душах растет темнота. Тебе об этом известно. Поэтому ты печален и встревожен, даже сон покинул тебя, о правитель Хронос. Ты, как и многие из твоих подданных, хотя и не обладаешь глазом Богов, но уже предчувствуешь плохое. Тебе, твоей душе известно, что нельзя повернуть время вспять. Ничего изменить нельзя.

- Но если бы раньше... раньше ты сказал... я бы мог спасти свой народ...

- Нет, - жестко бросил Микар, - не мог. Наступило время твоей стране умереть. Такова воля Богов.

- Но она не может умереть! Она, такая цветущая и прекрасная, должна жить вечно. О, святейший Микар, тебе подвластны тайны, укажи путь спасения для моей страны. Я тебя молю! Не дай ей погибнуть! Ты же спас от голода Атлантиду, ты один знал, знал тогда, как

ее спасти. Ты и теперь знаешь. Скажи.

- Знать сие мне не дано... Изменить сие не под силу даже Великим Богам... Ибо всему живому приходит конец... Будь то человек, материк, планета или даже звезда. Час смерти Атлантиды приближается... Твой народ должен быть готов к нему, он разделит судьбу своей страны.

- Какая смерть уготована нам?

- Начнется страшное сотрясение земли... Потом же дно океана разверзнется и земную твердь поглотит вода... Большая беда наступает... Многие, очень многие умрут...

- Я не могу в это поверить. Эта земля существовала веками, твердь ее незыблема, многие поколения атлантов нашли в ней последнее успокоение. В ее порталах стоят быстрые корабли, готовые отправиться в дальний путь для торговли или путешествия, дома атлантов богаты, а сами они - красивы и статны. Я уже не говорю о наших науках и искусствах. Атлантида - великая и могучая страна, равных ей нет на всем свете. Поэтому я не могу поверить в ее конец. Но я не могу сомневаться и в тебе, о святейший Микар, достойнейшем из достойных, потомке Сынов Неба. Мои чувства в смятении, а в душе разлад с самим собой.

В этот тяжелый час Хроносу очень трудно было совладать со своими чувствами. От величайшего внутреннего напряжения на его бледном почти без следов загара лице блестели мельчайшие росинки пота, руки же с тонкими окольцованными золотом пальцами нервно и сильно сжимали темный от времени витой обруч кресла.

- Ты, сбросив большой груз, ушел бы отсюда, если бы я признал свое пророчество ошибочным или, по крайней мере, сомнительным. Разве и мне самому не хотелось бы этого? Но это не так. Тебе прекрасно известно, что мои знания и власть даны свыше. Я живу уже

очень давно и не было еще случая, чтобы мои знания и способности узнавать неведомое для настоящего оказались ложными. Все, что я тебе поведал, правда. Тебе надо достойно принять этот удар и подготовиться к худшему. Ибо земное существование предельно для всего живущего - животного, человека, страны, самой планеты. На долю твоего народа выпала суровая и страшная участь - разделить смерть со своей Атлантидой.

- Но, святейший Микар, даже ты не знаешь, когда именно это произойдет. Может быть...

Микар, покачав седовласой головой, пронизательно и печально улыбнулся:

- Я понял тебя, правитель Хронос. Нет, этого не будет. Пусть я не знаю дня и месяца, но мне известно доподлинно, что последним правителем Атлантиды станешь ты. Тебе уготовано небесами испить эту горькую чашу. Будь мужественен и стоек. Боги тебе помогут.

- Если все, что ты говоришь, правда, то мне никто не поможет! - с горечью воскликнул Хронос.

- Боги помогут тебе, они пошлют тебе силы и мужество.

Микар вознес по-старчески исхудавшие руки к небу, будто призывая его в свидетели своим словам.

Хронос, как занемогший от старости человек, преодолевший многотрудный и длинный земной путь, медленно и тяжело шагал по галерее дворца Верховного жреца, шаги его гулким эхом звучали под ее высокими каменными сводами. Казалось, правитель стал меньше ростом, он, вдруг ощутивший на своих плечах огромный, непосильный для одного человека груз ответственности и великого знания, выдержать который лишь под силу Богам, сгорбившись и опустив голову долу, шел по гладким мраморным плитам, а следом за ним медленно тянулась его пурпурная мантия, перекинута через плечо.

Глава 4

Так повелось еще при прежних правителях Атлантиды, что здесь, на самом близком к океану поясе солнечной и вечнозеленой столицы, возник весь этот громкоголосый мир. Суетливая жизнь в нем не умолкала и тогда, когда наступало время прохладных ветров и дождей, а солнце уходило по ночам за горизонт. Но даже и тогда на торговых площадях Аталлы, широко раскинувшихся здесь, вблизи главных водных ворот Атлантиды, звучали призывно голоса купцов, преодолевших дальний, опасный путь, чтобы продать свой товар и закупить другой, диковинный и прекрасный, - яркие камни, золото, арихалк, слоновую кость, нежные ткани и сладкие плоды этой благодатной земли. Все это в изобилии присутствовало на торговых площадях Аталлы, где шла неумолчная, разноголосая, бойкая торговля.

Лессира лишь несколько раз, еще в ранней юности, побывала с отцом здесь, в этом пестром и кипучем мире. Она помнила, как тогда люди почтительно расступались пред правителем и его дочерью, неторопливо шедшими в сопровождении приближенных по мозаичным плитам главной торговой площади. В таком близком присутствии правителя Атлантиды все до единого купцы оставили свои товары и устремились к самому центру площади, туда, где шествовал Хронос, он ласковой улыбкой приветствовал торговый люд.

Казалось, в присутствии правителя жизнь замерла в почтительности и благоговении, не раздавались больше резкие, гортанные голоса, звучавшие здесь неумолчно с утра до вечера. Толпа, затаив

дыхание, замерла в молчании. И вдруг кто-то крикнул: «Мир тебе, правитель Хронос!», и толпа, с радостью и ликованием на разные голоса дружно подхватила эти слова и понесла по всей площади, передавая из уст в уста.

Сейчас же Лессира, попав одна в этот чужой и незнакомый мир, чувствовала себя потерянной, заброшенной чуть ли не на край света. Ей, привычной к всеобщему почитанию и поклонению, к степенной и размеренной жизни дворца и площадей первого пояса, где часто она бывала в сопровождении Назиры, здесь было неуютно и одиноко. Никто не кланялся ей, заведя еще издали ее стройную изящную фигурку, никто не спешил исполнить ее желание. Здесь она, никем не признанная, пробиралась сквозь толчею разномастно одетых людей, совсем непочтительно задевавших ее локтями.

Лессира, покрасневшая от яркого солнца и раздражения, захлестывавшего ее, остановилась у чаши фонтана, где меньше всего было людей. Назира не поспевала за своей госпожой, она догнала ее, едва переводя дыхание.

- Что ты плетешься, я тебя уже потеряла из виду? - грозно сдвинув брови, спросила Лессира.

- Не сердитесь, госпожа, здесь такая толчея. Я и не думала, что в столице столько купцов.

- Послушай, мне не нравится здесь. Уйдем отсюда!

- Надо поискать дорогу, я не знаю здешних мест.

- О, Боги, что за наказание мне с тобой! - Лессира с досадой топнула ножкой.

Гневно сверкающая глазами прекрасная Лессира привлекла внимание высокого темноволосого юноши. Он, незамеченный девушками, стоял у фонтана. Только что он напился воды и освежил ею голову с завитками жестких упрямых кудрей, и потому чувство-

вал себя снова, как утром, бодрым. Юноша незаметно поглядывал на гордую красавицу и ее служанку, в растерянности озирающуюся по сторонам в поисках дороги для своей суровой госпожи. Наконец, он решился приблизиться к ним.

- Простите меня великодушно, я невольно слышал ваш разговор.

Смущаясь перед холодным взглядом Лессира, юноша неловко потирал свои влажные, загорелые руки. Лессира, надменно вскинув подбородок, с вызовом в глазах глядела на него.

- Услышав ваш разговор, я понял, что вам неизвестна эта местность, поэтому я и осмелился подойти к вам, чтобы предложить свою помощь. Позвольте вам помочь.

Лессира смотрела на юношу холодно и оценивающе - с чего это он решил, что ей, дочери правителя, надо помогать и покровительствовать, она не нуждается ни в сочувствии, ни в помощи, ибо она сама, если захочет, может быть благодетельницей и покровительницей. Да и по какому праву этот человек смеет стоять около нее, так вольно разговаривать с ней. Она было собралась высказать юноше свое неудовольствие, как на ум ей пришла одна мысль. Она вдруг вспомнила, что она - будто бы и не она, никто ведь не знает, что она и есть Лессира, дочь Хроноса. Разве можно узнать ее, одетую столь неприметно и просто? И она решила использовать в угоду себе свою тайную прогулку по последнему поясу Аталлы, чтобы, познакомившись с этим темноволосым юношей, бросающим на нее робкие, восхищенные взгляды, узнать о жизни столицы Атлантиды с иной, закрытой для нее стороны.

- Хотя и не пристало девице разговаривать с незнакомцами, - негромко заговорила Лессира, искры гнева погасли в ее глазах, - но ты прав, мы с моей служанкой здесь впервые. Мне захотелось побывать у самых водных ворот Атлантиды, но суета, царящая здесь

повсюду, мешает. Я буду тебе признательна, если сможешь указать путь более спокойный.

Обрадованный словами гордой красавицы юноша, прижав руку к груди, с почтительной улыбкой отвечал:

- Сочту за счастье быть полезным тебе, о прекрасная незнакомка. Идемте. Я знаю другую дорогу, она выведет нас к водным воротам, где так много красот и величия.

- Скажи, как зовут тебя.

- Имя мое Тод. Я сын земледельца Беркана. А как зовут тебя?

- Меня зовут... - Лессира на мгновение запнулась, бросив красноречивый взгляд в сторону Назиры, - меня зовут... Клита.

Тод шагал уверенно и широко, как и подобает человеку знающему местность. Он без труда, не раздумывая и не сомневаясь, вел Лессиру и ее спутницу по тихим улицам. Девушкам после шума торговой площади было благостно их спокойное умиротворение. Это были улицы неширокие, огороженные с обеих сторон высокими каменными, а кое-где и мраморными стенами с редкими проемами массивных дверей, ведущих, судя по всему, прямо во двор домов, почти незаметных с улицы. Посещая вместе с отцом последний пояс Аталлы, они бывали на торговых площадях, у главных водных ворот Атлантиды, осматривали морской арсенал, где отдыхают после бурных морских перипетий суда атлантов, но ни разу, по крайней мере, в присутствии Лессеры, не побывали они здесь, в этом тихом, загадочном, как будто скрытом от посторонних глаз каменном лабиринте улиц. Здесь все было иное: нет обычных для Аталлы площадей с фонтанами, тенистыми прохладными аллеями и скамьями для отдыха, нет разнообразных публичных мест - школ, купален, гимнасий для развития силы и ловкости тела, пиршественных залов, вход куда открыт каждому. Здесь повсюду царили уединение и отрешенность

от целого мира, радости которого, казалось, были чужды обитателям этих домов.

Тод, внимательно наблюдавший за Лессирой всю дорогу, чутко отзывавшийся на каждое ее движение, заметил удивление, застывшее на ее прекрасном лице.

- Чему же ты так удивлена, Клита? - спросил он.

- Я доселе не бывала здесь, не видела этих улиц. Тебе ведомо, почему здесь так все устроено? Я вижу здесь каждый живет уединенно.

- Такое устройство вызвано близостью водных ворот. Каждый день в Аталлу на судах прибывают заморские люди - все они любопытны, а некоторые и нечестны. Поэтому такое уединение, даже можно сказать, укрепление защищает от посторонних глаз и злых помыслов. Но все жители последнего пояса Аталлы с удовольствием посещают те места, где любят проводить свое время и жители других поясов. Все они искренни с живущими рядом с ними, двери любого дома открыты для ближнего.

- Ты, должно быть, преувеличиваешь искренность людей, живущих здесь. Тебе известно, какие распри начались в последнее время среди земледельцев из-за величины их полей? Многие из них просят народное собрание переделить их земли.

- О-о! Ты сведуща в таких вопросах?! - удивился Тод, чем вызвал смущение Лессире.

Она, решив, что она выдала себя, слегка покраснела.

- Мне известно об этом.

- Это замечательно.

Справившись со своим сиюминутным смущением, Лессира продолжила разговор:

- Ты сказал, что твой отец - земледелец, он тоже хочет получить

земли?

Тод ответил не сразу, потому как во внезапно прозвучавшем вопросе была выражена вся суть изрядно затянувшегося его спора с отцом. Разногласия с отцом возникли сразу после того, как Беркан сначала поддержал, а затем и стал главенствовать среди некоторых земледельцев в их притязаниях на соседствующие земли. Резко и властно отвечая на протесты сына, противившегося стремлению отца и его сторонников переделить землю, Беркан, не терпевший возражений, гневно сверкая глазами, твердил, что люди, не должным образом заботящиеся о своих наделах, должны часть их отдать более трудолюбивым и умелым земледельцам. Не может плодородная и обильная земля Атлантиды принадлежать тем семьям, которые не любят ее и не заботятся о ней, повторял он.

Тод, страдавший душой из-за этой тяжбы с землей, а главное из-за участия в ней своего отца, немного растерялся перед пытливым взглядом Лессире, ожидавшей ответа. Так случилось, что эта тема была больной и неразрешимой для него. Он не мог поддержать своего отца, но не мог и отделиться от него, так как любил всей душой и отца, и всю свою семью. И получалось, что он, как часть семейства Беркана, должен был разделять его взгляды, по крайней мере, при посторонних иначе быть не могло. Тод никогда бы не позволил себе в разговоре с чужими людьми осуждать поступки и взгляды своего отца. Все их разногласия клокотали в страстных спорах в кругу семьи. Тод не боялся высказать отцу свое мнение, поспорить с ним, но при посторонних он оставался верным сыном Беркана, хотя бы внешне поддерживающим его.

- Многие земледельцы выступают за передел земли, - уклончиво ответил он.

Голос Тода вдруг стал тусклым и невыразительным, а сам он

старательно прятал глаза от пристального взгляда Лессира. А Лессира, встретившая, наконец, человека, имеющего прямое отношение к кругам, затеявшим этот большой, можно сказать, государственный спор, жаждала услышать из его уст мнение противоположной стороны, противоборствующей народному собранию и самой власти.

- Дело в том, что они придерживаются тех взглядов, что малочисленные семьи, не справляющиеся со своими наделами должны поделиться с теми, у кого есть все возможности обрабатывать землю, получать два урожая.

- Что означает, малочисленные семьи?

- Это те семьи, где число детей, последователей своих отцов, мало. Значит, считают многие земледельцы, они не так нуждаются в плодородных и тучных полях, как многочисленные, способные возделывать земли, получать хорошие урожаи, что, в конечном счете, идет во благо, прежде всего, государству.

- Ты сказал многие, а твой отец среди них?

- Да.

Длинная и узкая улица вывела их на просторную площадь, с которой открывался пленяющий взгляд вид на океан. Перед их взором открылась панорама необъятного простора, лазурной гладью уходящего за горизонт. Вода, казалось, была повсюду. Она ограничивалось сушей только лишь с одной стороны, там, где наступал предел Аталлы, где мраморные парапеты площади и величественные столпы главных водных ворот Атлантиды соприкасались с волнами.

Легкий ветерок лениво играл приспущенными полотнами белоснежных парусов торговых кораблей.

Лессира, Тод, и стоящая чуть поодаль Назира, молча любовались раскрывшейся перед ними панорамой. Они свободно, всей грудью вдыхали свежий воздух. Океан был спокоен, он неторопливо нес к

горизонту свои волны. Со стороны причала, где готовилось к дальнейшему путешествию судно, ветер приносил чьи-то крикливые голоса, то и дело доносился шум - на палубу загружали разные товары, за пределами Атлантиды слышавшие редкими и даже диковинными.

- Я стараюсь бывать здесь часто, когда выдается время, - сказал Тод, - мне нравится видеть этот бескрайний простор, дышать этим воздухом. Здесь легко думается о дальних странах и землях, представляются путешествия и дороги. А ты бываешь здесь? - обратился он к Лессире, устремившей взор вдаль, туда, где у края земли встречается вода с небом.

- Иногда, - едва слышно произнесла она, не в силах оторвать взгляд от таинственной синей дали.

- Ты, вероятно, живешь на другом поясе? Позволь узнать, из какой ты семьи, кто твои родители?

- Я? Я... мои родители... вернее, мой отец... э-э... он астроном.

- О-о! Асурамай! Ты его дочь?!

- Ты... ты его знаешь?!

Лессира почувствовала, как ее щеки опалил яркий румянец. Ей еще не приходилось лгать, поэтому, попав в нелепое положение, она почувствовала себя совсем неуверенно. Но ведь не могла же она сказать юноше, что она дочь правителя Хроноса. Хотя, что ей особенно переживать. В конце концов, какое ей дело до того, что он о ней подумает, если вдруг выяснится правда: она видит его в первый и последний раз.

- О нет, конечно, лично я с ним незнаком, но наслышан о нем, как о человеке больших знаний и великого ума.

Лессира с облегчением вздохнула. Она с удивлением прислушивалась к своим ощущениям и спрашивала себя, с чего это вдруг она так разволновалась, когда этот молодой красавец едва не ули-

чил ее во лжи? Разве имеет хотя бы какое-то значение восхищенный блеск его темных, почти черных глаз, когда он обращает свой взор к ней, а когда улыбается, то тепло и нежность, струящиеся, казалось, из самого его сердца, горячей волной охватывают ее всю, от чего сердце начинает испуганной птицей колотиться в груди. Разве важно этой ей, избалованной вниманием и почтением приближенных, готовых в один миг выполнить любое ее желание? Она, стоя подле него, смотрела в его глаза и думала, что подобных ощущений в ее сердце еще не бывало. Почтение и восхищение, оказываемые ей, как дочери правителя Хроноса, не шли ни в какое сравнение с тем чувством, что читалось ею в глазах Тода, который даже и не знал, кто она есть на самом деле.

- Твой отец - поистине великий человек, - восторженно говорил Тод. - Он может прочитать звездное небо и предсказать расположение звезд в любое время года. Звезды для него - открытая книга. Это замечательно!

- Ты я вижу поклонник Асурамая... э-э... моего отца. А сам ты чем занимаешься? Сам ты кто? Тоже, как и твой отец, земледелец?

- Нет, - тяжело вздохнул Тод, вспомнивший каких усилий стоило ему переубедить Беркана, когда пришло время взросления. - К величайшему огорчению отца, я не земледелец. Я архитектор.

- Ты?! - удивилась Лессира. - Но ведь ты так еще молод. Я знаю, что в это дело посвящены только умудренные опытом старцы.

- Да, ты сведуща во многих вопросах, - заметил Тод, лукаво улыбаясь. - Ты права, великими секретами владеют лишь они, но сокровенные знания отданы им Богами не ради них самих, их заслуг и опыта, а ради пользы и процветания Атлантиды. Поэтому, выбирая наиболее достойных и старательных учеников, они делятся с ними своими секретами. Точно также было и с ними, в их пору взросле-

ния - посвященные, выбирая лучших, отдавали свои великие знания, чтобы это дело, столь нужное людям, жило в веках.

- Как же тебе удалось получить согласие своего отца? Он ведь не мог не возражать против твоего выбора.

- Ты права, о разумнейшая Клита, - улыбнулся Тод. - Он возражал. Все мои братья, а их в нашей семье пятеро, продолжают дело отца, и только я один, получается, предаю его. Он долго не мог примириться с этим, и только теперь, когда я оказался в числе избранных, старательных учеников, которые могут получить от посвященных великих мастеров драгоценные знания, он, как мне кажется, успокоился за мою судьбу.

В воздухе посвежело и подул резкий прохладный ветер. Несмотря на то, что солнце, как и утром, было еще высоко в небе, - оно вообще не уходило с небосвода в теплое время года, - вечерняя прохлада незаметно подступала к Аталле со стороны океана.

- Ну что же, - вздохнула Лессира, поворачиваясь спиной к водной глади, властно притягивающей ее взор, - нам с Назирой пора возвращаться. Я благодарю тебя, Тод, за время, что ты провел с нами.

- Я был рад знакомству с тобой, о прекраснейшая Клита. Позволь мне проводить вас до канала, где, должно быть вас ждет пирога?

Лессира с улыбкой кивнула, и они двинулись в обратный путь.

Глава 5

Ароматы благовоний и масел щедро струились в воздухе. В просторной душной от горящих свечей комнате, сплошь затянутой пестрыми коврами, их было множество – причудливых форм, всевозможных цветов и оттенков. Свечи были повсюду, они бросали скопища теней на глухие ковровые стены и мозаичный пол, их отсветы играли на белом лепном потолке.

Гродж, архонт пятого острова Атлантиды, расслабившись, возлежал почти обнаженный, лишь светлый набедренный пласт ткани оттенял смуглую кожу его мускулистого тела. Возле него хлопотала высокая молодая женщина, так же, как и архонт, почти обнаженная, красные полосы пурпурной ткани, обхватывали лишь ее упругую, высокую грудь, едва прикрывали красивые бедра. Женщина, меняя чаши с белыми, розовыми, алыми мазями и кремами, тонкими, проворными пальцами, будто лаская, нежно натирала смуглое тело архонта.

Наконец, легкий массаж был закончен. Женщина, почтительно поклонившись, неслышно отступила в тень. Она знала, что в такие мгновения расслабленного и погруженного в сладкую негу господина нельзя тревожить неловким, резким движением, поэтому ее шаги, похожие на безмолвные осторожные блики свечей на стене, были неслышны и легки.

- Продолжай, Лилит! - властно распорядился Гродж. - Плохо сегодня ты выполняешь свою работу. Я тобой недоволен. Да, и сходи, проверь, готова ли купальня, горяча ли в ней вода.

Лилит поспешно выступила из тени и, замерла на миг, соображая, какое же из приказаний выполнить прежде.

- Что ты застыла, словно изваяние?! - загремел Гродж. - Я же сказал, продолжай! Оглохла ты что ли?

Лилит вновь поспешно принялась за дело, каждое ее движение успокаивало Гроджа, напряжение постепенно покидало, наступало приятное расслабление, томившее все его тело.

Сегодня Гродж устал, весь этот день, горячий от яркого солнца и праведных трудов, он провел в своем зиккурате - огромном, каменном сооружении, занимавшем собой восточную часть пятого острова Атлантиды. Арена зиккурата, ощетинившаяся подстриженной зеленью трав, была местом учений, а чаще всего, настоящих битв доблестных воинов Гроджа. Архонт, считавший ратный труд главным для граждан любого могущественного государства, способного завоеваниями расширить свои владения, обрести власть над другими народами, мечтал посвятить себя этому. Поэтому все время своего властвования пятым островом он воспитывал из своих подданных воинов.

Под возбужденные крики публики, яростно сверкая клинками и медными щитами с изображением храброго льва - символа воинственного острова Атлантиды, - две фаланги воинов вступали в сражение друг с другом. Битвы бывали яростными, с беспощадными, как на поле брани, ударами. Не один раз трава, покрывающая арену, орошалась кровью раненых воинов. Решить исход схватки мог лишь сам архонт, только он один владел правом оставить битву незаконченной, и сохранить жизнь воинам уступающей в бою фаланги, или же довести бой до полного, победного завершения, и тогда, пока под восторженный вой публики торжествовали гордые победители, арена медленно впитывала кровь побежденных.

За время своего правления пятым островом Атлантиды Гродж сумел большую часть мужского населения превратить в воинов. Он всячески приветствовал и щедро одаривал этот труд, делая его наиболее привлекательным для мужчины. Поэтому почти все мужчины острова посвятили себя военному делу, многие из них, обученные и натренированные в беспощадных боях, входили в число войска атлантов, иные же становились дворцовыми стражами. Так или иначе, но кто однажды взял в руки медный щит и острый меч, кто сражался в жестоких боях на арене архонтова зиккурата, тот уже не мог стать земледельцем, гончаром или ткачом, - человек, ощутивший трепетавшими от напряжения ноздрями острый запах крови, уже никогда не расставался с оружием.

Гродж был горд теми достижениями, которые приносила изобретенная им система военного воспитания подданных. Но к его величайшему огорчению правитель Хронос так и не оценил его праведных трудов, не поддержал его намерений обеспечить Атлантиде военные славу и доблесть.

- Атлантиде нет надобности воевать с другими народами, - недовольно хмуря брови, сказал как-то Гроджу Хронос, когда архонт вновь попытался склонить правителя на свою сторону. - У атлантов всего в достатке, они живут в богатстве и благополучии. Нет государства более могущественного и такого же процветающего, как Атлантида. Зачем нам воевать? Что могут атланты найти на чужой земле? Им нечего искать, у них есть все.

- Позволь возразить тебе, правитель Хронос. Помимо богатства есть еще власть и могущество. Если мы будем слишком миролюбивы, нас не будут бояться другие народы, появятся и у нас чужеземные войска, жаждущие забрать у атлантов их благодать. И потому нам надо утешить соседей, дабы у них не возникло преступных мыс-

лей покорить наше государство.

- Зачем сильному устрашать слабого, слабый и без того боится сильного. Еще раз повторяю тебе, о архонт Гродж, у Атлантиды великое могущество и покровительство Богов, ей не нужны военные походы и сражения. И я не намерен впредь это обсуждать.

Правитель Хронос не единожды высказывал Гроджу свое недовольство порядками, установленными архонтом на пятом острове. Как человек миролюбивый и добросердечный, он не приветствовал столь жестокого воспитания Гроджем своих воинов. Хронос под угрозой лишения звания архонта запретил Гроджу проводить бои со смертельным исходом для кого бы то ни было из их участников. Архонт, скрипя зубами, должен был подчиниться правителю, но его зиккурат, хотя уже и не так часто, как в былые времена, но по-прежнему оглашался воинственными криками состязающихся в бою фаланг и иступленными воплями публики, разгоряченной жаркой битвой. Причем, Гродж, как всегда, всем своим существом поглощаемый сражением, не спешил раньше времени отдать приказ об окончании боя, чтобы не испортить красоты действия. Он сознательно оттягивал наступление момента, когда по жесту его руки резкий звук гонга гулками волнами разнесется по всему зиккурату.

И чем дольше Гродж откладывает этот миг, тем все иступленнее публика в предчувствии яркой развязки, и тем слаще победа одной из фаланг, ведь, как в настоящем бою, она всегда на стороне тех, чьи потери меньше. Поэтому победа в архонтовых боях неизменно присуждалась той из противоборствовавших сторон, которая меньше всего вынесла с арены раненых или убитых. Гродж просто вынужден был слушаться правителя, - даже под страхом потери архонтства, он не мог позволить сломать свою военную систему, созданную им и проверенную в жизни. Как кузнец ударами молота ловко лепит из

мягкого, разгоряченного огнем металла нужную форму, так и архонт ковал и филигранно оттачивал боевое мастерство своих воинов. И уж здесь никак не обойтись без настоящих битв, а там, где битва, там всегда смерть. Не хочет Хронос войны с соседями, противится он тому, чтобы атланты пятого острова постигали боевую премудрость, испытывая крепость своих клинков на чужеземцах, придется отдавать в жертву своих, - ничего не поделаешь, Бог войны любит жертвы, так же, как любит он и красивые сражения.

Впрочем, сегодня архонт остался недоволен битвой на арене зиккурата. Едир, предводитель наиболее искушенной в воинском мастерстве фаланги, широкоплечий и коренастый, как молодой дуб, с верной и твердой рукой, вдруг на миг потеряв бдительность и осторожность, невольно подставил для удара неприкрытый щитом бок. Архонт видел, как чей-то клинок в одно мгновение вонзился в его тело, кровь окропила одежду, полилась на землю. Едир рухнул на землю.

Гродж искренне верил в то, что воин, потерявший зоркость и особое чутье, теряет право на жизнь, он никогда не отступал от этого правила - слабый должен уступить место более сильному, - но сегодня он почему-то, почти произвольно, вдруг выбросил вперед руку, и тут же зазвучал гонг. По рядам зрителей, настроенных на увлекательное зрелище, обещавшее стать даже захватывающим, понесся единый вздох разочарования. Гродж и сам испытывал разочарование, быть может, от того, что один из лучших его воинов, непобедимый Едир, как будто забывший всю свою воинскую премудрость, прививаемую умелыми учителями ему и другим почти с самого отрочества, сегодня проявил глупую неосторожность и пал на поле брани, обагряв его кровью. А может быть, корень разочарования архонта таился в том, что слабость эту проявил сегодня он

сам - беспощадный Гродж, в чьем сердце никогда не было жалости к слабым.

Он презирал слабаков, считал, что каждый из них достоин смерти, поэтому спокойно лицезрел даже самые кровопролитные бои, ждал исхода. Но сегодня, наверное, в первый раз он увидел, что и сильный может стать жертвой рока. И он торопливым, даже слишком торопливым жестом властно потребовал гонга, дабы спасти жизнь одному из лучших своих воинов, едва ли не самому сильному из них.

Зачем же он спас Едира? Пусть бы погиб на поле сражения, коль ничему его не научили годы воинской учебы в школе самого архонта. Горько, горько было архонту. К чему все его старания создать для Атлантиды непобедимое войско, ради чего ему приходилось рисковать милостью правителя Хроноса и собственным знатным положением, если усилия его напрасны, ведь уходящий день показал, что любой из его воинов, даже такой отважный и сильный, как Едир, может пасть в бою.

Гродж недовольно заворочался под быстрыми нежными руками Лилит, без устали растиравшей ароматной мазью его расслабленное, недвижимое тело.

- Довольно, - архонт с вздохом повернулся на спину и распорядился: - Ступай, проверь, готов ли бассейн. Да, и позови в купальню Сахура. Пусть захватит свои гороскопы.

В купальне архонта свет серебрящимся потоком струился сквозь высокие арочные окна. Голубоватая гладь бассейна с горячей водой, занимавшего собой почти все пространство, осаждала на прохладных мраморных стенах с едва различимой сетью розоватых прожилок прозрачные капли росы. Испарь лежала повсюду: на мозаичном полу, на массивных дубовых скамьях, на которых оставлял

по обыкновению свою одежду архонт, на золотистой поверхности стола, где уже стоял запотевший кувшин с виноградным морсом и большое блюдо с фруктами.

Хмурый и мрачный архонт не спеша вошел в купальню. Одним движением он сбросил с себя легкую набедренную повязку и, осторожно ступая по гладким ступеням, спускающимся в воду, погрузился в бассейн. Вода обхватила мощное тело архонта, и он, взмахивая то одной рукой, то другой, было поплыл, но потом вдруг остановился, замер, повернулся на спину и, неподвижный, застыл на воде. Архонт не знал большего удовольствия, чем быть в воде, чувствовать ее прикосновение.

Почти каждое утро после пробуждения и перед тем, как отойти ко сну, он приходил сюда, чтобы погрузиться в воду, в зависимости от настроения и событий предстоящего или уходящего дня, то в горячую, то в холодную. Сегодня по его приказу слуги наполнили ему бассейн водой из горячего источника, ибо сегодня он жаждал для своего уставшего тела расслабления. Оно, уже почти наступившее под руками Лилит, нежившими приятными прикосновениями и тонкими ароматами, после вновь ушло, и вот теперь медленно возвращалось, принося успокоение каждой клетке его тела, прогоняя прочь память о неприятном, но уже уходящем дне. Бодрость и жажда жизни вновь были с ним, показались странными и чужими пережитые недавно мысли. Что это и в самом деле с ним приключилось? С чего вдруг его посетили неуверенность и усталость, разве же он не архонт, не владыка острова, где живут самые сильные, удачливые в воинских премудростях люди?

Сахур, астролог Гроджа, терпеливо ждал у дверей купальни. Он знал, что появиться перед архонтом в неподходящий момент, а тем более, когда он в воде, - дурной знак, можно навлечь на свою голову

гнев грозного правителя. Обычно Гродж звал Сахура, чтобы тот написал гороскоп, или же архонт беседовал с астрологом, чтобы просто узнать, каково расположение звезд, о чем они говорят. Плохие известия бывали редки, и поэтому сегодня Сахуру было не по себе, ибо он намерен был поведать архонту дурное. Астрологу прекрасно был известен вспыльчивый нрав архонта, который мог привести как к благоприятному исходу, так и к самым плачевным последствиям. И все-таки, успокаивал сам себя Сахур, он поступит правильно, если расскажет Гроджу обо всем. То, что открыли звезды, не может быть скрыто, он обязан рассказать об этом правителю. Но сердце его билось в тревоге.

Наконец, Лилит подала ему знак, и он несмело вошел в купальню, осторожно ступая по разноцветным плитам влажного пола, приблизился к дубовым скамьям, где в просторном, ослепительно белом хитоне сидел архонт, взбодрившийся и порозовевший после купания, он пил прямо из кувшина виноградный морс, несколько капель упали на складки его одежды, оставив на ней розовые пятна.

- Приветствую тебя, Сахур, - сказал Гродж, указывая рукой на стоящую рядом скамью. – Что поведаешь ты мне? Давно ли ты следишь за звездами, сопровождающими путь нашей Атлантиды?

- О великий правитель, за этим я слежу всегда, - молвил Сахур, порываясь встать, но Гродж подал знак, указующий на скамью, и астроном уселся вновь, на самый ее край неловко и несмело.

Гродж пристально смотрел в глаза Сахура, тот же уводил в сторону свой взгляд.

- Так говори, не томи.

- О, великий правитель, звезды по-прежнему благоволят тебе. Твои дела будут удачны, звезды сулят тебе нежданное усиление твоей власти и твоего влияния.

- Нежданное? – усмехнулся архонт.
- Да, именно так. Благоприятный случай будет способствовать тому.
- Ну что же, увидим, прав ты или нет, Сахур. Если прав, награжу, если же нет, не обессудь.
- На все воля твоя, - поднялся со скамьи и поклонился архонту астролог.
- Ты все сказал?
- Сахур замялся, все еще искушаем мыслью не открываться архонту.
- Ну что там у тебя еще? – нетерпеливо воскликнул Гродж. – Говори.
- О, великий правитель, - несмело заговорил Сахур, - мои познания скромны. И я даже думал, что они могут быть ошибочны, поэтому не хотел беспокоить архонта этим. Но я должен...
- Беспокоить? - насторожился Гродж. - Что тебе рассказали звезды? Говори!
- Звезды... звезды говорят... скоро произойдет соединение нескольких планет...
- И что же?
- Такого еще не было ни разу на памяти ныне живущих людей. В древних книгах говорится о таком или подобном явлении, как о страшном предупреждении. Люди должны быть готовы к большим бедствиям, которые могут постигнуть страну в будущем.
- Когда же произойдет это соединение?
- Я не могу точно сказать, когда это произойдет, дата, скорее всего, будет неточной. Судя по расчетам, это должно произойти в году 6 кан, в один из дней месяца сак.
- Сейчас месяц шуль, значит, если верить твоим предсказаниям,

всего через несколько месяцев.

Наступило молчание. Архонта неприятно удивили слова астролога, он не знал, верить ли его предсказанию, такому неожиданному и удивительному. Он вдруг припомнил несколько верных пророчеств Сахура, сделанных им на основе расположения звезд на атлантическом небосводе. То были давние события, касались они его начинаний в строительстве зиккурата и военных школ для атлантов. Сахур тогда оказался прав, его дело родилось и стало мужать, архонт надеялся, что доведется ему еще увидеть и окончательную победу - боевое крещение его воинов в настоящих сражениях, которые принесут и ему, и Атлантиде несметные иноземные богатства, беспредельную власть и могущество. Но выходило так, что нынешнее предсказание Сахура могло полностью перечеркнуть все надежды Гроджа на военные победы, и это было ему не по нраву.

- Что же должно произойти на нашей земле? - первым нарушил молчание архонт.

- Звезды этого сказать не могут. Но в книгах древности говорится о большом сотрясении почвы, ее затоплении водой, о многих жертвах.

- Зачем же ты мне об этом поведал? - спросил архонт, буравя Сахура тяжелым взглядом. - Чего ты ждешь от меня? Отменить небесный приказ я не могу, изменить ход событий, назначенных свыше, даже мне не под силу. Так не благо ли для меня и моих подданных, даже если твое пророчество и истинное, не ведать ничего о нем? Ты же решил возложить на меня тяжкие думы насчет своего предсказания. Зачем? Я хочу понять.

- О, великий правитель, я мыслил, что мне надобно предупредить тебя о том, что я узнал.

- Зачем?

- Мне неведомы мысли и чаяния твои, но я полагал, что ты захочешь предостеречь своих людей от беды.

- Предостеречь? Чтобы они, с тревогой глядя в небо, мучительно ждали своей гибели, чтобы опасались каждого наступившего дня, как последнего? Так не лучше ли просто не ведать о твоём страшном пророчестве, тем более, что оно может и не сбудется? Пусть они спокойно наполняют свой желудок вкусной едой, веселятся и ликуют, устраивают пиршества, пусть любят друг друга, пусть женщины нежатся в сладких объятиях сильных мужчин и рожают детей. Нет, я не стану будоражить людей, не стану сеять смуту и панику. И тебе я это запрещаю.

- Но ведь, предупрежденные, они будут готовы к бедствию, а значит, некоторые смогут спастись.

- Разве они смогут спастись, не зная, какая участь им уготована? - голос архонта, принимая привычные властные интонации, вновь грозно загремел. - Нет, я запрещаю тебе, Сахур, тревожить людей своим предсказанием. Пусть будет так, как будет. А теперь ступай с миром. Да не вздумай ослушаться меня!

Такой уж, видно, выдался сегодня день, что архонт, особенно после разговора с Сахуром, снова чувствовал себя разбитым. Купание принесло ему обычное бодрое состояние, но Сахур, будь он не ладен, все испортил. Гродж, раздосадованный и отягощенный мрачными думами, отправился в опочивальню. Там его, как обычно, ждал изысканный стол и вина, аромат благовоний струился вокруг. Архонт рассеянным взглядом окинул пиршественный стол и устало опустился на широкое под прозрачным пологом ложе. Вошла полуобнаженная Лилит, а следом за ней еще несколько женщин, грациозных и крутобедрых, их тела были прикрыты лишь легкими, прозрачными одеждами.

Лилит замерла в ожидании приказаний своего господина, тот мельком взглянул на вошедших, и властным жестом велел им удалиться. К большому разочарованию прекрасных посетительниц, обожавших бывать у своего сильного и красивого господина, сегодня он не был расположен к обычным вечерним развлечениям.

Глава 6

После расставания с Лессирой Тод вернулся на то место, где они вместе любовались бескрайней гладью океана, такой таинственной и волнующей. Перед его мысленным взором снова и снова возникал прекрасный образ Лессир, которая в его смятенных мыслях звалась не иначе, как Клита. Взмолнованный недавно пережитыми событиями, он неподвижно стоял у парапета площади, простирающейся прямо к водной глади, его ладони ощущали прохладную шероховатость камня. Перед мысленным взором Тода вновь и вновь возникал образ Лессир, - он явственно видел ее изумрудные глаза, устремленные вдаль туда, где океан уходил за горизонт. Тод помнил каждое слово, сказанное ею, помнил, какие эмоции отражали при этом ее глаза, как черты лица отзывались на выплескиваемые через речь чувства. Он не мог бы точно сказать, что же его привлекло в Лессире больше всего - красота ли облика или ум и проницательность. Скорее всего, все, что имело отношение к ней, пробуждало в нем бурю разных чувств, каждый ее жест и взгляд был прекрасен для него.

Тод был покорен Лессирой сразу же, с первого мгновения, когда он только увидел ее у фонтана, раздосадованную и гневную. Он ощущал какую-то необычность во всем ее облике, несоответствие прекрасного, почти неземного, облика, ее утонченных манер с тем местом, простым и обыденным, где она стояла, подобно богине, сошедшей с небес, - ослепительной, с сияющими изумрудными глазами, с разметавшимся по ветру белокурым шелком волос. Говорят,

было время, когда Боги ходили по земле, и сегодня Тоду вдруг показалось, что дочь одного из небожителей спустилась на землю. Быть может, для того, чтобы забрать его сердце, сердце обычного земного человека. Чем же он заслужил такую великую милость? Но разве такое может быть, ведь богиням место на небе, а не на грешной земле.

Тод вернулся домой только к ночи, когда луна невесомо и призрачно стала проявляться на небосклоне, но не было звезд на небе, так и не успевшем погаснуть за долгий летний день. Дом Беркана стоял погруженный в покой и тишину, все его обитатели уже давно спали. Тод легкими шагами пересек широкий двор, припал к ступени фонтана, воды которого из верхней чаши шумным каскадом падали к его основанию. Склонившись над зеркальной гладью воды, здесь у самого края лишь слегка волнуемой падением водных струй, он неподвижно рассматривал свое отражение, а затем с вздохом, зачерпнув обеими ладонями прохладной воды, освежил пылающее лицо. Заходить в дом не хотелось, ему казалось, что там его мысли о Лессире уже не будут такими волнующими и возвышенными, их стеснят пределы родного очага, его стены, крыша, а им для вольного полета необходимо было это бескрайнее небо с одинокой луной, так и не разгоревшейся на летнем небосклоне.

Он устроился поудобнее на скамье, где вблизи умиротворяющего водного шелеста фонтана в былые времена так любили посидеть они с отцом. Беркан рассказывал сыну красивые легенды о великом прошлом Атлантиды, когда Боги жили среди людей. Глядя на сверкающие от солнечного света стремительные струи воды, Тод ясно представлял себе описываемые отцом удивительные события, в мыслях он был там, среди людей безвозвратно канувшего в лету времени. Он представлял себя то прорицателем, чей третий глаз ясно

видел прошлое и будущее, то великим магом, имеющим Вимана Видия – старинную воздушную повозку. Он явственно видел себя в ней, летящим по воздуху, внизу его взору раскрывалась благодатная и цветущая родная земля, ее заботливо взращенные сады, просторные парки с рядами кипарисов и фруктовых деревьев, широкие площади, блестящие разноцветной мозаикой купола дворцов, их высокие и статные мраморные колонны. Как говорил отец, все эти вещи, ясновидение, воздухоплавание, и множество других, атлантам были подарены самими Богами. Но многое из тех даров было потеряно людьми.

Юный Тод, внимая отцу с широко раскрытыми, изумленными глазами, взволнованно спрашивал его, почему же так случилось, на что отец лишь пожимал плечами, кто же знает почему.

- Мой отец, - сказал как-то Беркан, - рассказывая мне о прошлом, его легендах и сказаниях, говорил, что Боги покинули эту благодатную землю и унесли с собой даже память о многих своих чудесах потому, что люди перестали тянуться к небу, они приросли к земле, к ее повседневным радостям и заботам, ставшими столь притягательными для них.

- Что означает, приросли к земле? - вопрошал мальчик.

- Я и сам не знаю, что отец имел в виду, он не пояснял, а я и не спрашивал. Наверное, это означает, что заботы поглотили людей. Но разве можно быть свободным от них?

Тод не знал, почему вдруг ему вспомнились эти картинки из далекого детства. Возможно, причиной тому стал необычный день, прожитый им. Он всколыхнул в его памяти, поднял с самого ее дна давно забытые события из жизни, они непроизвольно и свободно появлялись в его мыслях, как если бы он поставил перед собой цель подвести черту своей жизни. Самое интересное заключалось в том,

что события эти, конечно же, никак не были, да и не могли быть, связаны с Лессирой, но именно она, яркой звездой заблеставшая вдруг на его небосклоне, стала для него той причиной, которая толкает оценить свою жизнь, посмотреть на себя со стороны, быть может, для того, чтобы понять, а каким же взглядом посмотрит на его жизнь он, этот единственный, важный и нужный человек.

Вновь и вновь вспоминая образ Лессир, каждое ее слово, ее взгляд или мимолетный жест, он чувствовал, как от страшной мысли больше не увидеть ее, его охватывает непреодолимое волнение, заставляющее судорожно и больно сжиматься его сердцу. И в самом деле, с чего он решил, что еще хотя бы раз встретится с нею? Судя по ее нраву, она неприступна и горда, да к тому же еще и небесно прекрасна, как же он смеет мечтать о ней? Усилием воли он отогнал от себя навязчивые мысли, приносящее смятение и беспокойство его взволнованному сердцу. Он заставил себя не омрачать тревогами этот день, несравненный ни с каким другим, сегодня он будет наслаждаться только им, этим днем, подарившем ему встречу с самой прекрасной девушкой на всей земле.

Дверь в доме негромко хлопнула и раздался едва различимый в шуме фонтана звук шагов. Легкая рука легла ему на плечо.

- Ты почему не ложишься спать? - Тод обернулся и увидел свою мать, ее глаза смотрели на сына с тревогой и заботой. - Ты чем-то обеспокоен? Что с тобой?

- Не волнуйся, мама. Я здоров.

- Тогда почему же ты не идешь в дом, сидишь здесь один среди ночи?

Тод знал, что от матери нельзя скрыть своих мыслей и переживаний. Да он и не привык их таить от нее. Но даже если он и захотел что-то удержать в себе, в своем сердце, ему бы это не удалось - одного

мимолетного взгляда матери было достаточно, чтобы та поняла, чем сегодня живет ее Тод. Поэтому он всегда рассказывал ей, как прошло время, проведенное вне дома. По обыкновению вечером он входил в ее опочивальню. Там горели свечи в золотых подсвечниках, дымились благовония, он знал, что это всегда предшествовало ее молитвам, посылаемым Богам во имя мира и счастья родной земли, своих детей. Но прежде чем обратиться к Богам, Нефрит заботливо усаживала сына рядом с собой на пушистый ковер к приземистому столику на широких ножках, украшенных лепными листьями, наливала ему из кувшина душистый напиток, ласково расспрашивала о пережитом им времени. Они, радостно глядя друг другу в глаза, будут говорить долго, пока не придет время Тоду удалиться к себе и со спокойствием умиротворенно отойти ко сну, а Нефрит начнет вечернюю молитву Богам.

- Мама, от тебя мне не утаить, не скрыть своих мыслей. Я скажу тебе всю правду. Мне встретилась сегодня прекрасная девушка, самая лучшая на всем белом свете. Я покорен ею. Сердце мое в смятении.

- Почему же сердце твое в таком смятении, что ты не можешь уснуть? Что беспокоит тебя?

- Она слишком прекрасна для меня, - упавшим голосом сказал Тод. - Мне никогда не быть с нею, не видеть ее, не дышать с нею одним воздухом! Мама, это так больно!

- Но почему же не быть тебе с нею? Кто она, Расскажи мне?

- О, она... она дочь великого человека... астронома Асурамая. Мать покачала головой и светло улыбнулась.

- И что же с того? Чем же плох ты? Твой отец ничем не хуже Асурамая, только лишь в том различие между ними, что разные дела они вершат. Во всем же остальном я не вижу различия между ними,

они оба уважаемые люди. Значит, и их дети достойны друг друга. Ведь и ты не уступаешь своему отцу - тебя ждут большие, может быть, даже великие дела. Поэтому волнение твое, сомнения твои лишь от сильного чувства, охватившего тебя.

Она подошла к сыну, обняла, прижала его голову к своей груди.

- Успокойся и отправляйся спать. Сон тебе поможет унять волнение, он успокоит тебя. А когда ты проснешься, ты поймешь, что все твои страхи были напрасными.

- Может, ты и права. Да, я пойду в свою опочивальню.

- Тебе надо отдохнуть, ведь наступающий день принесет хлопоты.

- Какие?

- А ты забыл? Наступает праздник первого урожая. На главной площади Аталлы соберется весь город, будем веселиться и прославлять Богов.

Тод вдруг улыбнулся своим переживаниям. Как же он мог забыть о празднике урожая? Должно быть, сама судьба посылает ему случай увидеть Клиту, поближе узнать ее, ведь на празднике будут все, от мала до велика. И там он обязательно встретит ее, найдет среди множества людей, может быть, даже признается ей в своих чувствах. Но главное, что он вновь увидит ее глаза и улыбку, услышит ее голос.

Глава 7

Площадь перед дворцом Хроноса с той поры, когда солнце сменило летнюю, призрачную луну на небосводе, пустынная и молчаливая, к восхождению светила в высшую небесную плоскость, стала заполняться праздничным народом. В воздухе, еще не утратившем ночной свежести, всплескивался веселый, звонкий смех, слышались оживленные голоса. На площади все меньше места оставалось свободным от чьих-то ног и праздничных туник и хитонов, легко касающихся своими краями каменной мозаики, гладкой, отшлифованной почти до зеркального блеска. Радостные люди, собравшиеся на праздник первого урожая, непринужденно беседовали друг с другом, каждый из них находился в сладком предвкушении веселых зрелищ, вкусного угощения, прекрасной музыки. Музыканты были уже здесь, на площади, они держали наготове свои арфы и флейты, не отрывая взглядов от внешних ворот дворца правителя, с нетерпением и легким волнением ждали появления Хроноса и его свиты, чтобы встретить их торжественными звуками нежной мелодии. Но правителя все не было. Взгляды атлантов были обращены к террасе дворца, откуда в дни праздников и народных собраний появлялся Хронос, чтобы через миг, преодолев короткий путь сквозь ряд колонн, выйти на балкон к народу. Но сегодня белоснежное плато балкона долго оставалось пустым. Народ на площади начинал волноваться: такого еще не бывало, чтобы Хронос заставлял себя так долго ждать.

Тоду, который пришел в числе первых, не стоялось на месте,

он, беспрестанно озираясь по сторонам, в волнении мерил шагами площадь из стороны в сторону. Он страстно мечтал, и в то же время боялся увидеть Клиту. Как она встретит его? Что он ей скажет? Душевного волнения и сильного сердцебиения ему было не унять. Но Клита все не появлялась. Вот уже собралось много самого разного люда - жителей со всех поясов Аталлы, - а ее так и не было. Не может же, в самом деле, она не прийти на самый почитаемый всеми атлантами праздник, едва ли не каждый миг спрашивал себя Тод. Он, пробираясь сквозь толпу, вновь и вновь всматривался в лица, но не находил среди них того единственного, прекрасного лика, который он так жаждал увидеть.

Глава 8

Звонкие трубы возвестили народу о появлении правителя. Хронос в сопровождении архонтов Атлантиды и дочери своей предстал перед ликующей толпой, приветствовавшей его громкими, слитыми в единый гул криками. Хронос молча без улыбки смотрел с балкона вниз, туда, где за пределами массивного мраморного парапета, у его ног радостно кричала толпа. Но лик правителя был темен и угрюм, печаль черной тучей отразилась на нем. Несколько дней, прошедшие со времени его тяжелого разговора с Верховным жрецом, до неузнаваемости изменили облик Хроноса. Он не мог больше спать и веселиться, не мог по своему обыкновению радостно управлять любимой страной. Покой и душевное равновесие теперь ему были чужды. После грозного предсказания Микара Хроносу не удавалось отрешиться от его страшных слов. Больше всего на свете он хотел бы стереть из памяти слова Верховного жреца, гулким эхом беспрестанно звучащие в его душе, забыть их и никогда не вспоминать. Но он знал, что предсказания Верховного жреца истинны, Микар не ошибается, глаз Богов, живущий в нем, ни единого раза не обманул его. И значит, Атлантида, действительно, должна умереть, а вместе с нею и все они. О, Боги, как же ему, правителю этой процветающей страны, жить теперь с этим, каждый миг ожидая для своего народа самого страшного? Противоречивые чувства раздирали на части его разум.

Долгими бессонными ночами, неподвижно сидя на террасе и вдыхая свежесть воздуха, принесенного ветром с бескрайних оке-

анских просторов, Хронос, терзаемый тяжелыми сомнениями, то решался объявить всему народу о надвигавшемся бедствии, то склонялся к тому, чтобы удерживать сие в тайне, дабы не сеять панику, не опустошать родную землю. Он не мог бы даже и в кошмарном сне представить себе панического, пусть и спасительного бегства атлантов, он не мог представить тишины опустевших городов, замерших в безмолвном ожидании надвигавшейся трагедии. Сострадание к своим подданным и жалость к самой стране терзали его сердце. В какой-то миг, уже готовый выйти к народу с грозным предсказанием, он вновь отказывался от своего намерения, толкаемый к отступлению смутными мыслями насчет неопределенности пророчества Микара, ведь даже ему, Верховному жрецу, неведома точная дата смерти Атлантиды. Разве хотя бы кто-нибудь, кроме безмолвствующих Богов, может знать, в каком году и месяце сие произойдет, какой из дней станет последним для его страны? Нет, никому знать это не дано. И значит, может пройти еще много времени, прежде чем нагрянет страшная беда. Еще успеют умереть старые, а им на смену прийти новые люди. Так зачем же он станет сеять смуту среди своего народа?

Сегодня ранним утром, когда Хронос, так и не сомкнув глаз, сидел на террасе, устремив взгляд в далекие бескрайние дали, к нему вошел Синапериб, прибывший раньше других архонтов на праздник; он почтительно приветствовал правителя. Синапериб, отметив про себя необычайную бледность и усталость лица Хроноса, с беспокойством спросил его, здоров ли он.

- Благодарю тебя, о Синапериб, за твою заботу и искреннее участие, - ответил Хронос после недолго раздумья.

Размышляя ночью о предстоящем празднике, правитель Атлантиды так и не решил, станет ли он говорить о предсказании Микара,

если уж не с народом, то хотя бы с архонтами. Поэтому появление Синапериба застало Хроноса врасплох, он по-прежнему пребывал в сомнениях, не знал, должно ли ему распространяться об этом. Но глаза Синапериба выражали такое искреннее участие и теплоту, что для измученного тяжелыми сомнениями сердца Хроноса они были подобны бальзаму, заботливо лечащему раны. И тогда он вдруг решился обо все поведать Синаперибу, - он искренний, большого ума человек, пусть архонт даст ему свой совет.

Архонт внимательно внимал Хроносу. С каждым его словом менялся облик Синапериба, исчезли безмятежность и теплота из его темных глаз, теперь в них читались мужество и твердая решимость.

- О, Синапериб, прошу тебя дать мне твой мудрый совет, ибо я в растерянности и смятении, не за себя и даже не за дочь свою, но за Атлантиду и ее жителей, - сказал Хронос, окончив свой рассказ.

- Непомерно тяжел груз, что пал на плечи тебе, достопочтимый правитель Атлантиды, - печально промолвил Синапериб. - Никто не может помочь тебе облегчить этот груз, вряд ли и мне, недостойному твоей великой мудрости, сие по силам. Моя душа теперь тоже в смятении, путаются мысли, неподвластные больше разуму.

- Ты достойно правишь Туле - самым большим островом Атлантиды, - не раз ты принимал на себя трудные решения, все они были истинны и благовидны, скажи, что бы ты сделал, окажись на этом месте, месте правителя сей богатой и процветающей страны?

- Но мне никогда не доводилось быть в столь сложном положении, стоять пред таким судьбоносным решением...

- И все-таки...

- Пусть будет так, я постараюсь... Предсказания святейшего Микара не подлежат сомнению, значит, беды нам не миновать. Но посмотри на себя, о, Хронос, получив сие трагическое знание, ты

потерял покой и сон, что же ждет твоих подданных, если часть непомерно тяжелого груза ты отдашь им. Они тоже, подобно тебе, станут жить ожиданием худшего, свет солнца померкнет для них. Наверное, неслучайно мудрые Боги закрыли третий глаз атлантов, ведь на пороге столь трагических событий, имей они его, не удалось бы избежать большого беспокойства людей. Так разумно ли сеять среди них то, от чего их хранят Боги?

- Ты прав, как всегда прав, о Синапериб, - с улыбкой промолвил Хронос. - Своими мудрыми словами ты успокоил мое разволнованное сердце. Ты прав, я не стану делить этот груз с моим народом, пусть он останется при мне. Но прости меня, что я, поддавшись сердечному смятению, разделил его с тобою.

Хронос встал и крепко сжал руку архонта, прося его прощения.

- Ты всегда был мне, как брат, - сказал Хронос, - до сей поры мне приходилось делить с тобою только радости, но видно наступает тяжелое, мрачное время, нам придется вместе испить горькую чашу, приготовленную судьбой. Могу ли я и дальше рассчитывать на твою поддержку, честность и мужество?

Архонт с волнением слушал речь правителя Атлантиды, он, близко знавший Хроноса, понимал, как тяжело тот переживает страшную весть, ему и самому было непросто унять всепоглощающую тревогу. Но Синапериб понимал, что посланные небом испытания, даже самые страшные и суровые, надо принимать смиренно. Только мудрым Богам ведомо их великое назначение.

- Да будет так! - торжественно произнес Синапериб.

Стоя перед народом на площади, Хронос больше уже не сомневался в своих намерениях и мыслях, но стереть с лица печать беды было ему не по силам. Народ же, увидев правителя мрачным и молчаливым, постепенно затих, почувствовав неладное.

- О Хронос, позволь спросить тебя? - раздался из притихшей толпы чей-то голос.

- Говори!

- Здоров ли ты, наш правитель? Почему так печален ты сегодня? Может, чем провинился пред тобою твой народ?

При этих словах Синапериб бросил встревоженный взгляд на правителя, понимая, как еще велик в его сердце соблазн объявить народу своему истину. Но Хронос открыто глядя в глаза тех, править кем он был призван самим небом, ответил твердо и громко:

- Правитель ваш здоров. Народ же Атлантиды, мудрый и великий, не может иметь никакой вины ни пред правителем, ни пред самими Богами. Праздник пришел на нашу благодатную землю. Вы много трудились, настало время веселиться. Будем же радостны, оставим все наши мелкие печали на пороге большого праздника. Где же музыка? Почему наступила тишина? Музыку!

Глава 9

Площадь огласилась веселой музыкой, ее мелодичные звуки, казалось, заполнили все вокруг, коснулись сердца каждого, кто пришел сегодня сюда. Люди радостно поздравляли друг друга с праздником, опустившимся на благодатную землю Атлантиды.

И только один Тод замер на месте, неподвижный и безмолвный, он не отрывал взгляда от балкона правителя, где около парапета, улыбаясь толпе, стояла та, которую он тщетно искал на площади.

В первый момент, как только Тод увидел Лессиру, ему показалось, что это видение, - и в самом деле, разве может дочь, пусть даже и самого Асурамая, стоять подле правителя во время его приветствия народа. Но видение не исчезало, и тогда Тоду вдруг стало ясно, что это не Клита, вернее, это она, но в день их встречи, называясь чужим именем, выдавала она себя за другую. Значит, она не дочь Асурамая, она дочь самого Хроноса. Так вот оно что! О, Боги!

Тод смотрел на Лессиру, и в сердце его рождалось великое опустошение. Образ Лессиры, дочери правителя Атлантиды, стремительно отдалялся от него. Разве смел он, сын земледельца, даже мечтать о ней. Нет, она слишком далека, как звезда на куполе небес. Он вдруг вспомнил вчерашнее смятение, и теперь удивился своим ощущениям, еще накануне он, не зная истины, уже чувствовал огромную, непреодолимую преграду. Надо уйти с этой площади, заполненной веселящимися людьми, укрыться от посторонних взглядов, остаться наедине со своей бедой. Безумец! Каким же жалким он был в ее глазах. Она, должно быть, долго смеялась над ним со своей служанкой.

Стыд! Безумство!

Он твердил про себя о побеге, а ноги словно вросли в землю. Он стоял и не двигался, только взгляд его бесцельно блуждал над головами беспечных людей. В этот момент он вдруг почувствовал чье-то легкое прикосновение, перед ним стояла служанка Лессеры. Она, чуть прищурив глаза от яркого солнечного света, весело улыбалась ему.

- Приветствую тебя, Тод. Мир тебе и твоим близким.

Невиданная ярость охватила Тода: он и сам понимал, что смешон, зачем же еще унижать его.

- Тебя прислала твоя госпожа, чтобы посмеяться надо мной? Вы обманули меня, теперь я это вижу.

- Тише, не говори так громко. Ты сам посуди, не могли же мы тебе сказать, кто на самом деле моя госпожа.

- Что же тебе нужно теперь?

- Какой же ты, - улыбнулась Назира. - Ну не злился, никто и не думал над тобою смеяться.

Тод недоверчиво смотрел на Назиру и не знал, радоваться ему или горевать.

- Ты сама пришла, или тебя прислали?

- Конечно, прислали. Моя госпожа увидела тебя в толпе. Она хочет встретиться с тобой.

- Что ей нужно от меня?

- Этого я знать не могу. Придешь, и все узнаешь от нее самой. Сегодня вечером после праздника у канала в восточной части первого пояса.

Тод поднял голову, взгляд его вновь был устремлен к балкону, где расположился Хронос и архонты. Лессира стояла чуть поодаль от них, она пристально смотрела на Тода, легкая улыбка коснулась ее

губ. Так, значит, это святая истина! И он встретится с самой богиней, именуемой Лессирой. Сегодня он вновь увидит ее глаза и улыбку, услышит ее голос.

Тод с нетерпением и тревогой ждал появления Лессиры. Сразу после разговора с Назирой, сообщившей ему о том, что ее госпожа желает увидеться с ним, Тод впал в почти беспамятное состояние, его рассудок слегка помутился от случившихся удивительных событий. Он с восторгом рисовал перед своим мысленным взором предстоящее свидание. Его сердце пело оттого, что мечты его не были напрасными, и раз она сама назначила встречу, значит, и ей он небезразличен. Счастье! Это счастье! Он ощущал крылья за спиной, еще мгновение и, казалось, ноги оторвутся от земли, а руки в стремительном крылатом взмахе поднимут его к небу, а потом и к самому солнцу.

Он сразу же покинул праздник, ему нестерпимо было находиться среди людей, видеть вокруг себя их оживленные лица, невольно отзываться улыбкой на искренние приветствия, обращенные к нему. В этот великий для него час ему необходимо было уединение, чтобы полностью отдаться своим беспокойным мыслям и мечтам. Он неприкаянно бродил весь день без пищи и воды, сжигаемый до самых глубин души любовной лихорадкой. Тод старался выбирать безлюдные места, и это ему удавалось, ведь почти все жители Аталлы веселились на площади, празднуя первый урожай года.

Ближе к вечеру, когда разум начал брать главенство перед жаром сердца, зажженным его чувством к Лессире, Тодом вновь, как утром на площади, когда он узнал, кто же есть Клита, овладели тяжелые сомнения. Чем пристальнее и беспристрастнее, как бы со стороны, он вглядывался в произошедшие события, тем больше и больше его ум погружался в смятение. Разум, рассуждающий здраво, побо-

ровший на короткие мгновения страстное сердце, говорил Тоду, что девушка, невольно распалившая его сердечный костер, слишком высокого происхождения, чтобы ему можно было надеяться на равенство с нею. Равенство между ними - несбыточная мечта: дочь правителя никогда не будет принадлежать сыну земледельца. О, Боги, милостивые Боги, зачем он ее встретил! Лучше бы никогда ему не видеть ее так близко, не говорить с нею, не сметь и мечтать о ней! А он, безумный, все глубже погружается в омут своих чувств к ней.

Его душа была раздираема сомнения: то ему хотелось бежать прочь из города, чтобы забыть о ней, то он с нетерпением глядел на небо, ожидая наступления вечера, понимая, что если не увидит ее, то, наверное, умрет от горя. Он пришел к берегу канала еще задолго до назначенного времени, обессилено опустился на каменный парапет и, отстраненный от внешнего мира, погрузился в свои тяжелые мысли.

Глава 10

Лессира предстоящую, назначенную ею самую встречу с Тодом воспринимала больше, как забавное приключение в своей однообразной, почти затворнической жизни. Правда, она была немного взволнованна, но не столько своими чувствами и ощущениями, сколько тем, что в ее существование должна была войти тайна. Никто не будет знать о том, что она, дочь правителя Хроноса, как любая простая горожанка, встречается с красивым молодым человеком.

Но ей приятны были воспоминания о своей прогулке с Тодом, его восторженные взгляды волновали ее, они томили ее душу. Ей незнакомо было это ощущение, и потому человек, ставший причиной такого необычайного переживания, невольно притягивал ее к себе, странно, но ей хотелось, чтобы он еще и еще смотрел на нее, а она бы купалась в слепящем восторженном свете его черных глаз. Да, она правильно поступила, что, увидев его сегодня на площади, послала Назиру к нему. Раз они увиделись, значит, так тому и быть, - они будут встречаться. Лессира не задавала себе вопроса, что же будет после того, как встречи эти, возможно, станут постоянными и необходимыми им обоим. Она предпочитала не заглядывать так далеко. К чему? Жить ей хотелось сейчас, а не потом, а раз так, то она не думала, куда могут завести их возможные отношения.

Собираясь на свидание с Тодом, Лессира, в отличие от прошлой своей прогулки, как и подобает дочери правителя, стремилась быть ослепительной и непревзойденной. Она выбрала едва ли не самый

прекрасный наряд - пурпурную тогу с рассыпанными по груди драгоценными камнями, - он был ей к лицу, тонко подчеркивал белизну ее кожи. Но, облачившись в тогу, она вдруг задумалась. Не лучше ли ей одеться поскромнее, ведь он, узнавший о ее истинном происхождении, скорее всего, будет смущен, и это смущение усилится многократно, если она станет слепить его еще и своим блеском. Разговор тогда не получится, и ей будет скучно. Нет уж, она и так много времени пребывает в тоске и одиночестве, чтобы сейчас, когда вот-вот должен в ее жизни появиться человек, восхищенный ею не как дочерью правителя, а как женщиной, оттолкнуть его от себя, отдалить слепящим многих величием власти. Нет, сегодня она оденется, как и в тот день, день их встречи, просто и безыскусно, пусть он считает ее скромной и покладистой. Какова же она на самом деле, ему знать необязательно, ведь не собирается же она, Лессира, дочь правителя Хроноса, связывать свою жизнь с сыном земледельца. Хотя, надо отдать ему должное, он красив и умен, с ним можно разговаривать о разном. Но что самое главное, он полностью покорен ею, ее красотой.

Усмехнувшись собственным мыслям, Лессира громко и требовательно позвала Назиру. Когда та вошла к госпоже, приказала себя раздеть и принести другое платье, проще и скромнее. Всего через несколько мгновений Лессира превратилась в изящную, скромно одетую горожанку, лишь превосходный черепаший гребень с множеством изумрудных глазков, державший в узде копну непокорных белокурых волос, выдавал ее высокое происхождение.

- Так лучше? - требовательно спросила Лессира.

- О, госпожа, тебе все к лицу, но этот наряд, - Назира лукаво улыбнулась - сегодня подходит больше.

- Хорошо. Тогда идем.

Тод, погруженный в свои мысли, не сразу заметил Лессиру, лишь когда она почти приблизилась к нему, он обернулся на звук ее легких шагов. Лессира была одна. Тод поспешно поднялся ей навстречу. Как же прост был весь ее облик, очаровательна улыбка! На миг ему даже показалось, что она обычная девушка, такая же, как и он, и между ними нет никаких преград. Они весь вечер, до самой ночи, будут гулять по Аталле, с наслаждением дышать пьянящим воздухом ее садов, и говорить, говорить, легко и непринужденно, обо всем, что интересно ей. А он беспрестанно будет любоваться ею, ее изяществом и красотой. Он не смог удержать вздоха, вернувшись своими мыслями к истине.

- Приветствую тебя, Тод, - первой нарушила молчание Лессира. Она улыбалась, наблюдая его волнение и замешательство. - В прошлую нашу встречу мы с Назирой ввели тебя в заблуждение насчет моего имени и происхождения. Прости нас!

- Нет, не надо, - почти со страхом молвил Тод, - не надо тебе просить прощения.

- Я и не помышляла в тот момент, что когда-нибудь увижусь с тобой еще. Поэтому так и вышло. Но все это осталось в прошлом.

- А я мечтал увидеть тебя вновь, - печально произнес Тод.

- Ты видишь меня, почему же ты так печален?

- Разум мой в замешательстве. Сегодня я пришел на праздник в надежде увидеть тебя, я всюду тебя искал, и не находил. Когда же я разглядел тебя стоящей подле правителя Хроноса, казалось, сам рассудок мой помутился. Я не верил своим глазам, свет прекрасной звезды, бывшей так близко, а оказавшейся такой далекой, лишал рассудка. Тогда-то я и понял, кто ты на самом деле.

- Я вижу, ты не рад тому, кем я оказалась в жизни, - заметила Лессира, нахмутив брови.

- Нет, что ты! - с жаром возразил Тод, испугавшийся, что она, обидевшись, может уйти. - Я же сказал, что мой рассудок помутился. Я счастлив вновь видеть тебя, слышать твой голос, говорить с тобой! И в то же время, я в растерянности, разве имею право я - простой, обычный, ничем не примечательный человек, разве имею я право стоять рядом с тобою, прекрасной дочерью самого правителя Атлантиды. О Боги, что же это со мной!

Лессира, выслушав страстную речь Тода, весело рассмеялась, ее забавляла его растерянность перед нею. Но она, стоя подле него и глядя в его горящие огнем любви и почитания глаза, тоже, если бы захотела, могла бы рассуждать о двойственности своих чувств, пожалуй, впервые проявившейся в тот момент, когда она вновь встретила с ним. Идя на свидание, она искренне верила, что встреча эта для нее будет не больше, чем развлечение, но сейчас, почти кожей ощущая жар его сердца, душа ее вдруг встрепенулась, она волновалась от близкого присутствия красивого молодого человека, который ради нее готов на все. В этот самый момент она вдруг поняла, что для полноты ее жизни ей, видимо, недостаточно поклонения многочисленных подданных, почтительно замирающих при ее появлении, оказалось, что даже и ей, прекрасной дочери правителя Хроноса, необходим любовный восторг одного единственного человека, который наполнит ее существование новыми, неизведанными доселе красками и чувствами. Неужели же так угодно небу, чтобы этим человеком стал он - сын простого земледельца?

- Можешь ли ты забыть, хотя бы на миг, о том, что я дочь Хроноса? Или ты будешь твердить об этом беспрерывно? Если это так, то я намерена уйти отсюда.

Лессира в притворном гневe нахмурила брови.

- Нет, не уходи! Позволь просить тебя остаться, не лишать меня

радости видеть тебя.

- Хорошо, я останусь. Но куда же мы пойдем? Не можем же мы бесконечно стоять здесь.

- Я знаю одно место. Вон с того склона, что соседствует с дворцом, открывается прекрасный вид почти на всю столицу. Ты бывала там когда-нибудь?

Живописный склон, на который указывал Тод, Лессира видела лишь с террасы, бывать там ей не приходилось. Сегодня ей и в самом деле вдруг захотелось забыть о том, что она дочь правителя Атлантиды, ее сердце жаждало новых событий, незнакомых ярких красок. И она, улыбнувшись, подала руку Тоду, он принял ее бережно, как великую святыню, слегка сжал в своей ладони, с трепетом ощущая ее теплоту.

Глава 11

Гродж, поднявшийся этим утром необычайно рано, задолго до того, как солнце опустит над Атлантидой свое тончайшее марево, чувствовал себя после веселого и шумного праздника первого урожая на удивление легким на ногу и бодрым сердцем.

С того самого дня, когда его астролог Сахур побывал у него, архонт какое-то время пребывал в смутной тревоге относительно страшного пророчества, ему вдруг померещилось, что слова Сахура и в самом деле могут сбыться. Архонт даже каким-то новым взглядом посмотрел на вещи, окружавшие его, то, что раньше воспринималось обыденным, едва ли не вечным, в сей миг он был склонен счесть чуть ли не за мираж, готовый в любой момент бесследно исчезнуть, повинуюсь воле всевидящих Богов. Но дни проходили за днями, и слава Небу, ничего не менялось. Постепенно архонт стал забывать о пророчестве Сахура, его слова теперь казались ему обычным бредом.

Он властным движением распахнул дверь в мастерскую своего придворного алхимика Атрофая, тот, как обычно суетился около огромного стола, занимавшего собою добрую часть просторного помещения. На нем в избытке разместились глиняные, плоские большие и малые чаши, заполненные какими-то пахучими, дымящимися веществами. Дым, уже почти не рассеиваясь, висел в воздухе. Атрофай просторным рукавом своей мантии то и дело вытирал слезящиеся, покрасневшие глаза.

Все здесь дышало той особой таинственностью, которая

бывает там, где мало воздуха и света, когда, кажется, что в любом из мрачных, погруженных в полутьму углов, можно найти какие-то старинные вещи, заговоренные амулеты, покрытые пылью канувших в лету веков. Подслеповатые окна почти у самого потолка пропускали мало солнечного света, не то его заслонял узорный рисунок темной оконной мозаики, не то тончайший слой гари, осевший на стекле от великого множества попыток мастера раскрыть еще недоступные пока для него секреты алхимии.

Алхимик, увидев в дверном проеме мощную фигуру архонта, склонился перед ним подобострастно и почтительно. Тот резко махнул рукой в его сторону, принимая его приветствие. Гродж скользнул рассеянным взглядом по чашам, источающим смрадный дым, и мрачно заметил:

- Дымно здесь у тебя, Атрофай. Чудится мне, что не имеешь ты успеха в своих опытах, обещанного тобою мне в знак моего высокого покровительства.

- О величественный правитель, опыты мои уже близки к окончанию.

- Почему же я не вижу плодов сего окончания?

- Им скоро быть.

- Но ты хотя бы что-то уже получил? - настойчиво продолжал расспросы Гродж.

- На исходе прошлого дня изготовленная мною смесь разнообразных веществ, нагреваемая тщательно и особым способом, начала принимать очертания благородного металла, столь необходимого великому повелителю. После отвердевания местами она сильно напоминала сей металл, но, к сожалению, только местами.

Атрофай будто на глухую стену наткнулся на суровый насто-роженный взгляд черных архонтовых глаз, он, опасаясь гнева

вспыльчивого повелителя, продолжил поспешно и несколько испуганно:

- Со смесью я работаю безостановочно, осталось совсем немного, лишь выверить пропорции веществ. Я уверяю, что уже через несколько восходов и заходов солнца настоящий благородный металл, полученный вне природы, предстанет перед очами нашего великого повелителя.

- Так ты торопись, Атрофай, - сказал архонт уже более мягко, - ты должен знать, что сей металл поможет твоему повелителю расширить свои владения, усилить власть. Так что торопись. А за труды свои получишь великую награду. Торопись!

Гродж знал, что Атрофай его не подведет, упрямый старик, углубленный в свою науку всею натурой, будет искать нужные пропорции одному ему известных веществ, и обязательно найдет. Должен найти! Пусть только попробует не найти - архонт с него три шкуры сдерет, заточит в темницу, со свету сживет. Ведь и от трудов алхимика зависит, быть ли архонту свободным и независимым правителем, для начала, своего острова, а затем и завоеванных им, Гроджем, заморских земель, богатых слоновой костью, драгоценностями, способными принести ему несметные богатства и власть. Но для этого, да будет на то воля Богов!, придется покорить архонту острова родной страны и стать правителем всей великой Атлантиды. Он принесет ей славу грозной и непобедимой державы, пред которой будут преклоняться все, кто видит восходы и заходы солнца, каждый узнает об Атлантиде и об ее бесстрашных, непобедимых воинах, никто не сможет устоять перед их безжалостным натиском. В бою с таким врагом остается только одно - подчиниться воле победителя, покорностью и несметными, щедрыми дарами вымолить, как великую милость, висящую на волоске жизнь. Никто, никто не

смеет перечить Гроджу. Никто не смеет стоять на его пути.

Но, хотя и был Гродж упорен в претворении своих мечтаний и смел в поступках, не мог он не понимать и того, что далеко не все под этим величественным и незыблемым веками небом может достигаться лишь одной силой оружия и бесстрашием воинов. Мало силой захватить дворец нынешнего правителя Атлантиды, уничтожить его самого, и, водворившись во дворце, объявить себя правителем всей страны, надо еще заручиться и поддержкой Верховного жреца, у которого в руках была львиная доля власти над народом Атлантиды. Гродж знал, что Микар никогда не будет на его стороне, никогда Верховный жрец не станет разговаривать с ним, как с правителем Атлантиды, даже если он, пролив море крови сопротивляющихся его воле непокорных и добившись их повиновения, объявит себя таковым. Поэтому в уме архонта день ото дня, месяц от месяца зрел план, который мог бы ему помочь осуществить, пусть еще не сейчас, но, быть может, в недалеком уже будущем, его горячее желание получить власть над всею страной. Правда, надежда выполнить зревшие в его голове мысли была призрачной, но при благоприятном стечении обстоятельств успех мог бы быть достигнут. И как ни размышлял о желанном архонт, с какой бы стороны он ни бросал бы мысленные взгляды на волновавший его предмет, получалось только одно - путь к власти лежал через Лессиру, гордую и своенравную дочь Хроноса. Только став супругом дочери правителя, он мог надеяться прийти к власти, конечно, путем непрямым и нелегким, рискованным и ненадежным.

Что же может помешать архонту осуществить задуманное? Разве Лессире не пора обрести супруга и детей? Чем же не пара ей Гродж - красивый, мужественный, могущественный, мудрый правитель? Сколько женщин, познавших его силу, грезят о нем, мечтают

вновь оказаться в его объятиях. А как беспощадны бывают его прекрасные наложницы в своем горячем желании и соперничестве друг перед другом быть ближе к повелителю, к его покоям, где так весело и приятно летит время. Так с чего бы пусть даже и самой Лессире вдруг воспротивиться его желанию соединить с нею свою судьбу.

Чем дальше размышлял об этом архонт, тем все больше разгоралось в его душе стремление действовать, действовать упорно и решительно, как бы вел он себя в бою, не оставляя противнику путей для отступления. Но действовать здесь следовало не только решительно, но и осторожно, чтобы не стать самому причиной поражения. Он понимал, что вряд ли ему доведется увидеть доверие к себе в глазах Хроноса, и потому надо было развенчать в мыслях правителя миф о грехах и пороках Гроджа. И как это сделать после столь длительного времени вражды и непонимания? Даже встань Гродж на колени и моли о прощении, вряд ли Хронос поверит ему. Значит, надо пробраться в душу правителя Атлантиды посредством волшебства. А уж Атрофай поможет ему в том, чай, не впервой им напускать чары на непослушных и досаждающих архонту людей.

Весь день мысли об этом, неотступные и упрямые, были рядом, и он все более склонялся к тому, чтобы в самое ближайшее время он отправится в Аталлу к Хроносу с непростым разговором относительно своего будущего и дочери правителя.

После захода солнца он долго лежал в сумеречной полутьме летнего вечера, предаваясь своим нелегким думам и опьяняющим мечтаниям. Чтобы зажечь свечи, в покои тихонько вошла Лилит, она, двигаясь, как обычно, бесшумно и легко, словно тень, засветила свечи во всей опочивальне, склонившись в глубоком поклоне перед архонтом, тихо спросила, можно ли внести стол с вечерними яствами. Архонт, бросив на нее рассеянный взгляд, молча кивнул.

Лилит ждала и других распоряжений хозяина, она знала, что сейчас он прикажет позвать музыкантов и наложниц, неизменных спутниц его вечеров, а иногда и ночей, но архонт молчал.

- Что ждешь? - грозно осведомился Гродж.

- Осмелюсь спросить, о великий повелитель, больше приказаний не будет?

- Ты про наложниц? – усмехнулся архонт. - Пусть отправляются к себе, не надо и музыки, я не склонен сегодня веселиться.

Но уже в следующий миг его взгляд, устремленный на стройную фигуру Лилит, загорелся странным светом и он добавил:

- Но пребывать весь вечер в одиночестве я не буду, на короткое время его мне скрасишь ты. А теперь ступай, отдай мои распоряжения и возвращайся. Да поживее!

За порогом архонтовых покоев уже ждали наложницы, они, сбившись в стайку, подобно весело щебечущим птичкам, тихонько ворковали меж собою и бросали нетерпеливые взгляды на дверь.

- Знать, плохо здоровье хозяина, - шептала одна, считавшаяся едва ли не самой привлекательной для повелителя наложницей, почти каждый вечер она бывала в покоях архонта, чем вызывала черную зависть прочих, входивших туда лишь иногда, - уже который заход солнца он встречает один. Разве может это нас не беспокоить?

Остальные только сочувственно кивали, в душе горячо радуясь неудаче своей соперницы, всегда стремившейся выделиться и быть впереди. Поделом ей, надоела, видно, она повелителю, пусть теперь и другие почаще бывают у красивого хозяина, она же, скорее всего, отправится в поварню чистить овощи и мыть посуду. Так ей и надо!

Их разговор оборвался на полуслове, из-за скрытой тяжелой тканью двери выскользнула раскрасневшаяся Лилит, она скороговоркой передала наложницам приказ хозяина, и заспешила в поварню

выполнять распоряжение архонта насчет ужина. Стремительно удаляясь, она слышала за своею спиною недовольное шушуканье наложниц, но она не прислушивалась, ей было недосуг. Ей надо было спешить, хозяин ждал сегодня ее и только ее. От одной мысли об этом дыхание перехватило в груди, а сердце с каждым мигом билось все взволнованнее.

Глава 12

Невероятные и безумные дни наступили для Тода. Он больше не принадлежал себе, не мог он свободно мыслить и творить свои повседневные деяния, все его чувства, такие яркие и стремительно меняющиеся, были посвящены только ей, Лессире, той, которая спустилась с высоты престола, чтобы быть с ним. О Боги, мудрые Боги, чем же он, простой человек, заслужил эту великую милость и награду?

Не было больше в его жизни дней, не наполненных думами о ней, нетерпеливыми мечтами о новой встрече вслед незаметно промелькнувшей. И каждый раз ее вдруг появившийся в ослепительном блеске солнечных лучей изящный силуэт был похож на чудо, призрачное видение, которое, казалось, в любой миг могло исчезнуть без следа, раствориться в воздухе, сгинуть. Он, как зачарованный, ждал ее приближения, жадно всматриваясь в ее облик, будто бы хотел вобрать его в себя, запечатлеть в памяти надолго, до самого скончания веков. И уже потом, когда минут века, чтобы в вечности потустороннего мира его душа в любой миг могла бы вспомнить, воссоздать облик прекрасной девушки, потрясшей его своею неземной красотой.

Последняя их встреча оставила в душе Тода беспокойство и тревогу. Он не знал, откуда вдруг появилось это цепенящее душу ощущение беды. В тот день они встретились не на берегу канала,

своим обычном месте, а у фонтана, что в самом центре площади торжеств, где по обыкновению проходят все праздники, именно сюда на просторное плато балкона, нависающее над самым краем площади, вымощенной мрамором и разноцветной мозаикой, выходят в такие дни к народу правитель и архонты.

Тод, будто бы чувствуя неладное, не соглашался встречать дочь Хроноса едва ли не на самом видном месте. Лессира весело смеялась и укоряла его в трусости, но Тод упорствовал, он понимал, что негоже выставлять на показ их свидания. Если о том станет известно ее отцу, кто знает, каким будет его ответ.

- Значит, ты боишься? - допытывалась Лессира. - Чего же ты боишься?

- Думаю, что твоему отцу будет не по нраву, если он узнает, с кем встречается его дочь.

- Зачем же ты совершаешь дела, неугодные правителю? - лукаво улыбаясь спрашивала Лессира.

- Тому виною ты, прекрасная звезда Атлантиды, - тяжело вздохнув, отвечал Тод, - разум больше мне не служит, лишь одни чувства ведут за собой.

- Чувства? Так покажи их, зачем же их таить? Пусть знают все.

Лессиру забавлял испуг, читаемый ею в его глазах, все также преданно и нежно взирающих на нее. Ей хотелось беспрестанно смеяться над его растерянностью, и в самом деле, разве же не смешно так дрожать от одной только мысли, что их увидят вместе. Ну, а если и увидят, что ей, дочери правителя, до того? Почему ей не встретиться с тем, кто предан и привязан к ней всею душой, с кем ей легко и просто. Если бы ее спросили, почему изменились ее чувства к нему, она, наверное, и сама бы не смогла объяснить этого. Просто случилось так, что почти с первой встречи она вдруг забыла о своем

величии и гордости, рядом с ним она ощущала себя обычной земной женщиной, жаждущей не слепого и беспрекословного преклонения, а настоящей любви и нежности. Тайные встречи стали частью ее жизни, они, подобно слабому ростку, робко проклюнувшемуся из самой земли, постепенно начали перерастать в навязчивое желание быть вместе, и не только там, где их никто не видит, но и там, гделюдно и где их в любой миг могут узнать. Но пусть видят все, кому это небезразлично, что и она, дочь правителя, может быть рядом с желанным для нее человеком.

- Да, я и вправду боюсь, - признался Тод, - но боюсь я не гнева твоего отца или его последствий для меня, а только лишь того, что Хронос, прогневавшись, запретит тебе выходить из дворца и я больше никогда не увижу тебя так близко, никогда не буду говорить с тобой.

- Такое вполне может случиться, - согласилась Лессира, покрасневшая вдруг от признаний Тода. - Но все скрываемое когда-то становится видимым, и потому мы встретимся на площади, а ты убедишься в том, что все останется неизменным.

Он ждал ее у фонтана. Тод с блаженством ощущал освежающее прикосновение мельчайшей прохладной пыли, беспрестанно срываемой ветром с водной бурлящей поверхности. Он всегда с радостью любовался водной стихией, ее пение, то тихое и мелодичное, то громкое и неистовое, будило в его душе какие-то, казалось, давно забытые переживания и чувства. Рядом с водой он ощущал необъяснимое умиротворение и легкую печаль, от которой светлее и торжественнее становился весь окружающий его мир. Вот и сегодня, проведя у воды, томительное время ожидания, он вдруг почувствовал, как все его страхи развеялись сами собою. Теперь ему уже не мерещились таинственные опасности, угрожающие их радостным встречам.

Когда он заметил появившуюся на площади Лессиру, одетую, впрочем, как и всегда, просто и неприметно, он, забыв обо всех своих волнениях и опасениях, не замечая никого вокруг, бросился ей навстречу. Возможно, не будь этой поспешности и неистового рвения приблизиться к любимой, немногочисленные горожане, неторопливо прогуливающиеся вблизи фонтанов, и не обратили бы на них своего праздного внимания. Но стремительное приближение молодых людей друг к другу не могло остаться незамеченным, особенно же бросался в глаза порыв пылкого красивого юноши, потерявшего голову при виде возлюбленной.

Впрочем, среди любопытствующих был один человек, который пристальнее остальных вглядывался в радостные, сияющие от неземного восторга лица юноши и девушки. Сам архонт Гродж волею судьбы оказался в этот вечер на главной площади Аталлы.

Глава 13

Когда солнце находилось в наивысшей жароносной точке небосвода, прибыл архонт в столицу. Целью его поспешного визита была встреча с Хроносом, он жаждал поскорее начать воплощение в жизнь своего намерения относительно Лессиры, которое одно, по его мнению, могло помочь ему добиться власти и побед на поле брани. Как человек, целеустремленный и волевой, решивший однажды действовать, он не хотел откладывать на будущее своих планов. Желанное дело требовало быстрых, почти стремительных действий, не стесненных ни какими средствами.

Правда, сразу же архонту пришлось столкнуться с препятствиями и проволочками: вместо намеченной встречи с Хроносом и, возможно, с его дочерью, Гродж, спустившись по широкой мраморной лестнице к скамье у фонтана, коротал время в ожидании правителя, отбывшего еще с утра на остров Туле, к архонту Синаперибу. Но Гродж не собирался возвращаться к себе, его намерением было дождаться возвращения Хроноса, который должен был скоро прибыть обратно в свой дворец.

Каково же было удивление архонта, когда он вдруг узнал в красивой, одетой скромно и неприметно девушке, спешившей навстречу молодому человеку, саму Лессиру. В первый мигновение его скучающий взгляд, мельком скользнувший по юной горожанке, почти не привлеченный ее простым видом, уже готов был перенестись в

сторону, как вдруг нежные черты лица, копна развеваемых ветром белокурых волос, сама грациозная походка показались знакомыми. Вглядевшись более пристально, Гродж уже не сомневался, что перед ним дочь самого правителя, свободно и безбоязненно разгуливающая по городу. Да еще как разгуливающая! Эта независимая молодая особа посмела явиться на свидание с простолудином, и не тайно куда-нибудь в сень зеленых рощ или берегов прохладных каналов, где не встретишь ни одного любопытного взгляда, а на главную площадь столицы. Неслыханная дерзость! Кто же этот молодой наглец, посмевающий столь неуважительно отнестись к царственной особе? Вместо почитания и преклонения назначать дочери правителя личное свидание?! Но и сама Лессира какова?! Одаривает своей божественной улыбкой проходимца, не стоящего даже и мимолетного ее взгляда.

Несмотря на негодование, захлестнувшее его душу, Гродж твердо решил не проявлять его пред глазами посторонних. Но остаться незамеченным Лессирой он не хотел. Поэтому архонт поднялся со скамьи и направился к влюбленной паре, безмятежно взиравшей друг на друга. Он, слегка поклонившись изумленной его внезапным появлением дочери Хроноса, почтительно приветствовал ее. Лессира вынуждена была отвечать ему, хотя слова не шли из ее уст. Она не понимала, откуда здесь взялся этот человек, с чего он вдруг здесь.

- О прекрасная Лессира, ты решила осчастливить нас, простых смертных, своим внезапным и чудесным появлением, - начал изда- лека сладким голосом архонт. - Я, твой покорный слуга, безмерно рад встрече с тобой, о прекраснейшая и величественнейшая из жен- щин.

Лессира в замешательстве покраснела. Она молча взидала на

слащавого архонта и не знала, что же ей отвечать. Она понимала, что все теперь открылось и стало явным. Судя по взглядам Гроджа, исподтишка бросаемым на Тода, он воспринимает ее встречу с ним, именно как свидание, а потому архонт не станет держать увиденное в тайне, он непременно расскажет об этом ее отцу. Что же скажет он, как встретит новости о своей дочери, Лессире было неведомо.

- О прекрасная Лессира, назови имя твоего спутника, представь нас друг другу.

Прежняя Лессира дерзко и властно осадила бы любого, кто осмелился хотя бы в чем-то перечить ей, а уж тем более спрашивать у нее отчет о ее делах и поступках, но нынешняя, слегка растерявшаяся от этой внезапной, неприятной для нее встречи, почему-то отвечала архонту.

- Тод, архитектор, - отрывисто сказала она.

- Тод, мир тебе и твоим близким, - спокойно приветствовал архонт Тода.

- Прекрасная Лессира не представила меня, поэтому назовусь сам: я архонт Гродж.

Тод молча поклонился. Он, глядя в колючие глаза архонта, чувствовал в них отчужденность и враждебность, во всем облике этого человека, в его лице, властном и надменном, явственно читались недобрые намерения. Тод с замиранием сердца смотрел на архонта и понимал, что его опасения и тревоги, увы, не были напрасными, теперь Гродж поведает обо всем Хроносу, и тот разрушит хрупкое счастье Тода. Ему больше уже никогда не видеть Лессиру, не быть с нею наедине, не лицезреть ее прекрасный облик и улыбку.

- Не смею больше вас задерживать, - вновь поклонившись Лессире, сказал Гродж, - я и сам спешу, через короткое время я увижусь с достопочтенным правителем нашим, дабы поведать ему о делах

повседневных.

Гродж, вполне довольный растерянностью молодых людей, оставил их. Он твердым шагом направился в сторону дворцовой лестницы.

Глава 14

Лессира и Тод, безмолвные и неподвижные, зачарованно смотрели вслед архонту Гроджу.

- Я хочу уйти отсюда, - первой нарушила молчание Лессира.

Сразу к краю площади подступала эвкалиптовая роща, ее тенистые аллеи, немногочисленные и безмолвные, могли стать прибежищем для них. Лессира шагала впереди, Тод, подобно верному придворному охраннику, чуть поодаль. Как только они вступили в сень величественных деревьев, их шаги сделались глуше и спокойнее, здесь никто не мог увидеть их вдвоем. И почему они сразу не пришли сюда? Не было бы этой неприятной встречи, колючих, подозрительных глаз архонта. Лессира размышляла, чем могут закончиться ее встречи с Тодом, если теперь отцу станет все известно. Ее внутреннему взору было трудно изобразить разговор с Хроносом об этом, поскольку ни единого раза ей не приходилось бывать в таком положении. Никогда Хронос не заговаривал с ней о возможных избранниках и претендентах на ее руку. Поэтому она не знала, каких взглядов придерживается ее отец. В общем-то и саму Лессиру эта сторона ее будущей жизни до сих пор волновала мало. До сих пор! Пока не осознала и она, что в один из моментов вдруг появится человек, пробуждающий в душе какие-то необычные чувства и переживания.

- Положение опасно? - приблизившись к ней, осторожно спросил Тод. - Кто этот человек? Почему он был так зол?

- Он же сказал, что он архонт Гродж.

- Я мало что слышал о нем.

- Он правитель одного из отдаленных островов Атлантиды, там живут очень воинственные люди. Гродж так строит свое правление, что в основном его подданные занимаются не мирными делами, а обучаются воинским премудростям. Сам Гродж мечтает стать непобедимым завоевателем чужих земель и стран, чтобы обогащаться и властвовать. Мой отец против завоеваний и военных походов атлантов, поэтому он несколько раз говорил с ним, предупреждал и даже угрожал лишить его звания архонта.

- Неприятный человек, - заметил Тод.

- Да, ты прав, он и мне не по душе. Всякий раз, как он приходит к отцу, тот после разговора с ним весь день хмур и темен лицом.

- Ему не пришлось по нраву все увиденное.

- Личное мнение архонта не имеет значения, - нервно повела плечом Лессира. - Значение имеет лишь мнение отца моего.

- Каким же может быть его мнение? - с замиранием сердца спросил Тод.

- Не знаю, - вздохнула Лессира.

Она, взглянув в наполненные болью глаза Тода, увидела в них настоящее страдание и великий страх не за себя самого, но за их будущее.

- Я и вправду не знаю. Мы никогда не говорили с отцом об этом.

- Мы все равно не сможем ничего предугадать и решить ранее положенного времени, - Тод старался не выдать своего душевного смятения, говорил бодро и весело, - а потому пусть и этот вечер будет беспечным для нас. Если вдруг уже завтра все изменится, после мы, по крайней мере, сможем вспоминать это счастье, испытываемые нами в сей миг. Мы всегда сможем вспомнить тепло рук

друг друга, свет глаз, ни с чем не сравнимую радость этого мимолетного момента, когда мы рядом. Пусть этот вечер не будет омрачен ни малейшей тенью переживаний и сомнений.

Лессира тревожно смотрела в его глаза. Ей не нравилось то, что он говорил, ибо говорил он с нею, будто прощаясь навсегда. Отчего такая тоска в глазах, отчего так грустно звучит его голос? Но разве кто-то сможет запретить ему видеть ее, если она, Лессира, дочь самого Хроноса, захочет этого? Кто посмеет наложить запрет для того, что желаемо ею?

- Почему ты так говоришь, печально и тоскливо? Ты увидишь, что все останется по-прежнему.

- Я верю тебе. Но забудем о сегодняшних печалях и сомнениях. Смотри, какой сегодня ветерок. Хочешь, возьмем лодку и поплывем?

- Куда? – смеясь, спросила Лессира.

- Куда? Да хотя бы к самому морю! - восторженно воскликнул Тод.

- Через все каналы!

- Конечно! О, если бы ты позволила, я бы увез тебя к самому горизонту, на край земли, туда, где никто нас не увидит и не найдет.

- К горизонту, это далековато, а вот к морю я согласна.

Спустившись по крутой лестнице к самому каналу, они быстро нашли на его берегу свободную лодку. Ее владелец, приветливо улыбаясь, пригласил их отправиться в плавание. Осторожно ступая по шаткому дну, Лессира и Тод удобно устроились под трепетавшим на ветру нежно-розовым балдахином. Лодка, послушная смуглой руке кормчего, легко скользнула по лазурной глади канала под арку аквадука, которая вела прямо к порту первого пояса Аталлы.

Глава 15

Весь день правитель Хронос провел на острове Туле, коим правил безмерно почитаемый им Синапериб. Хронос уже давно собирался посетить Туле, чтобы убедиться своими глазами, что жизнь на острове, не в пример некоторым иным, по-прежнему мирная и спокойная, что нет, как и не было здесь доселе, распрей из-за благодатных земель, как в самой столице и других островах его процветающей страны, столь омрачавших думы правителя. Минуло уже несколько лет с той поры, как все громче и громче на народных собраниях стали звучать голоса, провозглашаемые за передел земель. Хронос чувствовал растущее недовольство теперь уже многих граждан своей страны, считавших себя обделенными.

Долго размышлял Хронос, чтобы ему предпринять для успокоения людей, но нужных мер найти так и не смог. Сложившийся порядок распределения земель возник еще в давние времена, и Хронос, свято чтивший законы предков и мудрых Богов, установивших оный, никогда бы не осмелился что-то перекраивать на свой лад. До последнего времени он жил призрачными надеждами, что утраченный мир наладится сам собою, без принятия с его стороны каких-либо жестких мер.

Но случилось так, что последняя встреча с Верховным жрецом, самая трагическая и тревожная из всех немногочисленных, личных его встреч с Микаром, отодвинула на дальний план все события,

кроме тех, что узрел Верховный жрец оком мудрости. Все то, что еще вчера волновало Хроноса, сегодня увиденное в ином свете, больше не трогало ни ум его, ни сердце. Свою поездку на Туле он хотел бы объяснить желанием убедиться, что здесь нет волнений и недовольства из-за земель, но, на самом деле, причины визита были иные. Недовольство же народа его из-за земель теперь менее всего волновало правителя Атлантиды, болезненный еще вчера, сегодня вопрос этот уже не так, как ранее, трогал его душу. Да и к чему беспокоиться о том, чего, быть может, уже завтра не будет?

Впрочем, со времени встречи Хроноса с Микаром проходили дни и месяцы, а мир вокруг него оставался неизменным. Это волей неволей успокаивало смутные думы, вводило жизнь в привычное русло. Но в глубине души Хронос не переставал печалиться о судьбе своей страны и ее людей, ибо понимал, что предсказания Микара когда-то сбудутся обязательно. Только вот когда? Знать бы ему это наверняка! И хотя мысли его с течением времени принимали все более размеренное движение, и повседневные, важные для сего мига дела выступали вперед, но Хронос ни на мгновение не забывал о словах Микара. Больше всего его волновало то, что он так и не смог принять какого-то определенного решения, способного превратиться в действия. Он так и не решил, где искать пути спасения, если не для всей страны, спасти которую при таком расположении к ней мудрых Богов, даже ему было не под силу, и не для всех людей, но хотя бы для кого-то из них. Когда в своих мыслях он приближался к этой болезненной теме, то будто упирался в непреодолимую стену собственных сомнений. Обойти эту стену ему не удавалось. Как угадать, почувствовать душой единственно верный момент своевременности сигнала к спасению? Должен ли он уже сейчас объявить людям о необходимости бегства, или для жизни Атлантиде отпущены Богами

еще многие годы, а это значит, что паника ни к чему? Этого Хронос не знал.

Синапериб, радостно улыбаясь, вышел навстречу Хроносу. Они, оживленно беседуя, рука об руку миновали наполненный ярким солнечным светом балкон и оказались в просторном, немного сумеречном зале, раскрашенный живописными картинами свод которого подпирали ряды массивных колонн. Меж ними, в самой глубине почти неприметные, невидимые для мимолетного взгляда, затерялись два пиршественных ложа и приземистый столик, украшенный скромными блюдами.

- Я безмерно рад видеть тебя, достопочтенный Хронос, - сказал Синапериб, чье лицо, обычно сосредоточенное и серьезное, с момента появления Хроноса не покидала сердечная улыбка. - Долго, очень долго наш правитель не посещал сей свой скромный удел.

- Слышу, слышу в голосе твоём скрытую иронию, - воскликнул Хронос, он, освобожденный на краткий миг от тяжких дум радостной встречей, весело и беззаботно улыбался Синаперибу в ответ.

- Ирония? Отнюдь!

Синапериб опустился на ложе, покрытое мягким бархатом, и, как радушный и внимательный хозяин, пригласил Хроноса последовать своему примеру. Они без церемоний оставили сандалии на полу, и, блаженно вытянув уставшие и немного отекавшие в жару ноги, расположились свободно и легко.

С облегчением вдыхая прохладу помещения, надежно защищенного от нестерпимого летнего зноя, они пили ароматное вино и вели неторопливый разговор. Сколько раз бывало такое. Время в приятной беседе течет незаметно, то и дело раздается смех, блюда на столе незаметно сменяются новыми, а они, встретившись словно после долгой разлуки, все говорят и говорят. Правда, сегодня раз-

говор большей частью касался серьезных, государственных тем, Хронос и Синапериб, оба сосредоточенные и углубленные в печальные свои думы, негромко обсуждали дела насущные, не оставившие им поводов для веселья, так что смех, этот обычный и приятный спутник их бесед, редко всплескивался над пиршеством.

По своему обыкновению, правитель Атлантиды прибыл к архонту Туле поговорить с ним о разном: политике, искусствах, видах на урожай, но последние события лишали желанную встречу с другом обычного оживления и радостных впечатлений, тоскливые мотивы в душе не умолкали, они звучали беспрестанно, куда бы ни поехать и с кем бы ни говорить. Вот и сегодня, намереваясь забыть о тревогах в приятной беседе с Синаперибом, он так и не смог отстраниться от печали, поселившейся в его сердце.

- Как живется нашему правителю? - спросил Синапериб, с тревогой вглядываясь в усталое лицо Хроноса.

Архонту не нравился внешний вид правителя. За время, прошедшее с последней их встречи, Хронос изменился: черты лица, обычно спокойные и умиротворенные, как будто лишившись жизненной силы, тревожно обострились, глаза, всегда смотревшие на мир прямо и открыто, были отрешенными, казалось, их взор обращен теперь куда-то в глубины души, туда, где таится ответ на терзающие его вопросы.

- Нет больше покоя моей душе, - признался Хронос. - Мне иногда кажется, что все краски мира, такого доселе яркого и радостного, вдруг померкли, все теперь для меня будто затянуто пеленой, тусклое и безрадостное. Силы покидают меня. Я беспрестанно размышляю о том, когда же быть беде, и потому нет желания думать о насущных делах.

Синапериб, внимательно слушающий Хроноса, в задумчивости

опустил кубок с вином, прозрачная жидкость редкими каплями пролилась на гладь бархата.

- А делам необходимо твое мудрое и верное решение, - промолвил Синапериб, - ведь жизнь, несмотря на суровое пророчество, все-таки продолжается. Люди возделывают землю, создают прекрасные мелодии, скульптуры и картины, наблюдают за звездами, строят замысловатые дворцы и храмы, влюбляются, рожают детей, одним словом, время идет своим чередом, и ему нужны наши заботы о нем. В сей миг, пожалуй, самым важным, по моему мнению, можно считать вопрос передела земель. И до Туле дошла смута, доселе зревшая в столице и других землях Атлантиды.

- И до Туле, - горестно покачал головой Хронос.

- Да, и у нас теперь говорят об этом земледельцы, и у нас недовольны земельными наделами.

- Но почему? Можешь ты мне объяснить, откуда взялось это недовольство, где истоки его?

- Я разумею, что дело здесь в том, что в благодатной Атлантиде возрастает число жителей. Но возрастает оно не повсюду одинаково. Малочисленные и многочисленные семьи соседствуют друг с другом, и те, чей род велик числом, видят благополучие своих соседей, в то время, как сами они уже не могут быть зажиточными, ведь урожай приходится делить на многие доли. Полагаю, наступают тяжелые, безрадостные времена.

- Почему? - горестно воскликнул Хронос. - Откуда взяться тоске и отчаянию на этой цветущей земле? Разве земля наша не так щедра, как и раньше, разве солнце больше не посылает нам свое тепло и свет? Зачем же гневить пустым недовольством и ропотом мудрых Сынов Небес, доселе столь благосклонных к Атлантиде и ее жителям?

- Одни времена сменяют другие, вместе со временем меняются люди. Если раньше вполне хватало простого хлеба насущного, то теперь этого им уже мало, теперь нужно настоящее богатство, много благородных металлов и камней, походы за море, торговлю там, а то и войну с другими народами. Неспроста же архонт Гродж муштрует своих подданных, обучает их воинским наукам. Он ни от кого, даже от самого правителя не таит своих стремлений воевать и властвовать над побежденными.

- Ты прав, Гродж уже не единожды пытался заручиться моей поддержкой, - согласился с Синаперибом Хронос. - Да только я не позволю никому из атлантов ходить в военные походы, проливать кровь, лишать людей их жизни. Наш народ во все времена был мудр и благоразумен, никогда блеск камней и металлов не застил ему глаза. О мудрые Боги, кажется, что даже и свет помутился на нашей земле! Нет больше покоя в сей великой стране, нет благоразумия в моем народе. Как бы ни было горько признать, но прав, прав Верховный жрец, семя истины сокрыто в его пророчестве: неспроста, ох неспроста, грозная опасность нависла над нами. Знать, и вправду, приходит время умереть моей стране, такой еще процветающей и могущественной, но уже подточенной изнутри, надломленной людскими пороками и зреющими распрями.

Долго беседовали Хронос и Синапериб, но разговор их был подобен медленно несущей свои воды равнинной реке, как и она, не встречая на своем пути запруд и меняющих бег вод каналов, течет к необозримой человеческим глазом, почти призрачной цели, так и беседа эта не могла привести их встревоженные мысли к ясному пределу, способному озарить вспышкой неоспоримой истины их сознание. Наверное, ни одно существо, живущее на бренной земле, было не в состоянии дать ответ на мучающие их вопросы, ибо ни

одно из существ не наделено мудрыми Богами способностью зреть перспективу и причины происходящих событий, не дано и не разрешено им своим сознанием, ограниченным лишь земными пределами, даже и туманно представить себе смысл и великое значение предначертанных событий.

Поздним вечером возвращался Хронос в Аталлу, так и не рассеяв своей всепоглощающей тревоги: даже и встреча с дорогим его сердцу другом не принесла ни хотя бы легкого облегчения, ни умиротворения, утраченного им, судя по всему, навсегда.

После дальней дороги, пролежавшей по морю, правитель чувствовал себя усталым. Он из-за тяжелых дум уже почти отвык спать по ночам, и теперь, после утомительных перемещений и долгих бесед, впервые за многие месяцы ощущал желание немедленно, не отвлекаясь на какие бы то ни было дела, расслабить утомленное тело в мягкой постели и погрузиться в сон.

Но не успел Хронос ступить в коллонадную галерею, как ему доложили неприятное известие о том, что его вот уже почти весь день ждет архонт Гродж. При мысли о необходимости общения с воинственным архонтом теперь, когда он так устал, правитель невольно поморщился, но не принять Гроджа, к сожалению, он не мог, тот прождал его весь день, и, значит, не увидевшись с ним, не покинет столицы. Хронос велел слуге передать, чтобы архонта пригласили в приемный зал, - величественное, немного сумрачное сооружение, сплошь покрытое старинными росписями, - здесь обычно Хронос принимал собиравшихся вместе архонтов. В этот зал Хронос никогда не приглашал тех людей, с которыми он вел дружеские беседы, так повелось издавна, еще до него заведенным порядком, что в сих сумеречных, немного унылых стенах, проводились лишь официальные приемы.

Хронос полагал, что между ним и Гроджем вряд ли может произойти дружеский, располагающий к откровенности и сердечности, разговор. Не любил правитель архонта, не любил он в нем напористости, с которой Гродж неизменно подступал даже к нему, чтобы добиться его расположения и поддержки, не любил его гордости, небрежно бросаемых на окружающих его людей надменных взглядов. Отношения правителя с архонтом стали еще более натянутыми после того, как тот едва ли не открыто стал заявлял о своем намерении воевать, для чего Гродж даже принялся обучать своих людей военному искусству. Хронос не единожды, иногда и в резких выражениях, указывал архонту на несовместимость его взглядов и государственных. В будущем, если архонт не оставит своих опасных затей, правитель был намерен лишить его чести зваться архонтом и выполнять сии почетные обязанности.

Когда Хронос вошел в зал, архонт уже ждал его. Увидев правителя, он склонился перед ним в почтительном поклоне. Хронос, положив руку на сердце, приветствовал архонта. В зале сомкнутыми в кольцо стояло несколько кресел с высокими спинками. Хронос жестом пригласил Гроджа присесть. Они расположились лицом к лицу в противоположных сторонах круга. Разговор начался издали, обсудили виды на урожай, второй в нынешнем году, немного поговорили о делах торговых, но к сути беседы, ради которой, как чувствовал Хронос, прибыл и терпеливо ждал его весь день архонт так и не подошли.

Наконец, после длительных словесных пазов, архонт решился заговорить о том, ради чего он и приехал: о своем желании связать собственное будущее с будущим дочери правителя. Он не знал, как отзовется на его предложение Хронос, и потому начал издали.

- Нашу великую страну, процветающую Атлантиду, бесспорно

ждет лучезарное будущее. Чем больше я наблюдаю дела народа нашего, столь мудро направляемого тобою, о правитель Хронос, тем все больше крепнет во мне уверенность, что земле этой и народу ее жить и процветать веками.

Хронос смотрел на Гроджа с легким недоумением, он не мог понять, с чего это вдруг архонт, высказывающий, порой, публично недовольные замечания в адрес правителя Атлантиды, принялся сочинять оду ему.

- О мудрый Хронос, - между тем, продолжал свою речь Гродж, - прими от недостойного твоей великой мудрости подданного твоего покаяние за свершенные ошибки. Да, я готов признать пред тобою, а позже и публично, все свои заблуждения. Не гневайся на архонта своего, о Хронос, все свершенное мною - от недостатка мудрости и дальновидности, свойственных тебе. Я искренне раскаиваюсь в своих взглядах насчет войн и походов. Долго, очень долго мне был неведом глубокий смысл твоих воззваний ко мне, я не понимал и не осознавал того, что только в мире и согласии может процветать Атлантида. Раскаиваюсь, горько раскаиваюсь во всех своих заблуждениях!

Гродж уже не сидел, он встал перед правителем, и, говоря убежденно и страстно, смотрел на него по-иному: с особой теплотой и истинным раскаянием во взгляде, где-то в глубине его черных глаз даже притаилась слеза. Хронос, склонный вначале принять страстную речь архонта за театральное действо, позже уже стал сомневаться, играет ли архонт, или говорит одну святую истину. Чем дальше он слушал Гроджа, чем пристальнее вглядывался он в его взволнованное лицо, тем все более он проникался в его слова. Хронос, не перебивая и не вступая в разговор, как зачарованный, следил за каждым жестом архонта, за каждым его взглядом. И если вначале

он сомневался, верить ли ему архонту, то в конце его монолога Хронос был совершенно уверен в том, что Гродж искренне раскаялся в своих заблуждениях и ждет теперь от правителя поддержки и участия, того, в чем тот никогда не отказывал нуждающимся. И в этот момент Хронос почему-то вдруг перестал испытывать по отношению к Гроджу неприязнь и раздражение, неизменно вызываемые в нем архонтом, им неожиданно овладело желание сердечно поговорить с ним, обсудить их непонимание друг друга, и стать, наконец, друзьями. На мгновение промелькнула мысль, зачем же друзьями, разве пристало правителю водить дружбу с архонтами? Исключение из этого правила, существовавшего веками до него, составлял только лишь Синапериб, истинно близкий ему человек по взглядам и душевным качествам. Но в тот момент он не спросил себя, откуда появилось в нем это желание, еще мгновение назад принятое бы им за дикость, потом же, все более попадая под влияние горячего раскаяния Гроджа, спрашивать себя об этом он уже не мог. Хронос, повинувшись странному душевному состоянию, заслонившему в один миг все его мысли и ощущения, вдруг приблизился к архонту. Тепло улыбаясь человеку, к которому еще несколько мгновений назад он испытывал только лишь неприязнь, Хронос сердечно пожал ему руку, и, обняв за плечи, усадил рядом с собою.

- Я несказанно рад тому, что услышал из уст твоих, архонт Гродж, - горячо заговорил Хронос. - Сердце мое радуется, теперь больше не будет непонимания и недомолвок между нами. Я готов принять тебя, как своего друга, разделить с тобой свой кров, свои взгляды, свои дела.

- Истинно ли я понимаю тебя, о правитель Хронос, - пытливо всматриваясь черными глазами в покрасневшее лицо правителя, воскликнул архонт, - ты готов отныне положиться на мою помощь в

великих твоих делах? О, я и мечтать не смею об этом! Неужели же это правда?

- Истинная правда. Своим раскаянием ты показал верность служению народу Атлантиды, и, значит, ты можешь стать мне помощником, другом.

- Благодарю тебя, великий и мудрый Хронос. Нет на свете человека счастливее меня, ибо сегодня я заслужил доверие величайшего из смертных, правителя нашей процветающей страны. О мудрые Боги, вы свидетели великого восторга моей души!

Гродж ликовал: его затея, казавшаяся поначалу несбыточной и безуспешной, принесла ему полную победу. И пусть разговор пошел не по тому пути, который он наметил, так даже лучше, если он не станет сразу же вести речь о Лессире. Зачем пробуждать сомнения в только что усыпленной им душе правителя? Пусть сон сделается глубоким и прочным, и вот тогда он спросит Хроноса о прекрасной дочери его, тот не откажет страстной просьбе архонта. Нет, не откажет! В этом архонт теперь был уверен. Глядя в затуманенные слепой радостью глаза Хроноса, он и сам удивлялся, как легко досталась ему победа. Конечно, позже правитель придет в себя и поразится своим деяниям, но будет уже поздно, ибо дочь его, став супругой архонта, разделит с ним его постель. Что же после случившегося можно будет изменить? Нет, слишком поздно! На мгновение скользнула мысль о том молодом красавце, что сопровождал сегодня Лессиру. Ничего, он разузнает о нем, и сам разберется с ним. А пока - победа!

Архонт, сказавшийся уставшим от долгого ожидания, попросил разрешения остаться во дворце, на что Хронос с радостью согласился. Верному слуге своему он приказал приготовить для архонта покои, принести ужин и вино, тот внимал почтительно, но во взгляде его таилось удивление: никогда доселе архонт Гродж не оставался

во дворце на ночь, никогда достопочтенный правитель не был так добр и ласков с этим суровым, надменным человеком. О Боги, знать и вправду мир изменился вокруг, если злобным и презиравшим мир людям стало легко заполучить уважение самого Хроноса, горестно подумал слуга и отправился выполнять приказание.

Глава 16

Дом Верховного жреца, по обыкновению, был погружен в тишину, густую и непроницаемую, как туман в сезон дождей, изредка нарушаемую лишь приглушенными голосами немногочисленных слуг. Микар не любил, чтобы покой его обители даже на короткий миг был сотрясаем грубыми вибрациями воздуха. Более всего Верховный жрец ценил безмолвие и уединение. Только так он мог отстраниться от земли, немало досаждавшей ему призрачными, чаще всего, ничтожными горестями и заботами ее обитателей, он жаждал хотя бы немного приблизиться к Великим Небесам, скрывающих от простых смертных необъятный простор запредельных далей.

Воистину на земле Атлантиды, некогда славившейся великими науками, прекрасными искусстваами, чудесными предметами, почти не осталось людей, не утративших способностей и знаний соприкосновения с запредельным. Даже жрецы, даже они, под влиянием тяжелой материи обессилено опустились на землю. Простые же смертные, теперь уже не наделенные великими знаниями, все более и более превращались в лишенных высоких стремлений существ, навеки погрязших в путах своих земных забот и бед. Даже и тех кратковременных встреч с народом нынешней Атлантиды ему хватало вдоволь, чтобы осознать, насколько же развращены люди сладким для них пленом земли и собственной плоти, требующим услад и

развлечений.

Микар не помнил времен, когда бы его народом владела зависть к успехам и благосостоянию ближнего, он не помнил, чтобы кто-то желал чужого, желал страстно, низко и злобно. Горечь он ощущал в своей душе, когда в моменты народных собраний стоя на площади среди народа своего, он видел горящие ненавистью глаза, слышал громкие и истошные вопли людей, ратующих что есть силы за передел земли. Призывы к смирению и благоразумию были безуспешны: народ Атлантиды им не внимал. Даже он, Верховный жрец, наделенный огромной властью и вековой мудростью, доставшейся ему от самих Сынов Небес, даже он не мог образумить ослепленных страстями людей.

При последней встрече с правителем Хроносом, когда произошел меж ними непростой разговор, Микар в сердцах попенял ему, что тот не может усмирить людей, но молвил это он не вполне осознанно, поддавшись сиюминутному гневу, ибо он знал, что ничьей вины, а тем более Хроноса в этом нет. И если вдуматься в самый корень происходящего, а также и того, что должно произойти, то и самих бунтовщиков, все громче и громче кричащих на площади, даже и их винить нельзя, ибо таков ход земных событий. Кого винить в том, что ночь приходит на смену дню, холодный дождь - жару, смерть - жизни?

Так думал Верховный жрец, но сердце его плакало, больно было ему, особенно ему, познавшему в полной мере величие и почти космическую гармонию жизни Атлантиды, всех ее обитателей, видеть, как медленно и неуклонно приближается смерть к безмерно любимой им Атлантиде. Казалось, что и сами люди, неосознанно ощущая приближение конца, вдруг более стали проявлять свою изменчивую природу, сокрытую доселе где-то в глубине их естества. И невольно

закрадывалась мысль, а если уничтожить эти пагубные проявления, истребить их безжалостно, может быть, тогда изменится ход событий, и мудрые Боги вновь обратят свою милость к Атлантиде, продлят еще ее жизнь.

Но кому по силам сие содеять? Разве он, Микар, Верховный жрец Атлантиды, может изменить природу людей? Даже он, за несколько сотен лет своей жизни в брэнном теле не утративший своих великих способностей, дарованных самими Сынами Небес, даже он не мог влиять на размеренный ход земных событий. Единственное, что ему оставалось, так только лишь их лицезреть, да еще страдать от беспомощности своей вековой мудрости, поделиться которой он не мог. И не потому, что было жаль накопленных знаний, а потому лишь, что вряд ли их могли бы впитать в себя погрязшие в земной суетности люди. А раз так, значит, и сотрясать воздух ни к чему, видимо, только ему и остается, что молча, сжав сердце в твердый камень, страдать.

В последнее время углубление Микара в себя, в тонкие структуры собственного подсознания было особенно длительным. Там он искал ответы на мучившие его вопросы, полностью уходя в себя, не отпуская свой дух, как во время обычных медитаций, напротив, он загонял его все глубже и глубже в подсознание, все еще скрывающее, даже от него, вселенские тайны, Микар изо всех сил старался понять, что же мучает его. Что ЭТО, не дающее покоя, лишшающее сна?

Окунаясь в видения, представляемые ему глазом Богов, он ужасался страшным картинам. В его мысленном взоре страна была окутана почти непроницаемой пеленой пепла и едкого дыма, даже свет солнца не мог пробиться чрез этот губительный занавес, точно погребальным покрывалом закрывшим всю землю. Было трудно дышать, люди искали убежищ, чтобы укрыться от губительного пепла, насытившего воздух, разъедающего само дыхание. Мгла же

становилась все гуще и страшнее: нигде не вспыхивало ни огонька, ни блика солнечного света. Чудилось, что все живое скрылось с лица земли. Но что за шум вдруг слышался ему? Это был дождь, но не успокаивающий и навевающий дрему, как обычно, когда наступал сезон дождей, а страшный своею невиданной доселе силой и неотступностью. Мутные, грязные потоки обрушились на землю Атлантиды, грязь текла и текла по сочным листьям цветущих еще деревьев, все еще благоухающим бутонам прекрасных цветов, грязь беспрестанно лилась и лилась на мраморные стены, широкие арочные террасы безмолвных дворцов, еще вчера слепивших даже небеса своею белизной и блеском. Микар видел, как воды становилось все больше, земля уже была не в силах ее впитать в себя, и вода свободно и стремительно текла по улицам и площадям, подступала к строениям и к самим дворцам, руками искусных мастеров возвышенных к небесам. Обезумевшие от предчувствия скорой гибели люди стали выбираться из своих укрытий, они поняли, что спасения нет, вода должна была всех поглотить, вместе с их домами, садами, землями, коих им так не хватало под солнечным и ясным небом. Страшный оскал ужаса исказил их лица, уже наполнил мраком их глаза. Они беспорядочно метались в мутных, стремительных потоках холодной воды не в силах найти убежище и спасение.

Здесь Микар отстранялся от видимого им, он не хотел лицезреть в деталях картины смерти, бывшей повсюду, подступавшей со всех сторон. Он освобожденным духом рвался в небеса, чтобы не видеть самого трагического и страшного, момента гибели, ставшего единым для великого множества людей, еще вчера ходивших по благодатной, цветущей земле, радовавшихся своим немудреным успехам и делам. Свой внутренний взгляд Микар вновь обращал к земле уже тогда, когда наступала развязка.

Все было кончено для его Атлантиды. Там, где еще недавно были дворцы и дома, сады и зеленеющие всходами поля, прекрасные площади и буйствующие прохладной водой фонтаны, там, где слышался смех влюбленных, степенный, неторопливый разговор пожилых, веселые звуки пьянящей музыки на площадях во время празднеств, теперь царило лишь безмолвие бескрайней глади воды, поглотившей все, что создавалось многими веками, все, что дышало, смеялось и пело. Повсюду, куда проникал взгляд, было одно лишь море, спокойное и безмятежное, под ослепительным и сияющим благодатным светом Солнца. Наблюдая за неторопливым бегом волн, даже и представить было нельзя, что всего лишь короткий миг назад здесь, на этом самом месте, разыгралась страшная трагедия, коей будет суждено долгим, пронзительным эхом звучать в веках, тысячелетия ей будет суждено потрясать умы множества поколений, все еще беспрестанно сменяющих друг друга на этой брэнной земле.

И только лишь одна единственная метка, как вечная память, осталась на века от великой и процветающей Атлантиды - над морской гладью волн все еще возвышался трезубец горы центрального пояса Аталлы, который был главным ориентиром для плывущих из дальних стран к родным берегам, только лишь он оставил призрачную память о великой земле. И настолько призрачной была эта так и не канувшая в лету память, что будущие поколения людей вряд ли смогут поверить в ее истинность.

Микар с болью следил внутренним взором ока Богов, которому не было преград ни в канувшем лету времени, ни в том времени, что еще должно наступить, и понимал, что, несмотря на ужас увиденного им, не эти картины всеобщей гибели беспокоят его. Но тогда от чего так зябко и тревожно его душе, будто бы вселенский холод пронзил ее насквозь, насытил ледяным дыханием межзвездных ветров?

Вновь и вновь вглядываясь в разворачивающуюся перед его взором безмолвную картину морской бездны, безжалостно поглотившую целый мир великой цивилизации, Верховный жрец, дарованными ему Сынами Богов мудростью, вдруг понял, что же так терзало его душу. Он понял, наконец, что это страх, страх полного забвения перед временем и грядущими веками его великой Атлантиды, ее высоких знаний, прекрасных искусств, ремесел. Когда-то родятся другие люди, ныне существующие же земли сменятся новыми, - те, что уже были когда-то на поверхности вод, а теперь покоятся на дне пучины, тая в себе тайны прошлого. Но для возродившихся поколений это будут новые, неизведанные земли, и как никто не ведает о том, что эти вновь возродившиеся из чрева матери Земли материки скрывают богатую память веков, так никто из людей других поколений не будет знать о его любимой Атлантиде, о ее высокой цивилизации, прекрасных искусствах, великих знаниях. Забвения, всею душой Верховный жрец Атлантиды страшился забвения своей великой страны.

Он вдруг всеми фибрами души ощутил непреодолимую жажду стремительных и неотложных действий. Микар осознал, что именно он должен был, немедля более, отдать необходимые распоряжения для спасения великих знаний - древних книг, рукописей, предметов искусства и старины. Спасти же все эти сокровища могут только избранные, те, кто понесет знания Атлантиды, дарованные ей Сынами Богов, другим народам, темным и непосвященным, ради их же блага. А для этого уже сейчас, без раздумий и промедления, следовало начать поиск достойных, не опутанных цепями материи, чародейства и колдовства, чистых сердцем и собственными помыслами.

Но как отыскать таких среди народа и выбрать достойных? Не

каждый мог быть привлечен к великой миссии. И потому Микар, не откладывая, решил созвать к себе всех жрецов, а также и писцов храма Верховного жреца, людей умудренных опытом и тайными знаниями. Именно они по замыслу Верховного жреца должны будут отправиться в школы и гимнасии, к умелым мастерам и ваятелям, чтобы, открывая истинный смысл исканий лишь надежным людям, выбрать самых просвещенных и прилежных. Их, снабженных всем необходимым при воплощении сей великой миссии, и следовало снарядить для дальних морских путешествий во все стороны света.

Микар принял решение, и наконец-то его душа перестала трепетать в беспокойстве и тревоге, обрела успокоение. Он знал, что это единственно верный путь. Пусть эти люди спасутся сами и донесут до народов великие знания, а также память об Атлантиде. И да помогут им Боги! А тем, кто останется на этой, пока еще живой земле, придется со смирением и покорностью принять все, что уготовано им Небесами.

- О мудрые Боги, да свершится святая воля ваша, - произнес Микар и опустился на колени пред величественной статуей Бога Солнца, возвышавшейся почти до самого купола храма Верховного жреца.

Глава 17

События последних дней, такие яркие и радостные для ее души, в памяти Лессеры вдруг словно покрыл туман, густой и непроницаемый. Как местность, укутанная плотным туманом, не выдает своих очертаний, и отзывается лишь гулкими звуками, так и память Лессеры, хранившая недавние волнующие события, не давала ей ярких и четких картин произошедшего с ней, лишь одни мимолетные образы. Память, действуя сама по себе, будто бы старалась предать быстрому и полному забвению эти воспоминания. Поначалу Лессера пыталась найти объяснение своему неожиданному забвению, но события, которые она перебирала в памяти, казались ей такими далекими, почти нереальными, а главное, они больше не волновали ее сердце и кровь, и она как-то незаметно даже для самой себя отступила от них.

Зато на первый план, опять-таки будто бы против ее воли настойчиво, почти навязчиво выступали другие, те, которые поначалу были восприняты ею, как мелкие, не стоящие даже и мимолетного ее взгляда. Она вновь и вновь вспоминала свою встречу с архонтом Гроджем, но не ту, у фонтана, когда с нею был Тод, а утреннюю, когда отец, Гродж и сама Лессера увиделись за трапезой. Она, в это утро немного рассеянная и задумчивая, неохотно спустилась в зал для трапез, где по обыкновению они встречались с отцом за огромным овальным столом. Обычно они сидели лицом друг к другу с разных сторон белоснежного овала, а предупредительные, молча-

ливые слуги подавали им перемены блюд, сервированных искусно и красиво. Стол, как и всегда, был изысканным, разнообразен фруктами и сладостями.

Но в тот день трапеза была необычной, ведь Лессира к своему изумлению увидела за столом архонта Гроджа, сидевшего на ее месте, напротив отца. Она недовольно отметила про себя, что ее будто бы и не ждали: Хронос и его гость, оживленно беседуя, уже приступили к трапезе. При ее появлении архонт встал и почтительно поклонился, отец же с улыбкой кивнул ей и продолжил прерванный ее приходом разговор с Гроджем.

Архонт Гродж охотно беседовал с Хроносом, но не забывал бросать мимолетные взгляды на Лессиру, устремившую взор в пространство и рассеянно перебиравшую тонкими пальцами сочный спелый виноград. Казалось, она и не замечает, что ягоды плачут в ее руках красными слезами ароматного сока, а она, не останавливаясь, все теребила их. Необычное состояние дочери было замечено и Хроносом, он посмотрел на нее обеспокоено и тревожно, справился об ее самочувствии. Лессира, словно очнувшись ото сна, ответила, что просто немного не выспалась, ведь прошедшая ночь была особенно душевной.

- Слава Небесам ты здорова, дочь моя, - с облегчением промолвил Хронос, и даже попытался пошутить: - надо сказать, что я уж было подумал, что ты влюблена, и с тобою случился любовный недуг.

При этих словах Лессира вздрогнула, а лицо ее вдруг покрылось красными пятнами, она решила, что Гродж все рассказал ее отцу, и тот прямо сейчас, при постороннем человеке, будет вести расспросы и чинить ей выговоры. Но архонт, не поднимая глаз от блюда, стоящего перед ним, спокойно доедал рис и спаржу. Так что Лессира, судя по отсутствующему виду Гроджа, могла осознать, что

тот здесь ни при чем. Уже в следующий момент она поняла, что отец просто пошутил, а она, неизвестно чего испугавшись, своим ярким, предательским румянцем, возможно, выдала себя. Но, к счастью, Гродж вовремя пришел ей на помощь, он, видимо, вполне осознавая, какая щекотливая ситуация создалась меж дочерью и отцом, столь неосторожно высказавшим свое предположение, незаметно толкнул кубок с вином, и благоухающая ароматами жидкость вдруг выплеснулась на белоснежную тогу архонта. Слуги сразу же бросились ему на помощь, расторопно принесли воду и ткань, стали тереть пятно, от чего, впрочем, оно становилось еще больше. Размеренный ход трапезы был нарушен, так что Хроносу уже было не до Лессиры. А она под прикрытием возникшей суеты незаметно выскользнула из зала.

Оставшись одна, она несколько мгновений в растерянности стояла у дверей, словно, соображая, куда же ей пойти. Лессира ощущала в душе непонятное смятение. Она почти уверена была, что Гродж нарочно вылил на себя вино. Но зачем? Она рассуждала, что если бы он не сделал этого, тогда отец обязательно заметил бы ее смущение и стал бы ее расспрашивать, и пусть она не сказала бы ему всей правды за столом при постороннем человеке, он, конечно, упорствовать бы не стал, но позже наедине Хронос обязательно вернулся бы к возникшему разговору. Значит, Гродж не хотел, чтобы царь узнал об увлечении своей дочери. Если в том нет личной выгоды для него, значит, Гродж - порядочный и великодушный человек. Но какая же для него может быть выгода? Он никогда до сей поры ни словом, ни взглядом не выражал своего особого расположения к ней. Напротив, она всегда считала его грубым, неприятным человеком, от встреч с которым ее отец темнел лицом. Сегодня же, неожиданно встретившись с ним за утренней трапезой, она будто бы увидела его

новым взглядом. И надо отдать архонту должное: мало того, что ему не чуждо чувство такта и уважения к женщине, так он еще, как оказалось, и очень привлекательный мужчина. Мужественное лицо Гроджа, его темные, почти черные глаза, смотревшие на Лессиру пытливо и внимательно, неотступно стояли пред ее внутренним взором. Она вновь и вновь мысленно возвращалась к утренней встрече и почему-то это ей доставляло удовольствие.

Незаметно для себя Лессира оказалась в саду, в тенистой аллее эвкалиптов. Она жадно вдыхала еще не разгоряченный солнечным жаром воздух и чувствовала, как где-то в глубине ее души рождаются новые для нее ощущения и мысли. Она не знала, почему так взволновал ее пристальный взгляд до сей поры неприятного для нее человека. Что изменилось в ней? Куда ушли прежние, еще вчера живые ощущения своей души, которые она считала истинными и надежными? Почему сегодня ей так трудно даже просто вспомнить события дня вчерашнего? И этих непониманий, вдруг родившихся в глубинах ее внутреннего мира, было очень много. Они, как морская волна, стремительная и беспощадная, накатывали на нее, они будто бы поглощали все ее прежние состояния. Но все-таки почему она не может вспомнить о том, что волновало ее еще вчера? И самое странное заключалось в том, что образ Тода стал каким-то призрачным, почти нереальным, будто бы они расстались не вчера, а несколько лет назад. Казалось, что с каждым мгновением, с каждым ее шагом по влажной тенистой аллее его образ, да и сами воспоминания о Тоде растворяются и уходят.

Но раздумывать об этом ей не хотелось, она, вовлекаемая новым сильным потоком, уносилась на призрачных крыльях все дальше и дальше от ушедшего безвозвратно минувшего дня. Ей бы остановиться, зацепиться хрупкой, ускользающей мыслью за ставшие

дорогими для ее сердца воспоминания, постараться найти объяснение новому происходящему, так властно уводящему ее куда-то прочь, но не хотелось думать, мысли, словно окутанные плотным туманом, ускользали. Но разве не ее это были мысли? Ведь рождались они в ее голове, значит, она не могла им не верить. Ей приятно было отдаться силе этих новых переживаний, плыть соизмеримо их бегу, а воображение услужливо рисовало какие-то картины и сцены, которые могли или должны произойти.

- Я ждал тебя, прекрасная Лессира.

Полностью погруженная в свои мысли, опустив голову долу, Лессира тихонько брела по аллее, она и не заметила, как вдали вдруг появился Гродж. Его зазвучавший в тишине голос встревожил девушку, заставил вздрогнуть.

- Не ожидала здесь встретить тебя, архонт Гродж, - ответила Лессира, с трудом преодолевая собственное волнение, быть может, возникшее от внезапного испуга.

Немного успокоившись, она сказала:

- Должна поблагодарить тебя за то, что ты не выдал моей тайны.

- Тайны? Ты, видимо, говоришь о том юноше, с которым я видел тебя в прошедший день.

- Да. Отец не любит, когда я покидаю дворец без охраны.

- Но с тем юношей тебе нечего бояться, - сказал Гродж, пристально глядя на Лессиру. - Он производит впечатление человека честного и добропорядочного. Хотя он еще очень молод. Но молодость не порок. Ведь так?

Лессира чувствовала себя полностью окутанной его взглядом, который обволакивал ее всю, заставлял отрешиться от всяких мыслей и чувств. Порой, ей казалось, что она слышит не свой, а чей-то посторонний женский голос. Этот посторонний человек вдруг

зачем-то стал рассказывать Гроджу о том, что связывало ее с Тодом, как они познакомились, где встречались, о чем говорили.

- Впрочем, что это я, - неожиданно спохватилась она, будто пробудившись ото сна, - зачем я тебе это рассказываю? Все это пустое. Глупый мальчик возомнил себя равным дочери правителя. Это смешно! Правда?

- Я рад, что у нашего правителя такая разумная дочь. Но так ли уж ты равнодушна к юноше?

И вновь Лессира ощутила, как уплывает куда-то на крыльях неведомой силы. Разум вновь окутывает плотный туман. Во всем теле ею ощущается приятное расслабление и истома. Хочется тихонько брести по прохладной аллее, говорить и говорить, внимать этому пристальному всепроникающему взгляду.

Лессира не заметила, сколько прошло времени с той поры, как она встретилась с Гроджем в тенистой аллее. Они долго беседовали, вернее, говорила больше Лессира, Гродж только иногда негромко задавал какой-нибудь вопрос и погружался в молчание, такое томительное и волнующее.

Воздух уже не был столь прохладным, как когда они встретились. Лессира вдруг ощутила необыкновенную усталость, ноги подкашивались, хотелось сесть прямо здесь посреди этих величественных деревьев, слушать пение птиц, молчать и ни о чем не думать.

- Я вижу, ты утомилась, прекрасная Лессира, - сказал Гродж, - тебе пора отдохнуть, вновь наступает жара. Пойдем, я провожу тебя. Но прежде позволь мне спросить тебя? - Архонт вопросительно посмотрел на Лессиру, она молча кивнула. - Смогу ли я вновь увидеть тебя? Ты так прекрасна, что мне страшно быть рядом с тобой и сметь говорить. Но я всегда мечтал об этом. Позволь недостойному рабу твоему, прекрасная дочь правителя Хроноса, надеяться хотя бы

еще один раз увидеть тебя. И да простят Боги мне эту дерзость.

Лессира молча внимала словам Гроджа. Если бы она могла обрести доступ к собственному сознанию, то ее поразила бы перемена, произошедшая в ее спутнике, до сей поры сдержанном, немногословном, уверенном в собственных силах, а ныне страстном и робком, подобно юноше, несмело пытающемся покорить сердце девушки. Но Лессира могла лишь видеть внешнее, ее обжигал и волновал его огненный взгляд, и она, поддавшись зыбким волнам новых ощущений, молча внимала его словам и безвольно плыла куда-то вместе с ними.

Потом, уже оказавшись в своих покоях, куда ее заботливо проводил архонт Гродж, она никак не могла вспомнить, что же ответила ему, какие слова вымолвили ее губы, все тот же плотный туман застилал ее память и все ее сознание. Уже касаясь разгоряченным лицом узорчатого покрывала своего ложа, готовая погрузиться в зыбкий сон, она только и помнила, что его неотступный, пристальный, горячий взгляд, проникающий, казалось, в самое сердце, волнующий и опьяняющий ее разум. Она не спрашивала себя, почему ее вдруг так взволновал этот человек, ранее для нее совсем непритягательный, ей не думалось и не размышлялось, ей хотелось лишь одного - окунуться в призрачную завесу сна и, может быть, там увидеть продолжение удивительных событий, случившихся с нею сегодня.

Глава 18

Дни, до сей поры летевшие стремительно и радостно, вдруг, словно, застыли в тяжелой печали. С того дня, как Лессира неосторожно назначила ему свидание на главной площади Аталлы, Тод так больше и не встретился с нею. Желание увидеть ее преследовало его неотступно, и он, беспощадно толкаемый им, все бродил и бродил вблизи дворца. Но не просто было увидаться с дочерью самого Хроноса. Лессира не появлялась, не присылала ему весточек, она будто забыла о нем, стерла из памяти его имя и образ. Мысль об этом доставляла Тоду невыносимое страдание, от которого тоскливо и болезненно сжималось сердце, и рыдания, так несвойственные мужской природе, неожиданно комком подступали к горлу.

Но более всего его терзала неизвестность случившегося. Тоду было неведомо, какие же последствия имела для Лессире встреча с архонтом Гроджем. Может быть, он обо всем увиденном поведал Хроносу, и тот теперь держит под строгим запретом отлучки Лессире из дворца. Но неужели она не смогла бы найти возможность подать ему весть об этом? Хотя, должно быть, и Назире не разрешается покидать свою госпожу. Тод терялся в догадках, склоняясь от одной мысли к другой, то впадая в безнадежное отчаянье, то окрыляясь надеждой.

Впрочем, в самой глубине его души таилось смутное объяснение всем его тревогам. Он крепился изо всех сил и не пускал это

объяснение в сознание, которое все настойчивее прорывалось к его разуму. Он все не давал укорениться истинной мысли о том, что Лессира - не та девушка, о которой смеет мечтать сын земледельца. Ему невыносимо было это осознать окончательно и навсегда. Нестерпимо больно ему было расстаться на веки со своей прекрасной мечтой, ибо той никогда не суждено сбыться. И потому он стремился отложить торжество горькой истины, и тшил себя напрасными надеждами.

Ему все еще казалось, что если бы они хотя бы один раз могли встретиться, то обязательно нашли бы какой-то путь. Он корил себя за свое нелепое безрассудное поведение, в то время, как угроза нависла над их чувствами и отношениями, он увлек ее в увеселительную прогулку. Но, впрочем, стоило ли так себя истязать. Что он может? Разве от него зависит, быть им вместе или нет.

Чем дальше в прошлое уходил день его последней встречи с Лессирой, тем все призрачнее становились надежды. Каждый наступивший день, каждый новый миг болью отзывался в сердце, ведь любимая не звала его больше к себе, она не хотела так же, как он, страстно и нетерпеливо, видеть его. Боль утраты была в сто крат сильнее еще и оттого, что ничей, пусть даже самый прекрасный облик, не мог вытеснить из его сердца единственный, дорогой образ любимой. Он знал, сколько бы ни минуло лет, ему не удастся забыть Лессиру, ему не вырвать из своего сердца горькую память о ней. Никто не заменит ее, ибо никто на всем белом свете не может сравниться с земной богиней, с дочерью правителя Атлантиды.

Мысль о смерти все чаще стала его посещать. И действительно, зачем ему жить, если не было больше смысла в его существовании. Не будь этой трагической для него встречи с Лессирой, жизнь его могла бы, пожалуй, стать удачной и процветающей. Учитель Тода был очень благожелателен к нему, после занятий он охотно беседо-

вал с ним и еще двумя-тремя своими учениками, которых выделял среди прочих. Было ясно, что учитель намерен именно их посвятить в великие знания. Свет же этих знаний, однажды пролившись и озарив их сознание, без сомнения, сопровождал бы им всю жизнь. Не было еще случая, чтобы к посвященным ученикам, затем ставшими мастерами, не благоволило бы общество, высшая власть, да и сама удача. С самого момента посвящения их путь освещал свет Сынов Мудрости, свет Богов, пред которым не существует на земле преград и заслонов. Не единожды, предчувствуя собственное посвящение, казавшееся ему невероятным чудом, Тод предвкушал большие удачи в своей будущей жизни, предчувствовал он и духовные плоды этого счастливого избрания. И всякий раз при мысли об этом сердце его билось взволнованно и радостно.

Но все изменилось с того самого момента, как в его жизнь вошла Лессира. Нет, не вошла, это он, безумный, сам впустил ее, впустил ту, которой выпала судьба прекрасной богиней парить над землей. А он, покоренный ее красотой и очарованием, опьяненный ее присутствием, решил, что она (она!) всегда может быть рядом с ним. Безумец! Глупец! Не следовало ему быть таким опрометчивым и глупым. Разве же он не знал, что дочь самого правителя - не паранормекому из его подданных. Но он решил, что Лессира, также как и он, увлечена этим чувством, и потому она будет бороться за свою любовь. Теперь-то он, конечно, понимал, какими наивными были все его мечты.

Тод чувствовал, как с каждым днем несчастной любовью все больше разрушается его внутренний мир, его душа и сердце. В своих мыслях он лихорадочно искал опору и смысл собственной угасающей жизни, и не находил, не видел он для себя земных дорог и путей. Но самое, пожалуй, трагическое было в том, что больше он не нахо-

дил в себе сил для борьбы с судьбой за себя самого и свое земное существование. Он все отчетливее понимал, что самым лучшим для него будет уйти, оставив здесь, под этим равнодушным небом, свои напрасные надежды и мечты, горечь разочарований и свою великую, ничем невозполнимую утрату. Всякий раз, как посещала его мысль о смерти, он чувствовал необъяснимое облегчение и даже радость, должно быть, оттого, что с потерей земной жизни, он утратит способность страдать и тосковать.

Продолжая размышлять о конце жизни, тем самым, он старался укрепить себя в уже выбранном им непростом решении. Впрочем, что-то неясное и неосознанное все-таки томило его, оно будто бы стремилось воспрепятствовать осуществлению его фатальных планов. Наверное, самой большой преградой было то, что ему неизвестны были случаи самовольного ухода из жизни. Насколько было ведомо его памяти, никто из жителей его процветающей страны сам не покидал свой земной мир. Но в древних манускриптах он читал о таком деянии людей, доведенных до полного отчаяния какими-то обстоятельствами жизни. Помнится, тогда он несказанно был удивлен подобному неведомому явлению, тогда он так и не понял, как же человек может дойти до такого. А теперь сам, погруженный во тьму тоски и печали, он до глубины души сопереживал тем мифическим людям, о которых рассказывалось в манускриптах. И все-таки, как же он может встать на этот путь? Разве не наступит для него наказания за свой самовольный конец? Но неужели может быть еще что-то более худшее, чем то, что он чувствует в сей трагический миг? Нет, он должен решиться и покончить со всеми страданиями. Вот только как? Что он должен сделать с собой? В древних текстах повествовалось только об одном способе, к которому прибегали все, о медленном и полном погружении в воду. После чего наступал для

этих людей предел их земного существования. Вот и он поступит также: уйдет в море и, умиротворенный, навсегда останется в его бездонных глубинах. Так он и решил. Ему осталось лишь выбрать день своей смерти. И этот день настал.

В тот день еще ранним утром, словно, почувствовав неладное, Нефрит зашла в опочивальню Тода. Она увидела его лежащим прямо в одежде, он так и не уснул в эту ночь. Его неподвижный взгляд был устремлен в сводчатый потолок. Нефрит подошла к сыну и печально спросила:

- Тод, разве так следует вести себя мужчине, сильному и решительному, разве может мужчина страдать, подобно слабой женщине?

Тод устремил на мать взгляд, полный тоски и печали.

- Так поступать мужчине не должно, - тихо отозвался он, - но, к великой горечи своей, я не могу усмирить свое сердце.

- Сердце твое усмирят время. Оно унесет с собой твои печали, и когда-нибудь ты лишь с грустной улыбкой будешь вспоминать об этих тревожных и безрадостных днях. Все проходит, и это пройдет.

Осознавая, что наступил последний его день, Тод смотрел на мать и сердце его обливало слезами. Он не хотел причинить боль Нефрит, не хотел, чтобы ее прекрасные глаза наполнили горькие слезы, но остаться он не мог. Он снова и снова возвращался мысленно в тот день, когда, беспечный и радостный, стоял у фонтана и разговаривал с красивой девушкой, не понимая, что в этот самый миг, такой, казалось бы, обыденно земной, он положил на алтарь Бога любви свою жизнь. Если бы знать, если бы видеть последствия сии утраченным навеки глазом Богов, бежать следовало бы ему от того страшного места, прочь от фатального часа, чтобы спасти свое право на счастливое земное существование.

- Я принесла тебе нектар, встань и выпей его, - печально сказала

сыну Нефрит.

Тод медленно поднялся с постели. Он не хотел тревожить Нефрит, и потому решил по возможности казаться спокойным и благоразумным. Он выпил ароматный напиток и улыбнулся матери, стараясь быть, как обычно, внимательным и послушным сыном. Но сердце матери не обмануть, Нефрит видела, что все попытки Тода развеять ее тревоги, не более, чем игра: если и избавится он от своей сердечной болезни, такой сильной и разрушительной, то не теперь, а через года.

- Где отец? Он еще дома? - спросил Тод Нефрит, стараясь говорить непринужденно.

- Отец, братья твои и работники с раннего утра занимаются посевами. Ты же знаешь, в это время года работу надо успеть закончить, пока еще не стало палить солнце. А ты пойдешь сегодня в мастерскую? Ты не был там уже несколько дней. Сходи, с работой печальные думы отойдут и покинут тебя.

Тод не собирался в ЭТОТ день идти в мастерскую, но, поразмыслив, он решил сходить, наверное, ему все-таки надо проститься с учителем и со всеми, кто был с ним рядом.

Он шел по залитой солнцем улице устало и тяжело, силы покинули не только его душу, но и молодое, наполненное жизнью тело. Каждый шаг давался ему с большим трудом, с великим преодолением навязчивого желания остановиться, и, испытывая усталое блаженство, опуститься прямо на согретый солнцем гранит дороги, замереть, углубиться в немое созерцание своего внутреннего мира, отдаться воспоминаниям уходящей жизни. Но он не хотел привлечь к себе ничье постороннее внимание, и потому через силу продолжал шагать по дороге.

Впрочем, в этот час, когда солнце щедро дарило земле свой жар,

улица была пустынна, лишь редкие прохожие спешили куда-то по безотлагательным делам. Горожане предпочитали провести полуденное время в уединении тенистых садов, где под шелест прохладных фонтанов они пили ароматные напитки и нектары. Так что Тод на пути к мастерской встретил лишь нескольких человек, почти не обративших на него внимания. Когда до мастерской осталось лишь несколько шагов, ноги перестали ему повиноваться и силы окончательно покинули его, он устало опустился на горячую от солнца скамью, одну из многих окруживших площадь. Здесь любили бывать шумные ученики в перерывах между занятиями, и он сам не раз с другими приходил сюда. Здесь повсюду слышался веселый смех и оживленный гомон молодых людей. Все скамьи, да и сама площадь перед большим, величественным зданием мастерской искусств были заполнены веселым, беззаботным людом, болтающим о пустяках и беззлобно подтрунивающим над сотоварищами. Тод вспоминал прошедшие дни, грустил, что возврата им уже не будет. Ему было странно видеть безлюдье этого места, мерещилось, что и здесь, как в его страдающем сердце, наступило вечное безмолвие и пустота.

Но вот отворилась дверь и на площадь вышли несколько молодых людей, в них Тод признал своих соучеников. Было видно, что те тоже узнали его, они с радостными возгласами со всех ног кинулись к нему. На краткий миг Тоду вдруг стало смешно, ему почудилось, что все произошедшее с ним страшный сон, вот сейчас его товарищи подойдут к нему и станет ясно, что не прошло и дня, как он покинул их, что все его беды просто привиделись ему. Но юноши, выглядевшие обеспокоенными, засыпали его потоком вопросов, и Тод, вздохнув печально и тоскливо, вновь осознал, что все случившееся с ним произошло наяву, и значит, отстраниться и забыть, словно, дурной сон, не удастся.

Молодые люди говорили без умолку, перебивая друг друга, начиная сначала, повторяя уже сказанное. Наконец один из них, по своему обыкновению немногословный, Рикар, молчавший доселе, вдруг выступил вперед и решительным жестом руки заставил товарищей замолчать.

- За пустой болтовней вы так и не сказали Тоду главного, - сказал он, - вы забыли сказать, что учитель уже не один день ищет его.

Молодые люди вновь загалдели все разом, выражая, тем самым, раскаяние за свою забывчивость.

- Что хочет от меня учитель? - спокойно спросил Тод. - Зачем он ищет меня?

- Этого он не сказал никому, - пояснил Рикар, - но он выглядит обеспокоенным, значит, имеет к тебе какое-то важное дело. Тод, зайди, обязательно зайди к нему!

Нескоро Тод насмелился подняться со скамьи, чтобы войти в мастерскую и предстать пред мудрыми очами своего учителя. Он еще долго внимал речам товарищей, из всех сил стремившихся разговаривать его, но не было им отклика в его душе. Только тоску и великое разочарование ощущал Тод в своем сердце. Лишь одно удерживало его в их беззаботном кругу – ясное осознание прощания и с ними, и с собственной жизнью. Но непросто оказалось проститься навеки, трудно ему было встать и уйти, понимая, что уже никогда не вернуться ему сюда вновь, не увидеть их радостных лиц и сияющих глаз. Они останутся здесь, а его самого уже сегодня не будет на этой цветущей и вечной земле.

Глава 19

Архонт Гродж праздновал победу. Все намеченное им свершилось легко и просто, неприступная доселе крепость, поверженная его неожиданным, решительным наступлением, сдалась без борьбы на милость победителя.

Последнее время Гродж почти не покидал Аталлы. Лишь иногда он отлучался в свои пенаты, чтобы посмотреть, все ли там подчинено заведенному им порядку. Но, не успев прибыть в свои владения, он сразу же возвращался в столицу, справедливо полагая, что успех его рискованного дела возможен лишь при неотступном его присутствии подле правителя Хроноса и его дочери. И действительно, для Хроноса архонт стал самым близким человеком, с которым он встречался теперь каждый день, с ним он делил все свои трапезы и вечера. Впрочем, посвящать свое время лишь беседам с правителем Гродж не мог, он должен был видаться и с Лессирой, ведь она, оставленная надолго без его общества, могла отвыкнуть от него и вновь вспомнить о молодом наглеце, дерзнувшем посягать на чувства дочери самого Хроноса.

С течением времени уже ни у кого не возникало удивления по поводу обоснования архонта во дворце. Мало помалу, но всем стало ясно, что Гродж намерен породниться с правителем. Это событие, еще некоторое время тому назад дерзкое и удивительное, теперь уже многими воспринималось, как само собою разумеющееся. Действи-

тельно, дочери Хроноса уже пора подумать о замужестве, и почему бы ей не стать супругою одного из архонтов. Не за мастерового же ей выходить, в самом деле.

Конечно, многие приближенные к правителю какое-то время пребывали в большом недоумении, отчего вдруг избранником стал Гродж, до последнего времени самый нежеланный для власти архонт. Откуда у Хроноса взялись сердечные и трепетные чувства к человеку, в распри с которым было сломано немало копий. Можно было предположить истинные и высокие чувства Гроджа к дочери правителя, сыгравшие главенствующую роль в выборе жениха для Лессире, но в это и вовсе не верилось, ведь Гродж слыл хладнокровным и суровым человеком. Лишь самые наивные и легковверные могли поверить в истинность пылкой страсти, вдруг вспыхнувшей в безжалостном сердце архонта.

И только Хронос, однажды вдруг уверовавший в добросердечие сурового и воинственного архонта, не задавал себе вопросов, не мучился сомнениями. После судьбоносного разговора с Гроджем, когда тот, преклонив колени и смиренно опустив долу очи, поведал царю о высоких чувствах к прекрасной Лессире, сжигающих всю его душу, и попросил благословения, Хронос пребывал в слегка опьяненном состоянии.

Под влиянием новых ощущений, связанных, должно быть, с переменами в судьбе любимой дочери, столь желанными для сердца отца, ему казалось, что все страшные тревоги последних дней и месяцев были тщетными. И в самом деле, жизнь продолжается, разве же могут наступить фатальные перемены? Нет, это просто безумие! Как он мог поверить Микару, да тот просто выжил из ума! Нет, нет и еще раз нет - жизнь в его Атлантиде будет вечной. Его дочь после того, как Хронос отойдет от власти, станет правительницей страны,

и в этом ей поможет ее супруг, столь решительный и мужественный. Да, и вправду, лучшей партии для его дочери и не найти.

Но иногда перед его взором возникало печальное лицо Синапериба, многие годы бывшего добрым советчиком, приятным собеседником и дорогим другом. Сквозь завесу странного восторженного состояния в его сознание временами прорывался образ Синапериба, звучали отголоски последней встречи, когда архонт попытался убедить Хроноса в совершаемой ошибке.

- О достопочтенный Хронос, мне горько видеть твое заблуждение касательно Гроджа. Вспомни, не ты ли считал его недостойным архонтства и опасным для государства человеком. Так почему же теперь ты изменил свое мнение о нем?

- Пойми, Синапериб, я заблуждался. Как и всякий смертный, я тоже могу заблуждаться. Увидев его истинное раскаяние в совершенных ошибках, не мог же я отказать ему в прощении. А, поговорив с ним, я нашел в нем достойного, умного собеседника и искреннего человека. И ты, друг мой, так же, как и я, узнав его поближе, изменишь свое мнение о нем. Тем более, что ему предстоит стать моим зятем.

- О Боги, ты еще и дочь свою готов отдать ему на закланье! - в сердцах воскликнул Синапериб. - Прошу, пощади хотя бы Лессиру, любимую и прекрасную дочь свою!

- Больно мне слышать сие от тебя, архонт Синапериб, от тебя, кто был мне другом, почти братом; меня ранит твое упорство и непонимание. Но, надеюсь, со временем ты все поймешь и встанешь на мою сторону, ибо мне страшно и подумать, что разделенные этим спором, мы с тобою сделаемся врагами.

Синапериб, которому не чуждо было красноречие, пожалуй, впервые в жизни не находил слов, лицезрея эту почти детскую, ничем

необъяснимую восторженность Хроноса мнимыми качества недостойного человека, очевидными, по мнению архонта, для любого здравомыслящего человека. Синапериб впервые покидал покои правителя не с чувством привычного умиротворения после мудрой беседы с Хроносом, но с чувством великой тревоги и печали, ибо он понимал, что близкий и хорошо знакомый ему человек покинул его, сменил же его другой, неведомый, по-детски наивный и пугающе упрямый. Синапериб старательно искал объяснений случившемуся, и не мог их найти. Но одно он знал твердо, что новый Хронос - это человек, всею своею сущностью находящийся под влиянием архонта Гроджа, и говорить с ним прежним языком было теперь неблагодарным занятием.

В день свадьбы Лессиры и Гроджа Хронос ранним утром вошел в опочивальню своей дочери. Он не застал ее в покоях, не было Лессиры и на террасе. Он в волнении вышел в сад, но и там царило безмолвие. Неожиданно Хронос увидел Лессиру, подобно призраку, бредущей вдали меж могучими эвкалиптами. Она, приметив отца, медленно приблизилась к нему. Хронос с беспокойством взирал на необычайную бледность ее лица, было видно, что слабость овладела ею, капельки пота мелким бисером застыли на лбу, нежные пальцы, державшие цветок, дрожали.

- Тебе нездоровится, дочь моя? Почему ты так бледна? - с волнением спросил он.

- Мне неизвестно, что со мной. Должно быть, я больна. Ноги почти не держат меня, а сердце бьется в странной тревоге.

- Я, кажется, знаю, что с тобой, прекрасная дочь моя, ты волнуешься накануне важного события, ведь сегодня твоя свадьба.

- Свадьба? - рассеянно спросила Лессира, нахмутив лоб, словно, стремясь припомнить что-то важное. - Ах, да, конечно. Я почти

забыла об этом.

- Лессира, как же ты могла об этом забыть, - нежно попенял дочери Хронос. - Такое случается не каждый день, а лишь раз в жизни.

- Отец, почему-то я многое стала забывать, - Лессира, будто только проснувшись, более осмысленным взглядом посмотрела вокруг, словно, она не могла понять, как оказалась в саду. - Разве так бывает, что живешь, как будто во сне или в тумане? Почему так происходит?

- О дочь моя, мне понятно твое новое состояние, ведь ты влюблена и готовишься выйти замуж. Такие перемены грядут, как же тебе не стать забывчивой. Я не вижу в этом ничего особенного.

- Но я никогда раньше не ощущала себя такой... такой потерянной... ты сказал я влюблена... Я влюблена!.. - с удивлением произнесла Лессира. - Так, значит, ты уже знаешь, что я влюблена? И ты не сердишься на меня?

- Помилуй, за что же?

- Так ведь я не сказала тебе об этом, скрыла от тебя!

Хроноса немного смутила резкая перемена в Лессире, на миг поразило, каким светом вдруг зажглись глаза, до сего момента почти безжизненные.

- Ты не сказала?.. Зачем, я и так все знаю! Ты что забыла, Гродж сам говорил со мною, рассказал мне о своих чувствах к тебе.

- Гродж... да-да... Гродж...

Лессире казалось, что она находится в разных местах одновременно: то она вспоминала Гроджа, его горящие глаза, его пылкие признания, то вдруг ей представлялся Тод и она ясно видела его нежную улыбку и прекрасное лицо. И с каждым новым видением менялись ее настроения. Она не успевала осознать виденное вну-

тренним взором, тем более, что отец ждал от нее каких-то ответов. Что им всем нужно от нее? Зачем они ее терзают? Пусть бы ушли все и оставили, наконец, ее в покое, дали бы ей уснуть, чтобы навсегда избавиться от страшной головной боли, неотступно следовавшей теперь за нею изо дня в день. В сей миг ей страстно хотелось освободиться от чего-то, сковывающего всю ее душу, прорваться сквозь сплошную пелену тумана, и новым взглядом окинуть и настоящее и прошлое. Но что же мешает ей сделать это? Разве она больше не свободна? Кто ее держит в невидимом плену?

И вдруг в ее голове, как яркий луч, вспыхнула мысль, которая полностью подчинила себе Лессиру, она стерла из ее сознания все сомнения и тревоги. Ею овладело лишь одно желание, страстное и непреодолимое, бежать, скорее бежать к нему. Что она здесь делает? Ее ждет жених! Как же ей хочется его поскорее увидеть!

- Отец, мне надо идти. Прости, я спешу! - она торопливо поцеловала его и устремила к террасе, провожаемая встревоженным взглядом Хроноса. Впрочем, тревоги быстро покинули правителя Атлантиды, уже в следующий миг он светло улыбнулся. Он был счастлив безмерно, ведь сегодня свадьба у его единственной, нежно любимой дочери. Ему казалось, что отныне счастье, радость и любовь навсегда поселятся в его прекрасном дворце.

Глава 20

Учитель, увидев входящего Тода, радостно приветствовал его. Тод в былые времена тоже не мог бы не проявить радости и восторга от встречи с дорогим учителем, но теперь, когда он стоял на пороге больших и страшных событий, даже этой встрече не суждено было развеять мрак в его душе. Тод улыбнулся, но глаза остались печальными и суровыми, горечь великого разочарования застыла в них. Учитель, почувствовав неладное, беспокойным взглядом окинул Тода, стремясь прочесть в его душе причины смятения и тревоги, заметные даже постороннему глазу.

- Ты не появлялся в мастерской уже несколько дней. Где ты был, Тод? Что происходит в твоей жизни?

- Я не мог прийти, учитель. И я... я... не буду больше приходить сюда, - едва слышно вымолвил Тод.

- Не будешь? - удивился учитель. - Каковы причины такого странного решения? Тебе ведь ведомо, что особый путь выбирается для избранных учеников, к каковым тебя можно отнести по праву. Объясни.

- Я не могу лгать тебе, учитель, скажу всю правду. Несчастливая любовь посетила мое сердце и теперь я не вижу больше смысла в своем земном существовании. Я не хочу ходить по земле и веками страдать под этим небом.

- Ты собираешься уйти? - сурово и прямо спросил учитель.

- Да.
- Ты все решил?
- Да.
- Ты сказал родителям?
- Нет.
- Ты выбрал путь смерти?
- Да.

Наступила тишина, нарушаемая лишь пением птиц за ослепленным солнечными лучами мозаичным окном. Учитель задумался, он размышлял над словами, которые ему предстояло сейчас произнести.

- Скажу тебе прямо, несмотря на мою привязанность к тебе, уважение к твоим большим способностям, прекрасным качествам твоей светлой души, несмотря даже на твое будущее, способное стать великим, я не стал бы тебя убеждать поступить по иному. Я знаю, если ты решил, то значит, только так тебе и следует поступить, в противном случае, твоя душа подсказала бы тебе другой путь. Но то, что я тебе сей миг скажу, возможно, повлияет на принятое тобой решение. Я считаю, что ты не можешь уйти, не имеешь права, ведь тебе предстоит выполнить важную миссию.

- Мне?!

- Тебе и некоторым другим. Верховный жрец, достопочтенный Микар, направил во все концы Атлантиды своих верных гонцов в поисках самых надежных и самых достойных людей, какие сыщутся в нашем великом государстве. Их миссия заключается в том, чтобы свет великих знаний, подаренный Сынами Небес только лишь одной Атлантиде, принести другим народам, пока еще пребывающим в темноте и неразумении.

- Почему именно теперь? Почему раньше Атлантида никому не

передавала своих знаний?

- Раньше не было в том нужды, а теперь все изменилось.

- Изменилось? Что изменилось?

Учитель тяжело вздохнул.

- Мне нелегко такое сказать тебе. Но я должен быть искренен и честнее с тобою. Случилось так, что время своей жизни Атлантида исчерпала, и ей, как и всему под этим небом, а когда-то и ему самому, суждено погибнуть.

Тод не сразу осознал смысл страшных слов, произнесенных учителем, в первый момент он даже и не понял, о чьей гибели идет речь.

- Кому суждено погибнуть?

- Атлантиде. По крайней мере, таково предсказание самого Верховного жреца.

Тод растерянно смотрел на учителя.

- Я не верю, - решительно сказал Тод. – Нет, не верю я предсказанию Верховного жреца. Это невозможно!

- Микар не может ошибаться, он посвящен в великие тайны мироздания, многое невидимое ему подвластно. Нет, Микар не может ошибаться. Его уста изрекают одну лишь истину, ибо разум его устремлен в непознаваемые для простого смертного дали.

- Что же хочет Микар от избранных? Какими поручениями он намерен их наделить?

- Сохранить от гибели древние манускрипты, в которых сокрыты истины мироздания, высоких наук и прекрасных искусств. Избранные должны передать великие знания Атлантиды другим народам.

- Чтобы передать знания, их нужно постигнуть. Я не способен выполнить эту миссию, ведь я не посвящен в эти знания. Как же я могу их кому-то передать?

- Я знал, что ты об этом будешь вести речь. Прежде чем отправиться в опасные путешествия, каждый из избранных пройдет особенное обучение в храме Верховного жреца, там вы приобщитесь к таинствам, знаниям и искусствам, чтобы потом, пристав к чужим далеким берегам отдать их людям, научить их строить прекрасные храмы, дворцы, пирамиды, ваять скульптуры, плавить металлы.

- Учитель, скажи, а что же станет с Атлантидой... с теми, кто... останется?

Учитель в раздумье опустил глаза. Он не знал, какими словами ему описать предрекаемое Микаром страшное бедствие, да и надо ли ему об этом говорить. Но разве может он ограничиться недомолвками с тем, кому в сей миг жизненно необходимы ясность и понимание? И учитель, собравшись с духом, приступил к непростому повествованию страшных предсказаний Микара, которыми тот, дабы не сеять паники, повелел поведать лишь избранным. Глядя честно и прямо в пытливые глаза Тода, учитель рассказал ему обо всем, что было ведомо ему самому.

Тод внешне спокойно слушал рассказ учителя, как если бы речь шла о каких-то обыденных вещах или предметах, равно интересовавших их обоих и занимавших немало их бесед. Тод, полностью еще не отстранившийся от личных бедствий, не совсем ясно осознавал все слышимое им. Ему казалось, что учитель говорит о преданиях старины, но не о будущем их великого государства. До конца осознать предсказание Микара он не мог.

- Когда это должно произойти? - спросил Тод.

- Сие мне неведомо. Думаю, что и Микар не знает дат. Известно лишь что в недалеком будущем.

- Почему же только избранным позволено спастись?

- Это непростой вопрос. Насколько сие мне ведомо, спасутся

только избранные, чистые душой и помыслами, склонные к знаниям, не погрязшие в суетности люди.

- Значит, парусники тайно отправятся к другим землям, - задумчиво произнес Тод. - Те, кто удостоится высокой миссии, спасутся, остальные же, те кто будут признаны порочными, погибнут. Нет, я не могу согласиться на постыдное бегство, я останусь здесь и разделю с моей Атлантидой ее страшную участь.

- Разделить с Атлантидой сию участь будет кому, а вот для выполнения миссии подойдет не всякий.

- Кто же разделит участь, кроме самого народа, погрязшего, как ты сказал, в суетности и грехах? Наверное, все, кто владеет этой тайной, в том числе и Верховный жрец, отправятся к далеким берегам?

- Вижу, в своем горе ты ожесточился, но это, вероятно, даже и к лучшему, там в далеких странствиях тебе поможет это сердечное ожесточение, сломить тебя судьбе будет непросто. Что же касается Микара, то ты к нему несправедлив, и сам Верховный жрец, и жрецы всех островов, и посвященные в высокие знания учителя, и правитель Хронос, никто не покинет Атлантиды. Все мы останемся с нею до конца.

При упоминании имени правителя Тод изменился в лице.

- Хронос? А... а его дочь?

- Дочь? Но при чем тут его дочь? – слегка удивился учитель.

- Нет, конечно, не при чем. Это глупость, что я сказал.

- Атлантиду покинут только избранные.

- А ты, учитель?

- Останусь и я.

- И даже ты, учитель! Но если даже ты, обладающий огромными познаниями, остаешься, то почему я, недостойный и ничтожной доли твоих великих знаний, почему я должен отправляться с мис-

сией? Какое я имею право?

- Ты имеешь право! Ты молод, силен, и главное, чист душой, кому, как не подобным тебе, поручить это непростое дело. Я верю, такие, как ты не дадут знаниям Атлантиды кануть в вечности, такие, как ты, бережно сохраняют память о великой Атлантиде, поведают о ней ныне живущим земным людям, а те, в свою очередь, расскажут о ней своим потомкам. Пройдет множество сот и даже тысяч лет с той поры, как наша ныне цветущая земля, ее величественные храмы и дворцы погрузятся в воды морские и станут пребывать в вечном сне на самом дне пучины, но память о ней не исчезнет, она будет жить в сердцах людей призрачным отголоском этих великих и трагических событий. Я знаю, и тысячелетиям не стереть памяти об Атлантиде, она, как далекая и прекрасная мечта, беспрестанно будет манить к себе многих будущих людей, в чьем сердце мельчайшей искрою однажды зажглась ее звезда. Люди упорно и безуспешно станут искать погибший и затерянный континент, ныне еще живой, процветающий великими знаниями и прекрасными искусстваами. Вокруг великого и прекрасного имени - Атлантида - будут бушевать споры ученых мужей, сколько бы ни прошло лет, пропавшей Атлантиде они будут посвящать свои сочинения и научные трактаты, они будут искать ее. Но тщетно, никто и никогда не найдет Атлантиды, пока она сама однажды не поднимется из бездны к солнечному и прекрасному небу, пока она сама не явит миру, как немое и неоспоримое доказательство своего существования, свои молчаливые, почти разрушенные водой дворцы и храмы. Каждый из нас должен быть горд тем, что ходил по этой земле, великой земле Атлантиды, и каждый из нас должен отдать все свои силы и, если надо, то даже и жизнь, чтобы сохранить ее достижения, ее память.

Тод, как зачарованный, широко раскрыв глаза и затаив дыхание,

слушал проникновенную речь учителя. По своему обыкновению, учитель не мог усидеть в своем кресле, он, взволнованно жестикулируя, шагал вдоль и поперек просторной, наполненной солнечным светом мастерской. Его силуэт, облаченный в темную тогу, вырисовывался отчетливо и ярко на фоне огромного мозаичного окна, чрез которое на его седые волосы проливалось ослепляющее многоцветье.

Тод внимал учителю, ощущая невыразимое душевное смятение, в его душе метался ураган чувств, самым сильным из которых, пожалуй, было сожаление, сожаление о безвозвратно ушедших днях и событиях, сожаление о безвозвратно уходящих мгновениях, счет которым скоро будет закончен. И вместе с ним, потеряв реальность и осязаемость, в черную бездну призрачной памяти канут дорогие ему лица, да и сама жизнь его, связанная с ними.

А в глубине мастерской, за спиной учителя, все еще вымерявшего шагами окружающее пространство, как будто в немой печали, застыли оставленные учениками холсты с проектами будущих сооружений Аталлы.

Глава 21

Микар поздним вечером вновь вошел в большую библиотеку Верховного храма Атлантиды. Сумрачное помещение с множеством потемневших от времени дубовых шкафов встретило его опустошенностью. Там, где раньше хранились старинные свитки, манускрипты и книги, таящие мудрость великих наук и искусств, теперь остались голые стеллажи со следами вековой пыли.

Ранее никто не смел тревожить сие хранилище с праздным любопытством или с корыстным желанием выведать здесь тайну, способную принести любому смертному процветание, материальное благополучие, равно как и власть над людьми. Читать сии древние книги, в коих была отражена мудрость самих Сынов Небес, живших некогда на этой прекрасной и цветущей земле, дозволено было лишь немногих избранным, тем, кто мог направить знания только во благо людей. Сам Верховный жрец ревностно следил за всеми посещениями библиотеки, только он один, достопочтимый и беспристрастный Микар, мог позволить кому-то из страждущих переступить порог этого святого места.

И что же ныне? Сам Верховный жрец, своими руками опустошил святое хранилище и позволил вынести на свет Божий то, что он веками так ревностно оберегал от любопытных глаз. Неужели он мог совершить такое? Микар, стоя под сенью сумрачного, запыленного веками библиотечного свода, ужасался делам своим. Как мог

он, Верховный жрец, позволить развеять по ветру эти бесценные знания? Как мог он отдать их темным и неразумным народам, сознание и развитие которых было отдалено от атлантского, подобно как Земля отстранена от Солнца? Его душа пребывала в смятении, ибо только он один знал, ЧТО могут дать народам отданные им знания. Но теперь он уже сомневался в правильности своего решения, он сомневался в том, что люди с тем же трепетом, что и он, воспримут великие знания. Он уже заранее скорбел об угрозе их утраты.

Оставалось только уповать на избранных, которые отправились в далекие странствия, чтобы принести народам земли свет и знание. Микар, вновь и вновь вспоминая их прекрасные, одухотворенные лица, уповал на их мудрость и благоразумие, на их терпение и кротость перед любыми суровыми испытаниями. Сегодня в далекий путь отправился последний парусник, он, также как и отбывшие до него, уносил все дальше от родных берегов посвященных в великие тайны и их бесценный груз.

Все последнее время Микар провел в непрерывных хлопотах и заботах. Он и не думал, что затеянное им дело, окажется столь непростым. Посланные им гонцы развернули большой поиск, в который включились, впрочем, только надежные и проверенные люди. Верховный жрец не мог позволить широко распространиться известию о предстоящей трагедии. Своим оком мудрости он разумел масштабы бедствия, он знал, что спастись будет дано немногим. Так к чему же смущать умы людей, сеять среди них страх и ужас, коль изменить ничего нельзя.

Достойных великой миссии было выбрано лишь несколько человек, но отчасти посвященных, способных сопровождать их, а также и бесценный груз, собралось множество. На каждом из островов Атлантиды были найдены люди, не потерявшие в сладком плену

материального мира высоких заветов своих небесных предков. Тех, кто в далеких и опасных странствиях должен был сопровождать истинных посвященных, Микар поручил заботам жрецов атлантических островов. Именно они вели долгие беседы с этими людьми, они вновь передавали им давно забытые знания. У себя же в своем собственном доме он собрал тех, кто в ходе искусного обучения, предпринятого лично им самим, должны были стать настоящими посвященными.

Теперь все свои дни Микар проводил с ними, с новыми своими учениками. Начиная с ними мудреные инициации, он, ощущая гулкий стук своего вдруг разволновавшегося сердца, понимал, что вряд ли в его долгой жизни было что-то важнее этого. Да и как же его старому сердцу было не волноваться и не трепетать в груди, ведь никогда и никому он, Верховный жрец Атлантиды, хранитель великих и древних знаний, не осмелился бы передать и ничтожной доли того, что должен был отдать им.

Молодые люди смотрели на величественного старца с немимым восторгом и благоговением, они до сих пор не могли полностью осознать свою причастность к вековой премудрости предков, о которой они слышали лишь в легендах и преданиях. И вот теперь сам Верховный жрец, достопочтимый Микар, принимая их в собственном доме, двери которого, по слухам, распахивались редко, да и то лишь для правителя или кого-то из жрецов, сам Микар в мудрых речах своих раскрывает им великие тайны мироздания.

Микар изъяснялся пространно и искусно, казалось, он нарочно старается внести путаницу в умы учеников своими мудреными речами. Он видел, как постепенно исчезали из их глаз осмысленность и понятливость. Поначалу они всеми силами старались ухватить его мысль, но она, скрытая в сложных словах и оборотах его непростого

языка, ускользала от них, так что каждый из них уже отчаялся уразуметь рассуждения Верховного жреца.

Когда же в их глазах он увидел отстраненность, появляющуюся всякий раз, как слушатель переключит свое сознание на собственный внутренний мир, погружаясь кто в воспоминания, кто в яркие впечатления, он сказал:

- Теперь я вижу вашу готовность внимать великим знаниям. Только в состоянии полного углубления в себя, полной отстраненности от всего внешнего ваш ум, как благодатная почва, впитает в себя живительную влагу знаний.

При этих словах голос Микара неожиданно сделался пронзительно громким, так что многие, уже почти погруженные в состояние прострации, вдруг невольно вздрогнули и словно очнулись ото сна.

- Но от моего голоса, и только лишь от него, вы не сможете отстраниться. Внимайте моему голосу! Он проникнет в тайные уголки вашего сознания, разбудит все возможности, скрытые пока от вас самих и мира. Он передаст вам великие знания, дарованные Атлантиде Сынами Небес. И вы понесете их по миру во имя света и добра.

Несколько дней длилось это странное обучение. Ни ученики, погруженные в глубокий транс и недвижимо сидящие на полу, скрестив ноги и расслабленно опустив руки, ни сам Верховный жрец, никто из них не мог прервать обучение и покинуть сумрачный, прохладный зал. Голос Микара звучал беспрестанно, он вещал и вещал о тайнах мироздания, о законах земных и космических сил, имеющих единство происхождения, о великой магии геометрии и алхимии, лежащих в основе всеобщей магии человечества, о тайнах многих других наук и искусств.

К исходу третьих суток силы стали покидать Верховного жреца,

он вдруг ощутил полное бессилие и упадок не только мыслей, но и чувств. Казалось, что и сам он погружается в состояние, подобное состоянию его учеников, временами он уже не воспринимал и смысла собственных речей. И хотя, как ему казалось, он ничтожно мало передал знаний ученикам, Микар все-таки решил на достигнутом прекратить обучение. Он полагал, что в его миссию вмешались Высшие силы, не дающие ему больше ни физических, ни духовных возможностей для продолжения обучения. Значит, хватит и того, о чем он им успел поведать. Оставалось только надеяться на надежность выбранного им способа передачи знаний, потому что обучать молодых людей обычным способом посредством лекций у него не было времени.

Ученики полностью пришли в себя, когда Верховного жреца в зале уже не было. Тот понимал, что в момент окончательного выхода из прострации, никакой внешней, сдерживающей эмоции силы быть не должно, и потому оставил учеников одних. Впрочем, на случай необходимого вмешательства за дверьми зала неотступно находился один из старейших служителей храма, память которого хранила несколько подобных сеансов, хотя и не таких многочисленных. Седур знал, как тяжело бывает людям вернуться в бытие, бывали случаи, когда приходилось едва ли не насильно поить учеников усыпляющим напитком, дабы избежать всплесков эмоций и чувств, нежелательных в подобной ситуации.

Седур пристально наблюдал за молодыми людьми. Он видел, как постепенно их тела начинали расслабляться и выходить из напряженной и трудной для их конечностей позы скрещенных ног. Они, придя вдруг в себя, с изумлением озирались вокруг, не понимая, где находятся и кто рядом с ними. Обычно в этот момент и проявлялись нежелательные эмоции по отношению к окружающим,

которые зачастую воспринимались ими враждебно. Но в этот раз Седур вздохнул с облегчением: то, к чему он всякий раз готовился мучительно и тяжело, среди этих людей не произошло. Никто из подвергшихся обучению не проявлял и тени враждебности к своим сотоварищам, напротив, они, осознав свое присутствие в доме Верховного жреца, приветливо и доброжелательно приветствовали друг друга, и вдруг, вспомнив сам процесс обучения, принялись оживленно обсуждать случившееся, перебивая один другого, делиться впечатлениями. Пока они не могли встать, затекшие ноги не слушались, расслабить их было непросто, а попытавшиеся в один миг выпрямить свои конечности застонали от боли.

Седур понял, что им все-таки понадобится его помощь, если не для устранения негативных эмоций, то для расслабления их измученных тел. Резко распахнув двери, он предстал перед учениками с вытянутыми вперед руками. Не говоря ни слова, он подходил к каждому из них, не касаясь руками их онемевших колен, лишь приближая ладони к ним, он направлял чрез них какой-то странный ток, от которого вздрагивали мышцы, и расслаблялись. Ученикам казалось, что ноги сами, против их воли, расслабляются и вытягиваются, при этом каждый из них ощущал блаженство неизъяснимое.

- Все вы устали, - обратился к ученикам Седур, когда покончил со страданиями последнего из них, - ваши тела требуют отдыха. Я провожу вас в опочивальни, подготовленные для каждого из вас, и вы погрузитесь, наконец, в долгожданный и исцеляющий сон. А теперь поднимайтесь. Смелее! Боли больше нет.

Они поднялись несмело, шагая нетвердо и неуверенно, словно только обучаясь ходить, потянулись за Седуром, чтобы через несколько мгновений впасть в долгий и благотворный для их потревоженного сознания сон.

Но Микар и после этого не оставлял их без присмотра. Он не входил в их опочивальни, он присутствовал подле них незримо и неосяземо, чтобы понять, насколько же выбранные люди, вооруженные им знаниями, смогут выполнить великую и трудную миссию.

Своим оком мудрости он стремился узреть предстоящие в их жизни события. Пред его взором вставали то картины их встреч с какими-то полуголыми людьми с пиками в руках, громко и пронзительно приветствующими атланта, судя по всему, принимая его за божество, то картины строительства огромных пирамидальных сооружений, величественных дворцов и храмов, то он видел людей, наблюдающих за ночным небом, стремящихся среди мириад звезд рассмотреть их истинное расположение к земным событиям. Он понимал, что знания Атлантиды все равно найдут применение среди народов, пусть, конечно, далеко не все, но некоторые дойдут до людей, будут им полезны.

Средь картин с великой болью душевной видел он и костры, освещавшие своим пламенем, казалось, само небо, а в них среди прочих, свертываясь, горели древние манускрипты, некоторые из тех, что с трепетом он берег долгие века и с тревогой за их судьбу отдал он своим ученикам накануне бедствия. Велик, велик будет урон от разрушения! Нестерпимо больно было его душе осознавать эту предстоящую невосполнимую утрату. Великие знания уже пролиты на землю Сынами Небес, и было бы наивно ожидать вновь свершения этого чуда, нет, знания эти уже не вернутся к неразумным детям земли. С гибелью Атлантиды шанс обретения знаний и света будет дан и другим народам, но многие из них, несчастные, погрязшие в вечном плену собственных материальных иллюзий, так и не воспользуются им.

Но не все манускрипты и книги, это он чувствовал и видел ясно,

постигнет печальная участь уничтожения от рук неразумных и темных людей, множество их все-таки будет сохранено, самые ценные из них просвещенные люди сокроют от посторонних глаз до поры, когда настанет, наконец, и их черед нести благодатные знания далеким потомкам.

В спящих под его кровом учениках он предугадывал разные предначертания: в одних он видел жрецов, проповедующих среди народа смысл великих доступных для общей массы людей истин, в других философов и ученых, слывающих провидцами своего времени, были маги и чудотворцы. Но одному из них было уготовано действительно удивительное будущее, красивому юноше с сердечной улыбкой и печалью несчастной любви в ослепительно черных глазах предстояло взойти в пантеон земных Богов, которые слыли таковыми за выдающиеся способности и невиданные для простых людей возможности. Имя его слегка исказит чужой язык, люди эти его нарекут Тотом, и станет он для этого народа Богом мудрости и великого знания, ибо научит он народ сей многим искусствам, а главное, строительству неразрушимых временем пирамид и храмов, из родной земли своей он принесет знание изготовления клипсидр, водяных часов, он научит их счету лет. Многие дела ему предстоит свершить в чужой далекой стране, путь в которую, да и сама жизнь в ней, не будут легкими для него. Но сердце его будет согрето великими знаниями и памятью о родной земле, где оставлено навсегда все самое дорогое для его сердца. Однажды став избранным, он с трепетом, как и Микар в своей жизни, понесет в сердце свое великое посвящение.

Просмотрев предстоящие события жизней своих учеников Микар успокоился, старания его не были напрасными, выбранные люди, как и следовало ожидать, оказались истинными посвящен-

ными. Он передал им все необходимые знания, вручил ценную кладь, теперь им самим предстояло шагать по земле, творя большие дела.

На другой день Верховный жрец вновь встретился с учениками. Они хорошо отдохнули, сон их был глубок и долог, все выглядели бодрыми и веселыми. Накануне их пробуждения Седуром по распоряжению Микара был приготовлен напиток забвения, который должен был на некоторое время слегка исказить реальность, придать ей в их сознании другие очертания. Чтобы горечь прощания с родиной не сожгла их сердца, им надлежало забыть на время об этом, увидеть свое путешествие в ином свете. Возвращение к реальности произойдет постепенно и незаметно, но за это время в потоке нахлынувших дел и забот они уже не так трагично станут воспринимать свое прощание с родной землей.

Микар еще раз окинул взглядом их лица. Он обратился к ним вновь, но не так, как в их первую встречу, мудро и витиевато, а просто и сердечно, как к близким, родным людям. Он еще раз поведал им об их великой миссии, вскользь обмолвился о том, что зрит полный успех их будущих дел, он пожелал им терпения и смирения.

- За какое дело вы бы ни брались, всегда помните, кто вы и откуда вы родом, всегда помните, что вы сыновья великой Атлантиды. Вам придется жить среди чужих людей на чужой земле, но осознание вашего истинного происхождения будет согревать ваше сердце великим светом.

Микар, стоя под сенью сумрачного, запыленного веками библиотечного свода, вспоминал свое прощание с каждым из них. Хотя и скорбела его душа, но он осознавал, что таков ход времен, и изменить его не дано никому. Но от мысли о том, что он выполнил свой долг, поступил так, как подсказывало сердце и накопленная веками мудрость, светлее было его душе. И это несмотря на то, что суровые

испытания ждали не только тех, кого он благословил на странствия, но и его самого, ведь на нем лежала великая ответственность - ему предстояло разделить с народом страшную участь гибели своей великой страны.

Глава 22

Парусник, увлекаемый ветрами Атлантики, стремительно удалялся от берега. Тод, стоя на палубе, вглядывался в знакомые очертания главного порта Аталлы, где часто он проводил свое время, следя за уходящими в океан судами. Он вспоминал, что всякий раз, наблюдая за теряющимся в призрачном мареве кораблем, он пытался представить себе, как прокладывает он себе путь средь бескрайнего морского простора пока не пристанет к чужому берегу неведомой земли. Как тогда хотелось и ему оказаться на борту парусника, отправиться к далеким берегам и странам. И вот теперь он сам уходил в далекое путешествие, но не было радости в его душе, от восторга предвкушения неведомого не пело его сердце.

Он смотрел, как отдаляется от него огромный портал, откуда в дальние странствия отправлялись парусники, и ощущал неизъяснимую тоску и отчаянье, ведь никогда больше ему не увидать родной земли, не встретиться с родными, не взглянуть на любимую. Тоду не помог и напиток забвения Микара, он ни на миг не переставал чувствовать боль в своем сердце. Не помог ему чудодейственный напиток отстраниться от происходящего и, хотя бы на короткое время, увидеть его в другом, искаженном, радужном свете. Он не переставал каждый миг с болью и страданием воспринимать происходящее, ясно осознавая трагическое величие разворачивающихся событий.

После тяжелого разговора с учителем Тод еще долго не мог

умом вникнуть в страшную суть его слов. Он шагал по знакомым улицам, щедро заливаемых солнцем ослепительным светом, и не мог поверить даже в призрачную возможность предрекаемого печального исхода. Невозможно было представить, чтобы вдруг не стало бы его Атлантиды, такой солнечной и цветущей, благоухающей ароматами садов, наполненной смехом красивых и счастливых ее детей. Нет, в это поверить он не мог. Но, с другой стороны, он вдруг задумывался над тем, что учитель его, умудренный опытом и великими знаниями, верит в предсказание, так почему же он, неискушенный жизнью юноша, упорно отказывается поверить в него?

Уставший и совсем разбитый он пришел домой. На пороге, как обычно, его встретила мать, ласково улыбнулась, спросила, отчего ее сын сегодня так бледен. Тод не умел лукавить с Нефрит, всегда честно и открыто он рассказывал матери обо всем, что случалось в его жизни. Несмотря на необычность случившегося, он не стал скрывать от Нефрит своих тревог, решив, что пусть его мудрая мать почувствует своим чутким сердцем, так ли уж велика опасность.

Нефрит слушала внимательно, не перебивая и не восклицая, лишь глаза ее все больше наполнялись печалью. Тод замолчал, ожидая от матери ответных слов, но она лишь с грустной улыбкой смотрела на него.

- Почему же ты молчишь? - спросил он Нефрит. - Скажи, что все эти предсказания пусты, ведь не может погибнуть наша Атлантида.

- Тод, какой же ты стал взрослый! Я только сейчас это поняла! - воскликнула Нефрит, стараясь скрыть слезы.

- Зачем ты уходишь от ответа? - сурово спросил он мать.

- Я только сейчас поняла, какой же ты взрослый, ведь сегодня свершилось великое событие, ты узнал о том, что достоин быть избранным.

- Я не понимаю, при чем здесь это.

- Еще будучи девушкой, от старых мудрецов я слышала предсказание о том, что Атлантида должна погибнуть, они не знали дат и времени, но уверяли, что это обязательно произойдет. Они говорили, что всем суждено погибнуть, мудрые Сыны Небес спасут лишь избранных, наделенных великими способностями и знаниями.

Тод застыл в немом изумлении, слушая речи Нефрит. Он, надеявшийся на ее отрицание предсказания, теперь и в разговоре с матерью убеждался в истинности слов учителя. Нефрит говорила спокойно, лишь глаза ее были опущены, когда же она их подняла на сына, то он увидел в них слезы.

- И вот теперь ты рассказываешь мне о том, что избран, - голос Нефрит зазвенел от волнения и сдерживаемых слез. - Что же я могу чувствовать с такой момент? Великую печаль и скорбь, - раз уже так широко распространены предсказания, значит, скоро их свершение, но, в то же время, и неизъяснимую радость и восторг. Мой сын избран Сынами Небес! Он будет посвящен в великие знания и понесет их людям. О такой участи для своего сына можно только мечтать.

- Моя дорогая мать, я не верю своим ушам, ты ли мне это говоришь! - с горечью воскликнул Тод. - Я надеялся, что ты разуверишь меня в моих страхах и опасениях, а ты, напротив, их подтверждаешь, и подтверждаешь с восторгом и упованием на мое высокое посвящение.

Нефрит подошла к сыну, взглянула в его глаза и заговорила горячо и убежденно:

- Как бы я хотела сказать тебе сейчас, что услышанные тобою слова пусты! Сказать тебе это и продолжать обычную свою жизнь в спокойствии и размеренности, в окружении всех своих детей, но я не хочу тебя обманывать, тем более, что из всех моих сыновей ты един-

ственный нуждаешься сейчас в истине. И потому я не буду скрывать ее от тебя. Только мы вдвоем, ты и я, будем знать ее, будем предчувствовать предстоящие события. Нам с тобою будет нелегко, тем, кто не ведает о плохом, тем легче ждать беды, но мы с тобою должны пройти чрез все это с открытыми глазами и доверием в сердце. И потому я с великой радостью и блаженством благословлю тебя, мой дорогой сын, на великую миссию и трудный путь. Ты должен с честью выдержать все испытания и в назначенный час, когда наступит и твой черед, предстать пред Сынами Небес со светлой душой и чистым сердцем, не запятнанными ни скверной, ни пороком. Всем своим сердцем я верю в тебя, мой милый, добрый мальчик. Своим материнским сердцем я предчувствую твою большую удачу.

Наверное, только сейчас Тод понял, что он обречен на вечную разлуку не только с Атлантидой, но и со своими родными, и, что самое больное для него, с любимой матерью, в мудром сердце которой он всегда находил понимание и поддержку. Он встал перед матерью на колени и, как когда-то в детстве, вымаливая прощение за шалость, уткнулся в ее колени, горькие, прощальные слезы текли по его щекам.

- Ну-ну, не плачь, ты же мужчина, а мужчинам слезы не к лицу.
- Нефрит подняла сына с колен, прохладными ладонями осушила его слезы. - Всеми своими мыслями я всегда буду с тобой, я буду присутствовать незримо рядом, поддерживать и помогать тебе. Когда-нибудь мы вновь встретимся с тобой. Там, в другом мире, мы встретимся вновь и долго-долго не будем разлучаться. Ты веришь мне? А пока каждый из нас должен выполнить волю Небес, каждый из нас должен пройти путь, предназначенный нам Небом. И мы его пройдем.

- Скажи, почему же мы не можем вместе отправиться к далеким

берегам? Тогда и ты спасешься тоже. Мне невыносима мысль о том, что я спасаю свою жизнь, а тебе суждена гибель. Я не могу тебя оставить, ведь я же твой сын.

- Ты не можешь остаться. А я не могу отправиться с тобой, ведь здесь и другие мои дети, я не могу их покинуть в трудный час. Кроме того, рассказывать всем о предсказании нельзя, возникнет паника, а она ни к чему, ведь все равно спастись позволено только избранным. Мы спокойно с душевным смирением примем все, что посылают нам мудрые Боги. Ты не печалься о нас, твой путь в стократ труднее и опаснее. Но я буду молиться за тебя. Я верю, Боги тебе помогут!

Тод мысленным взором вновь и вновь обращался к странным и удивительным событиям, вдруг случившимся с ним. Еще вчера он считал бы безумцем любого, кто отважился бы ему предсказать его визит к самому Микару. И потому невозможно было поверить в реальность Верховного жреца, достопочтимого Микара, в чьих руках находилась главенствующая власть Атлантиды, беседующего с учениками, среди которых был и Тод. Удивительны были все превращения, произошедшие с ним. Временами ему даже казалось, что все случившееся произошло не с ним, кто-то другой, более достойный и умный, но, уж конечно, не Тод, прошел все инициации Верховного жреца и стал посвященным.

Но постепенно с течением времени все встало на свои места, и он, наконец, полностью осознал свою новую сущность, оставшуюся, по сути, старой, но измененную потоком знаний, щедро пролитых Микаром в сознание своих учеников. Осознал он и то, что его ждут другие земли и новые пути. Непросто ему было смириться лишь с вечной разлукой с Атлантидой, родными, друзьями и незабвенной для его сердца Лессирой. Он уезжал, оставляя всего себя на родной земле, рядом с дорогими людьми, к которым он будет стремиться

всегда своими чувствами и мыслями. Даже тогда, когда их уже не станет на этом свете.

Стоя на палубе Тод, не отрывая взгляда, пристально следил за тем, как родная земля постепенно исчезала, таяла в призрачном мареве солнечного света.

Вольный морской ветер с силой раздувал паруса, которые уносили к чужим берегам одного из величайших сынов Атлантиды.

Глава 23

Праздничное шумное веселье, объявленное по случаю свадьбы Лессиры и Гроджа, ушло в прошлое. Во всяком случае, Лессира помнила его смутно. Перед ее мысленным взором при упоминании о свадьбе мелькали лишь отрывочные картины: пиршественный зал, полный гостей, одетых праздно и красиво, улыбающееся лицо отца, как ни странно, облик своего спутника она почти не помнила, словно и не было его на торжестве, оно было закрыто от нее пеленой непроницаемого тумана, один лишь расплывчатый силуэт, беспрестанно маячивший рядом с нею. Вспоминая свою свадьбу, Лессира старалась понять, кого же не было в зале. Она вспоминала долго и мучительно, и не могла припомнить, кого все время искали в толпе ее глаза. Искали и не находили.

Приходить в себя она стала, когда супруг покинул ее и отбыл в свои архонтские владения.

Гродж, чувствуя себя вполне счастливым, как и всякий человек, добившись поставленной цели, решил, что уже довольно с него этого пресного дворца правителя Атлантиды с его мнимой добродетелью и порядочностью. Он жаждал вновь оказаться в своем архонтском дворце, где так нетерпеливо ждали его прекрасные наложницы, с которыми он весело проводил свое время. Нет, его не прельщала участь всегда и всюду быть при своей печальной и молчаливой жене, за время, проведенное вместе, прескучевшей ему

чрезмерно. В конце концов, он выполнил весьма непростую задачу, добился дочери самого Хроноса, вошел к нему в полное доверие, ну и хватит уже с него, пусть пока поживут и без него. Он, конечно, вернется, когда чары его волшебного обаяния начнут развеиваться, он вернется, чтобы обновить их, он станет их продлевать еще и еще, чтобы сохранить полный контроль над женой и ее отцом, через которых он должен прийти к власти, абсолютной власти. Но это будет после, а теперь он нуждался в расслаблении и отдыхе.

Оставшись одна, Лессира словно проснулась, очнулась от долгого сна. Она вдруг ощутила удивительную легкость во всем теле и необъяснимую свободу. Но, пытаясь припомнить день вчерашний и все, предшествовавшие ему, в ее душе снова возникало ощущение тяжести и тумана.

- Сегодня госпожа вновь выглядит свежей и красивой, - сказала Назира, вошедшая в опочивальню Лессеры с легким завтраком на витем золотом подносе.

- Почему же сегодня? - удивилась Лессира.

- В последнее время госпоже, видимо, нездоровилось, она была бледна и рассеяна.

- Ты права, сегодня я чувствую себя чудесно.

- Это и неудивительно, ведь госпожа теперь замужем, у нее такой красивый супруг.

- Да, Тод красив.

Наступило молчание. Назира с изумлением смотрела на свою госпожу. Если бы перед ней вдруг ожили бы чудовища из старинных легенд, она и то не была бы столь поражена. Но уже при последующих словах Лессеры изумление в глазах Назеры сменилось ужасом, ведь она решила, что ее госпожа не в своем уме.

- Тод?.. Я сказала Тод?.. Но ведь на свадьбе был не Тод?.. А где

же Тод?.. Где он, Назира?.. Как он смел бросить меня?..

- ... Госпоже... я вижу нездоровится... надо выйти на свежий воздух...

- Что ты мне голову морочишь? Ты можешь толком ответить мне?

Неожиданно новая догадка пронзила мозг Назиры:

- А-а-а, я знаю, что произошло с моей госпожой!

Назира вдруг бросилась к ногам дочери правителя и, испуганно озираясь, перешла на шепот:

- Госпожу околдовали. Околдовали! Так вот почему никто не может понять, как же госпожа согласилась выйти замуж за этого злого Гроджа!

- Гроджа?.. Я вышла за него замуж?!

Лессира ошеломленно смотрела на свою верную служанку и не могла понять, как же она могла такое сотворить, и главное, когда все это с ней произошло.

- Назира, я ничего, почти ничего не помню... Перед глазами лишь отрывочные воспоминания, лица, все, как в тумане... Боги, что со мной?!

Лессира стремительно выбежала из опочивальни. Она бежала, беспрестанно озираясь, словно боялась, что кто-то, невидимый и опасный, вдруг настигнет ее. И только оказавшись в другом крыле огромного дворца, остановилась, перевела дух. Она подошла к распахнутому окну, пред ее глазами предстала, как на ладони, вся Аталла, а за нею раскинулся бескрайний морской простор, море было повсюду, насколько хватало взгляда.

Лессира, немного успокоившись, с наслаждением вдыхала свежий воздух Атлантики и пыталась собрать в единое собственные отрывочные мысли, разделенные полными или частичными про-

валами в памяти. Если бы ее попросили рассказать обо всех днях, прошедших в последнее время, она бы не смогла. Она почти ничего не помнила, словно кто-то накинул тончайший покров тумана на ее сознание. Но не все события ее жизни покрыл туман, а лишь те, что произошли в последнее время, в основном, они были связаны с Тодом. Лессира вдруг обнаружила, что не помнит ни его образа, ни его голоса, ничего, что было связано с ним, лишь одно его имя вдруг всплыло в памяти. Оно одно пробуждало ее память. Она, как за спасательную нить, ухватила за него, неосознанно понимая, что его имя поможет ей вспомнить все.

И постепенно прошлое стало проясняться. Она вспомнила лицо Тода, его улыбку, голос, и все это вновь воссозданное ее памятью, всколыхнуло поток воспоминаний, запертых до сего момента где-то в глубинах ее сознания. Вместе с этим пришла боль, настоящая, жгучая душевная боль, испытываемая ею впервые. Она вдруг ясно поняла, что, наверное, ей его не увидеть больше. Разве позволит это она сама себе, теперь, когда она вышла замуж. Разве она сможет объяснить Тоду, что вышла замуж при весьма странных обстоятельствах, почти против своей воли. Нет, этого никто не поймет. И все же она должна его увидеть. Ведь нет ее вины в нынешнем ее положении, она жертва подлого обмана.

Но мысли о Тодде перебивались другими, нестерпимо жгущими ее сердце. Ярость душила ее. Как посмел этот ничтожный плебей, треклятый архонт Гродж, так с ней поступить! Как посмел он подчинить ее себе! Ей хотелось уничтожить его, стереть с лица земли. Нет, ей необходимо поговорить с отцом, рассказать ему все. Пусть он даст приказ и сошлет безвозвратно в дальние страны Гроджа. Она должна отомстить обидчику, нет, даже не обидчику, заклятому врагу.

Приняв решение, она со спокойствием и твердостью в душе

отправилась к отцу. Но, приближаясь к дверям царских покоев, она вдруг снова почувствовала себя нехорошо, закружилась голова и в сознание ее снова стал просачиваться туман. Лессира пыталась сопротивляться ему, но вскоре из ее памяти опять стали исчезать четкие образы и картины, она погружалась в состояние странного расслабления. Ей вдруг расхотелось идти к отцу. Нет, к нему она зайдет позже, а пока ей надо прилечь, немного отдохнуть, уснуть.

Нетвердой походкой она отправилась в свои покои, туда ее неудержимо влекла какая-то сила. Ей вдруг страстно захотелось там оказаться, ей следовало быть там и как можно быстрее. Она чувствовала, что там ее ожидает что-то приятное, неожиданное, завораживающее.

Дверь в свою опочивальню она распахнула резко и нетерпеливо. Сердце ее радостно забило, словно пойманная ловцом птица. В глубине комнаты, у окна, она различила очертания мужской фигуры. В мужчине она узнала своего супруга, которого так долго ждала. «Но почему долго? - вдруг подумалось ей, ведь они расстались вчера. Вчера!? Разве же это недолго, нет, долго, очень долго, почти целую вечность она не видела его. Но, наконец, он здесь, сейчас она утонет в его могучих объятиях. О, скорее бы! Ей не дожидаться его нетерпеливых и страстных прикосновений.

Гродж неторопливо повернулся к Лессире. Он улыбался ей, но глаза его оставались холодными. До сего момента он пребывал в большой досаде оттого, что его отдых был нарушен так скоро. Не успел он и одного вечера провести в кругу своих наложниц, не успел он даже слегка отстраниться от Хроноса и его дочери, как почувствовал, что Лессирой уже не владеют его чары. Скрипя зубами, он вынужден был вновь собраться в дорогу. На этот раз он решил использовать кое-что посильнее. Теперь она будет все время маяться

от любовной тоски по нему, ей уже никогда не стать собой, только одна мысль будет владеть ею без остатка, мысль о его объятиях и его страстной любви. Только это отныне будет занимать все ее думы.

- Ты, я вижу, скучала по мне, - насмешливо сказал Гродж, приближаясь к Лессире. - Ну-ну, успокойся. Я снова здесь. Иди ко мне!

Глава 24

Правитель Хронос проводил свои дни в тоске и печали. Так и не сбылись его надежды на счастье и покой ни в семье, ни в самом государстве.

После появления во дворце Гроджа Хронос не узнавал свою дочь, и чем больше проходило времени, тем все явственнее для него были перемены в ней. Его сердце болело оттого, что Лессира из гордой и независимой красавицы, истинной дочери правителя, превратилась почти в рабыню, полностью зависимую от своего господина. Она повсюду неотступно следовала за Гроджем, а когда он уезжал в свой дворец и не брал ее с собою, а он никогда не брал ее туда, то она дни напролет, не выходя никуда, проводила в своей опочивальне, когда же Хронос входил туда, чтобы поговорить с нею, он видел ее заплаканной, с покрасневшими, опухшими от слез глазами.

Хронос не понимал столь пылких чувств, тем более, что дочь его никогда не выделяла архонта своим вниманием. Он мог допустить, что супружеская жизнь могла стать причиной такой тесной привязанности, но Хронос знал свою дочь, она бы не позволила никому себя подчинить. Временами его сердце чувствовало что-то плохое, гадкое, что вошло однажды в их жизнь и поселилось под сенью дворца. Но он так и не смог додумать эту мысль, постараться понять суть происходящего. Он ничего не мог изменить, и потому все шло так, как шло.

Ничего изменить он не мог и в своем государстве. Как-то незаметно случилось так, что к распрям и недовольству разделом земель добавилось еще недовольство и самим Хроносом, тем, как он управляет великим государством. Ему приносили слухи о том, что народ хочет воевать, поработать другие народы, владеть их землями и богатствами, а правитель чинит препятствия им в том. На многочисленном народном собрании не раз уже звучали призывы передать управление государством зятю правителя Хронса Гроджу, что де сей мужественный и отважный человек по-иному распорядится великой Атлантидой, уж он-то завоюет для нее настоящую власть и несметные богатства, он принесет истинное благополучие и процветание в каждый атлантский дом.

Мысли Хроноса блуждали от одного предмета его тревоги к другому, но он так и не мог понять, как же он должен поступить. Он не мог побороть появившееся в последнее время странное расслабление во всем теле, казалось, что постепенно силы покидают его, он больше не ощущал обычной энергии, позволявшей ему чувствовать себя бодрым и здоровым, способным на великие дела, мудрые мысли. Что же произошло с ним и его дочерью? Этот вопрос он многократно задавал себе и не находил ответа на него. В своем нынешнем состоянии он не способен был ни мыслить здраво и твердо, ни действовать, столь же решительно, как и раньше. Единственное, что ему оставалось, так только подолгу быть недвижимым, отстраненно созерцать со своей террасы Аталлу и бескрайнее море, подступающее к ней со всех сторон. Хронос не находил в себе сил, чтобы вернуться к обычным делам и заботам, коих было немало в его государстве.

Он понимал, что дела его пущены на самотек, кто-то, но не он, отдает теперь распоряжения, касающиеся и его дома, и его государства. Он знал, что и Лессира ныне не распоряжается здесь, под сенью

дворца, ибо и она, также, как и ее отец, впала в состояние полной отстраненности, единственное, что ее волновало, так это ее супруг, без которого она не могла прожить и дня. Но Хронос не находил в себе сил, чтобы стряхнуть странное оцепенение и приступить к действию, день ото дня все большее равнодушие охватывало его. Ему было совершенно безразлично, что произойдет в его собственной жизни, равно как и в жизни его любимой Атлантиды.

Странно, но все, что еще в недалеком прошлом, вызывало такие бурные эмоции, заставляло искать пути будущих действий, теперь воспринималось, как пустая суета. Действительно, не все ли равно, что будет, ведь все пройдет, как дым, и канет в лету. Так зачем понапрасну вступать в спор с самими Богами? Только им ведомо будущее, повлиять на которое человек все едино не способен.

Несколько раз к Хроносу приходил его дорогой друг Синапериб, но правитель равнодушно встретил и его, ему не хотелось говорить даже с ним. Архонт постарался беседой вывести его из оцепенения, но все было безрезультатно, глаза Хроноса оставались равнодушными и усталыми.

Синаперибу неприятно было неотступное присутствие во дворце Гроджа, который подозрительно и неприязненно встречал его, но поначалу он не оставлял своих попыток вернуть Хроноса в его обычное состояние, и только убедившись в полной безысходности и странной, как будто застывшей, неизменности его нынешнего положения, он перестал навещать своего бывшего друга.

Но Синапериба не покидали тревожные мысли о будущем и самого Хроноса, и Атлантиды, по сути, оставшейся без правителя и отданной на откуп смутьянам, подстрекаемым, как полагал Синапериб, именно зятем правителя Гроджем. Как человек большого ума и тонкой проницательности, он видел, каким образом развиваются

события и в какое русло их стараются увести управляемые Гроджем корыстные и злобные люди, заинтересованные в нужном исходе. Архонт долго пребывал в сомнениях, стоит ли противодействовать им, а если стоит, то каким образом.

Долгое время он размышлял, но когда народные собрания стали многочисленными и шумными, и люди, собирающиеся на площади перед дворцом правителя, все громче и яростнее кричали против Хроноса, он решил, что уже нечего ждать, и рискнул отправиться к самому Верховному жрецу.

Доселе мало кто из архонтов смог побывать в доме Верховного жреца. Микар, как представитель верховной власти, по мере надобности, влиял на ход событий через Хроноса, который всецело полагался на мнение жреца, живого олицетворения вековой мудрости и великих божественных знаний. Поэтому двери дома Микара открывались лишь перед правителями Атлантиды, в нынешнюю бытность перед Хроносом, да еще перед некоторыми особо избранными людьми. И потому Синапериб с замиранием сердца ждал решения судьбы этой встречи в приемном зале дома Микара, куда его проводил молчаливый слуга.

К его удивлению Верховный жрец не заставил себя долго ждать. Легко ступая по темному мраморному полу, он приблизился к архонту, и приветствовал его, по обычаю, приложив руку к груди. Микар, пытливо вглядываясь в лицо Синапериба, словно стараясь понять его мысли и намерения, молча указал рукою на кресла, утонувшими витыми, потемневшими от времени ножками в пестром ворсе ковра. Синаперибу подумалось, что, должно быть, именно здесь Микар принимал правителей Атлантиды, правивших в его бытность.

- С чем пожаловал, достопочтимый архонт Синапериб? - не спу-

ская своих пристальных глаз с архонта, спросил Микар.

- Тревога и печаль меня снедают, о великий Микар. Больно моему сердцу оттого, что смута поселилась на нашей земле, но еще больнее мне от беды, случившейся с правителем Хроносом.

- Мне ведома его беда, - спокойно ответил Микар, - в ней виноваты его беспечность и безграничная доверчивость.

- Я полагаю, речь идет об архонте Гродже, так хитро проникшем в дом царя? - осторожно спросил Синапериб.

- Причина всех бед правителя Хроноса кроется в его ближайшем окружении, - уклончиво ответил он.

- Достопочтимый Микар, позволь мне просить тебя о великой милости. Помоги Хроносу, ведь сие в твоих силах! - горячо воскликнул Синапериб.

- Почему ты просишь об этом? Что тебе с того? – теперь глаза Микара еще более пристально взирали на архонта.

- Я люблю всей душой Хроноса, он мне, как брат, и мне больно видеть его таким отстраненным и беспомощным перед лицом коварного врага. Никто не в силах ему помочь, только ты, обладающий великими знаниями и чудесными способностями.

Синапериб видел, как Микар вдруг ушел в себя. Его глаза отрешенно глядели в пространство, словно именно оно скрывало ответы на вопросы архонта.

- Мне ведома беда Хроноса и его дочери Лессиры, - вновь заговорил Микар, - вижу я и причины сего, но помочь им не в силах.

- Не может быть!

- Ты прав, выражая недоверие моим словам. Случись такое в былые времена, я не стал бы ждать твоего визита ко мне и твоих речей, волшебные чары, завладевшие правителем и его дочерью, могли быть развеяны мною в один миг. И совершил бы я сие отнюдь

не из-за любви к самому Хроносу, а из-за тревоги за Атлантиду, оставшуюся без правителя, назначенного по велению Сынов Небес. Никто не должен перечить им и, тем более, препятствовать их великим решениям. Всякий, кто отважится на это, будет сурово наказан.

Голос Микара при этих словах неожиданно возвысился, так что даже гулкое эхо отозвалось ему где-то под самым сводчатым куполом, но уже через миг голос Верховного жреца вновь сделался тихим и медлительным.

- Однако в сей миг мне не следует ничего свершать ни для спасения Хроноса, ни для других.

- Позволено ли мне будет узнать причину сего?

Взгляд Микара вновь скользнул по лицу архонта, но был он уже не пристальным и цепким, проникающим в самое естество собеседника, как в начале беседы, а усталым и отстраненным.

- В сие время я должен лишь лицезреть события, не вмешиваясь в их ход, ибо любые перемены излишни и пусты, они только внесут путаницу в дела земные, предначертанные не нами.

Синапериб с волнением вслушивался в слова Микара, он, все еще надеявшийся на то, что предсказание жреца, о котором он узнал от Хроноса, не свершится, теперь ясно понимал, что грядет самое худшее.

- Скоро Атлантида погибнет?

- Ты знал об этом? - слегка удивился Микар. - Тебе, видимо, об этом поведал Хронос.

- Да, именно он в доверительной беседе мне рассказал об этом. Так, значит, время близко?

- Близко. Надо быть готовыми.

- Народ все узнает?

- Нет, знать ему ничего не должно.

- Но, может быть, кому-то удастся спастись!

- Многие парусники уже ушли в море.

- Ушли?! Но кто отправился на них?

- Самые достойные, вооруженные великими знаниями и ценностями Атлантиды. Они должны их передать людям, вместе с правдивым повествованием о нашей славной земле. Я предвижу твой вопрос, твои мысли о том, были ли на кораблях люди власти, воспользовавшиеся своим высоким положением для спасения. Отвечу: таковых там не было, и не потому, что среди них не осталось достойных, нет, но потому только, что им следует быть до конца со своим народом в наступающей великой беде. Равно, как и правителю Хроносу, всем архонтам, жрецам островов, и мне. Тебя же, архонт Синапериб, я благодарю за добросердечие и сострадание к чужой беде, в твоих мыслях я не усмотрел ни единого корыстного намерения. Ступай с миром и помни: все, что посылается нам Небесами, каждый из нас должен принять с величайшим душевным смирением и благодарностью. Даже болезнь и смерть.

Глава 25

Выполнив свою миссию и передав в руки учеников великие знания Атлантиды, Микар чувствовал себя опустошенным. После праведных трудов, давших ему с большим усилием, его утомленная долгой земной жизнью душа жаждала успокоения. Но Верховный жрец чувствовал, что все самое страшное еще впереди. Нет, сам он не боялся умереть, в его лета даже тело противится тяжкому земному плену, он страшился за каждого из великого множества атлантов, которым суждено погибнуть вместе со своей землей. Он знал, насколько сладок для них земной плен, и потому опасался неистовства и буйства их чувств при прощании с жизнью. Верховный жрец хотел бы, чтобы люди если не с радостью, то хотя бы со смирением приняли посланное им Мудрыми Богами освобождение из губительных пут материи.

Наступал самый жаркий месяц, месяц сак. В это время пустели днем улицы города, прогретые солнцем до исхода из камней мостовых жаркого марева. Жизнь замирала в Аталле, ни голоса, ни звука, лишь нежнейший шелест фонтанов. Повседневные свои дела горожане откладывали до вечера, когда жар светила немного ослабевал.

Никогда в этот месяц Микар не покидал своего крова, ибо непереносимо им было душное марево, словно, кубок до краев, наполненное терпкими ароматами плодоносящих садов. Ему казалось, что не осталось чистого воздуха, пригодного для дыхания,

цветы фруктовых деревьев, источающие этот непереносимо сладкий запах, словно вытесняли обычную его свежесть.

В этот год месяц сак особенно был мучителен для Микара, не спасали даже затворенные наглухо окна, противная терпкость, перемешанная с нестерпимым жаром дня, все текла и текла в его дом. Не приносил облегчения и наступавший вечер, даже и он был душен и тягостен, казалось, вот-вот наступит удушье, жаркое марево было повсюду, оно томило тело и не давало простора для дыхания.

С каждым днем жара все в больший плен захватывала город. Теперь его жители даже и в вечернее время старались не покидать свои дома, ибо не стало больше разницы между днем и вечером.

Микар, не принявший сначала во внимание столь необычного хода природных событий, с усилением жары стал понимать, что сие, видимо, происходит неспроста. Неужели, уже наступает время, подумалось ему.

Он вновь и вновь обращался своим мысленным взором к картинам, как он теперь понимал, ощущал всеми фибрами души, недалекого уже будущего. И всякий раз он неизменно видел непроницаемую пелену пепла и едкого дыма. Мгла же становилась все гуще: нигде ни огонька, ни блика солнечного света. И опять слышался шум дождя, непрекращающегося, неотступного. Он ясно видел, как мутные, грязные потоки с невиданной силой обрушивались на землю. Вода все пребывала, так что земля уже была не в силах ее впитать в себя, и она свободно текла по улицам и площадям, подступала к домам, храмам и дворцам. Повсюду стоял мрак, то и дело раздавались крики доведенных до отчаяния людей.

Микар, остававшийся спокойным и уравновешенным всегда, какие бы события не приходили на его землю, в эти дни вдруг стал ощущать легкое волнение. Велика и незыблема была мудрость Вер-

ховного жреца, чтобы ее могли поколебать суетные земные дела, и потому он удивлялся своим новым ощущениям, свойственным, по его разумению, лишь незрелой юности. Но как человек, ясно зрящий в будущее, он понимал, что сие неспроста, - уж коль его душа в волнении, значит, неотступно приближаются свершения.

Вскоре в один из дней, таких же неистово жарких, как и многие предшествовавшие ему, в дом Верховного жреца прибыл посланец жреца Феркана. По серому, землистому лицу его и глазам с застывших в них ужасом Микар понял, что тот принес грозную весть, и, вправду, видимо, сроки все на исходе. С вытаращенными от страха глазами, гонец, усиленно жестикулируя, громко повествовал Микару о том, что вулкан Асбурдж просыпается. На днях был замечен дым, поднимавшейся из его вершины, причем, дым день ото дня становился все чернее, а столб его все выше. Верховный жрец молча внимал сбивчивому его повествованию. Наконец, человек замолчал, испуганно взирая на Микара, по всей видимости, ожидая его указаний. Микар знал, что отстраниться от происходящего он не может, тем более, что Хронос по злой воле ближнего своего был навсегда потерян для Атлантиды, он уже не мог никем править, не мог он быть опорой народу своему в великом горе. А посему именно он, Верховный жрец должен был возложить на свои плечи сию тяжелую, непомерно тяжелую ношу. Но разве он мог спасти народ свой? Нет, спасти его он не мог, но помочь пройти страшную черту было в его силах.

Наконец, Микар нарушил тягостное молчание. Он велел гонцу, взвизгивающего на него со страхом и подобострастием, вернуться к жрецу Феркану и передать ему послание Верховного жреца, которое скоро ему принесут. Тяжело ступая по яркому мрамору приемного зала, уходил Микар писать скорбные слова.

В своем послании Верховный жрец делился с Ферканом своими опасениями насчет ближайшего будущего их народа, он не приказывал, а просил жреца начать среди людей беседы, способные подготовить их к бедствию. «До сего времени, - писал он, - когда срок был еще нам неведом, речи сии были излишни, и даже опасны, но теперь, когда наступившие события ясно указывают на воплощение пророчеств, народ наш должно подготовить, дабы каждый мог с чистыми помыслами и душой, устремленной к небесам, пройти сквозь суровые испытания. Разрешаю, если будет в том нужда, отдать наиболее страждущим, поработанным пленом плоти, напиток забвения, пусть хотя бы он облегчит их переход».

Послание свое, тщательно свернутое в тугой свиток, он велел передать в руки гонца, а сам вновь приступил к новому письму. Такие же слова ему надо было сказать и другим жрецам, а кроме того, и архонтам всех островов великой Атлантиды, вплотную приблизившейся к самому концу своей жизни.

Покончив с писанием, Микар обессилено замер. Он вслушивался не то в звуки окружающего его реального мира, не то в дыхание сопряженных с ним миров. Его душа, почти отрешенная от земных забот, наконец-то, успокоилась, она уже стремилась прочь, она ликовала от ощущения скорой беспредельной свободы. Но Микар усилием воли преграждал этот порыв, готовый сбыться и стать единственной реальностью. Скоро, очень скоро, но не сей миг, еще не теперь! Не может он уже в сей миг отпустить свою душу, ибо без нее не будет его тела, не будет земного воплощения Микара, Верховного жреца Атлантиды, бывшего многие лета для своего народа источником мудрости и света. Нет, он будет на этой грешной и брэнной земле до самого конца, пока последний отблеск жизни не скроют яростные воды.

Эпилог

Как и прежде расстилалась бескрайняя гладь вод, солнце проливалось на землю свой благодатный свет, но не было больше на ней Атлантиды. Там, где еще недавно стояли дворцы и дома, были сады и зеленеющие всходами поля, прекрасные площади и буйствующие прохладной водой фонтаны, там, где слышался смех влюбленных, степенный, неторопливый разговор пожилых, веселые звуки пьянящей музыки на площадях во время празднеств, теперь царило лишь безмолвие беспредельной пучины вод, поглотившей все, что создавалось многими веками, все, что дышало, смеялось и пело. Повсюду, куда мог бы проникнуть человеческий взгляд, под ослепительным и сияющим светом Солнца была одна лишь вода, снова после могущественного и безжалостного неистовства ставшая вдруг спокойной, ласковой и безмятежной. За неторопливым и кротким бегом волн нельзя было угадать, что здесь, на этом самом месте, разыгралась страшная трагедия, захлестнувшая вселенскими мощными потоками воды улицы и города могущественного государства, и за один лишь день и одну ночь, для еще живых бедственно слившихся воедино, опустившая на дно морской пучины все то, что было привычным земным миром людей.

декабрь 2005 г. (окончательная редакция – октябрь 2008 г.)

Автор: Лариса Воронцова (aln1967@yandex.ru)